

Тиффани Райз

"Похититель бурбона"

Серия: вне серии

Автор: Тиффани Райз

Название на русском: Похититель бурбона

Серия: вне серии

Перевод: Skalapendra

Сверка: helenapasad

Бета-коррект: ildru

Редактор: Amelie_Holman

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Семья с бурбоном в крови и кровь на руках.

Когда Купер МакКуин просыпается после ночи с прекрасной незнакомкой, он обнаруживает что его ограбили. Единственное, что пропало - бутылка бурбона стоимостью в миллион долларов. Похититель - загадочная женщина по имени Пэрис - утверждает, что бутылка по праву принадлежит ей. В конце концов этикетка гласит, что это собственность семьи Мэддокс, которая владела и управляла винокурней «Красная Нить» еще со времен Гражданской войны, пока не вышла из бизнеса по никому не известным причинам... Никому кроме Пэрис. В предрассветные часы в Луисвилле, Пэрис раскрывает зловещую историю Тамары Мэддокс, наследницы винокурни, которая переросла в империю. Но семейное древо уходит корнями в испорченную землю, породившую гнилой плод. Они владеют богатствами и силой, а также ложью, секретами и гордыней. В крови Мэддоксов бурбон, а в их бурбоне кровь. Почему Пэрис хочет, чтобы бутылка "Красной Нити" сохраняла свой секрет, пока не раскроется правда о ее личности, и вековая клятва Тамары мести ее семье наконец не будет исполнена?

От всемирно известного автора серии «Грешники» выходит совершенно новая история о предательстве, мести и семейном скандале с вековой тайной.

Глава 1

Пэрис

В мире было не так много вещей, которые волновали Купера МакКуина больше, чем хороший бурбон. В свои сорок пять ни одной красотке не удалось уговорить его оторваться от стакана. Но когда в его бар вошла женщина в красном платье - словно подарок Богов, туго перетянутый красной лентой, - МакКуин решил, что увидел единственную женщину на планете, которая могла даже его превратить в трезвенника. Ее платье было тугим, как старый кошелек Скруджа, красным как нос Рудольфа¹, и, при взгляде на нее, у МакКуина была только одна мысль - Рождество в этом году наступило очень рано.

Мисс Рождество В Июле посмотрела в его сторону и улыбнулась, словно знала, о чем он думает, и сама думала так же, а МакКуин понял, что уйдет из бара рано и лучше не пытаться его отговаривать.

Не желая показаться слишком нетерпеливым, он продолжил пить свой неразбавленный бурбон, не выпуская ее из поля зрения. Рождество В Июле подошла к бару и присела на стул. Он наблюдал, как она изучает меню и улыбнулся, прикрываясь бокалом. Через минуту он подойдет к ней, купит ей выпивку, проговорится, что является владельцем бара, закинет свою приманку и увидит в настроении ли она ее заглотить. Он видел достаточно красивых женщин в своем баре, обычно слишком

¹ олень Санты

молодых, но у него таки была гордость, а Мисс Рождество выглядела на роскошные тридцать пять. Настоящая женщина. Взрослая женщина. Из тех, с которыми он мог спать без сожалений. У нее была смуглая кожа, а черные волосы, перевязанные красной лентой на затылке, струились тяжелыми волнами по спине; он не хотел упускать возможность развязать этот бант зубами.

Одна минута прошла, и он собрался воспользоваться возможностью.

МакКуин не почувствовал ровным счетом ничего, когда избавился от текущей беседы с тем, кто был то ли инвестиционным банкиром, то ли венчурным инвестором. Он перестал слушать его в тот момент, когда вошла Мисс Рождество. Он подошел к ней и, не дожидаясь приглашения, занял свободный стул слева. Он владеец бара. Не было причин вести себя иначе.

Сначала он ничего не сказал. Он позволил повиснуть тяжелой, мутной тишине, такой же, как река Огайо в жаркую ночь, когда даже тротуары покрываются испариной. Возможно, он уговорит даму прогуляться к реке, пока ночь все еще была теплой. А, может, ему удастся уговорить ее на нечто большее.

- Что вам предложить? - Мэдди, симпатичная блондинка бармен, спросила у женщины.

- Как насчет «Красной Нити»? - ответила женщина. - Люблю подбирать напитки к цвету ленты в волосах.

- «Красная Нить»? - Мэдди посмотрела на МакКуина, молча прося о помощи. - Не думаю...

- «Красная Нить» не производит ничего уже тридцать пять лет, - ответил МакКуин Мэдди.

- О, хорошо. Я думала, что сошла с ума. Готова была поклясться, что знаю все марки бурбона здесь, - ответила Мэдди. - Осталась хоть одна бутылка?

- Ни одной, - ответил МакКуин. Не белая и не черная ложь. Капля красной.

- Как жаль, - сказала Мисс Рождество, хотя не было похоже, что она удивилась или разочаровалась. Рождество права. У нее ледяной голос. Она сама была холодной. А он любил прохладу.

- Чертовски жаль. Говорят, у них был лучший бурбон. - МакКуин ждал, когда дама в красном снова заговорит, но она молчала, настороженно слушала, взгляд был обращен только на Мэдди.

- Что с ними произошло? - спросила Мэдди.

- Пожар на складе, - ответил МакКуин, пожимая плечами. - Бывает. Перегоняешь алкоголь и хранишь его в деревянных бочках? Пожар - твой худший кошмар. «Нить» сгорела дотла в 1980 и так и не открылась. Больше никто не знает, кто им владеет. - МакКуин пытался купить бывшую собственность «Красной Нити», но ему не повезло. Он нашел подставную компанию «Лунный свет», которая владела площадями и торговой маркой, но оказалось, это имя не представлял ни один живой человек. - Я знаю об этом, потому что сам искал.

- Интересно... - на красных губах Мисс Рождество появился намек на улыбку, и он не мог с точностью сказать, серьезно она говорила, или это всего лишь сарказм. Она говорила с кентуккийским акцентом, едва уловимым, но узнаваемым для того, кто провел половину жизни в Нью-Йорке, а вторую в Луисвилле. Кентуккийский акцент звучал так по-домашнему, его слух всегда обострялся, когда он его слышал.

- Могу я вам еще что-нибудь предложить? - спросила Мэдди у женщины.

- «Четыре Розы», двойной. Чистый.

- Дама, которая знает бурбон и не боится пить его неразбавленным, - МакКуин повернулся на десять градусов на стуле к ней. - Такая женщина мне по душе.

- Я девочка из Кентукки, - ответила она и изящно пожала плечами. - Бурбон любит правду.

- И как же?

- Первый глоток обжигает, но как только привыкаешь, это единственное, что хочешь ощущать у себя во рту.

Мисс Рождество поднесла бокал к губам, сделала глоток и не поморщилась. Бурбон не обжигал ее.

- Тогда поведайте мне немного правды, - сказал МакКуин. - Как вас зовут?

- Пэрис.

- Прекрасное имя.

- Спасибо, мистер МакКуин.

- Вы знаете, кто я?

- Все знают, кто вы. Вы владелец этого бара, - ответила она, кивая на слова «Рикхаус» Луисвилль, Кентукки, выгравированные на зеркале за барной стойкой рядом с изображением деревянного амбара конца века. - Слышала, вы открыли еще один бурбон-бар в Бруклине.

- Вы не одобряете?

- Почему же, пусть белые превратят такой прекрасный напиток как бурбон в фетиш. Найдите способ приготовить тыквенный пряный бурбон, и вы станете миллиардером. - Она сделала еще один глоток «Четырех Роз», искоса глядя на него.

- Я расскажу вам секрет.

- Говорите.

- Я уже миллиардер. Но я всегда в поиске новых способов потратить деньги. Почему бы и нет?

- Вам нужен еще один бизнес? Уже пытались владеть баскетбольной командой?

- Только частью команды.

- Какой частью? - спросила она. - Я знаю, какой частью хотела бы владеть.

МакКуин рассмеялся.

- Скажите-ка мне кое-что, мисс Пэрис - чем вы владеете?

Теперь настала ее очередь крутануться на стуле, на девяносто градусов, она полностью повернулась к нему и посмотрела в глаза, бесстрашно и бесстыдно.

- Я могу овладеть вами к утру.

От ее слов МакКуин, казалось, лишился дара речи. Он не мог вспомнить, когда в последний раз женщина так поражала его. Бурбон на ее губах, изгиб ее бедер. Он наполовину влюбился.

- С удовольствием наблюдаю за вашей попыткой, - ответил МакКуин. - И это не вызов. Я с удовольствием наблюдаю за этим.

- Приступим? - спросила она, приподнимая бровь.

Он должен ее узнать.

- Да, - ответил он. - Приступим.

Из бара они вышли вместе, но ехали к нему каждый на своем авто. Пока он продирался через пригородный трафик, заметил, что потерял ее. Мужчина дал ей свой адрес и, конечно же, ей не нужно было следовать за ним, чтобы найти дом. Иррациональный страх охватил его между красным и зеленым сигналом светофора, страх, что она передумала, уехала, решив принять предложение лучше где-то еще с кем-то еще. Нет, точно нет. Она хотела его, он знал. Он видел алчность в ее глазах, и было ли тому причиной его лицо, его деньги или его репутация богатейшего человека в Кентукки, ему было наплевать. Это всё он. Какую бы часть его она ни хотела, ему было наплевать, пока она хотела его. Она ведь хотела его? Иррациональные мысли. Иррациональные страхи.

Тем не менее, он не мог отделаться от ощущения, что сегодня должен видеть ее, быть с ней. Меньшее окажется пагубной ошибкой. Какой смысл владеть состоянием, властью и телом мужчины вдвое моложе, если никто не потрудился использовать его?

МакКуинн заехал на подъездную дорогу и увидел уже ожидающий его черный «лексус». Самоуважение помешало ему вздохнуть от облегчения, но даже уважающему себя мужчине было позволено улыбнуться. Она просто выбрала другой маршрут. Не удивительно. Если бы она жила неподалеку, то знала бы этот дом. Все в городе знали о Локвуде, названном не в честь леса, окружающего собственность, огороженную каменными стенами, а в честь мужчины, который построил его в 1821. Старый по американским стандартам, - но семья МакКуина родом из Ирландии-двухсотлетний дом подходил под стандарты его бабушки. А МакКуин склонен все судить по стандартам деда.

Локвуд был трехэтажным произведением искусства из красного кирпича в джорджианском стиле с двойными по высоте белыми портиками, защищенный двенадцатифутовыми коваными воротами. Они с Пэрис припарковались на круговой мощеной дороге перед крыльцом, напоминающем храм. Она вышла из машины, длинные ноги, тонкие лодыжки, и красные туфли, она даже и глазом не повела на дом. Казалось, тот вообще не произвел на нее впечатления. Должно быть, у мисс Пэрис были деньги. Туфли, платье, сумочка «Биркин», которая была почти идентична той, что носила его бывшая жена? Все это кричало о деньгах. Никто не был так равнодушен к деньгам, кроме тех, у кого они были.

Прежде чем войти в дом она остановилась на крыльце и посмотрела на ворота.

- Что? - спросил он.

- Красивая ограда, - ответила она. - Традиционный кентуккийский каменный забор.

- Рад, что вам нравится, - сказал он, восхищаясь видом с крыльца. Периметр усадьбы Локвуд был огорожен каменным забором, построенным в девятнадцатом веке. - Построил его для вас.

- Чтобы удержать меня внутри или не пустить внутрь?

- Чтобы окружать вас прекрасными вещами. Как и должно быть.

Она слегка приподняла бровь и, не говоря ни слова, развернулась и вошла в дом. Если бы она не смотрела, МакКуин бы похлопал себя по плечу. Хорошая фраза.

- Добро пожаловать в Локвуд, - сказал МакКуин, радуясь, что было достаточно поздно и весь его персонал и охранник уже ушли. - Надеюсь, вам понравится.

- Очень мило, - ответила она, едва взглянув на роскошный интерьер. МакКуин не возражал. Он предпочел бы, чтобы она смотрела на него, чем на фойе, и она определенно смотрела на него. Женщина считала его привлекательным, даже если остальные так не считали, они знали, что он богат, чего, как правило, было достаточно, чтобы завершить дело.

- Я отношусь к четвертому поколению МакКуинов, живущих здесь. Мой прапрадедушка купил этот дом, когда приехал из Ирландии, - сказал МакКуин. Было лето, тепло, она была без пальто, чтобы принять его предложение взять его. Он не знал, что делать с руками. В его возрасте он должен был освоить навыки обольщения, но Пэрис заставляла его нервничать по непонятной ему причине. - Он планировал перевезти семью дальше на запад, но холмы напоминали ему о доме. Поэтому остался.

- И вот мы здесь. Что бы сказал твой прапрадедушка о том, что ты привел меня в его дом?

- Думаю, он посмотрел бы на тебя и сказал «хорошая работа, мальчик».

- Я бы судила по тому, насколько хорошо была выполнена работа.

- Тогда нам стоит преступить к работе. - Он потянулся к ней и поцеловал под хрустальной люстрой, которая до сегодняшнего дня казалась ему элегантною, но сегодня выглядела вычурной, по сравнению с элегантностью этой женщины в красном платье. На вкус она была как яблоки и бурбон, и она была права - бурбон обжигает, но как только он её попробовал, она стала единственным, что он хотел ощущать у себя на языке.

МакКуин прижал ее спиной к перилам винтовой лестницы. Он закинул ее ногу на свое бедро, провел ладонью по длинному обнаженному бедру. На ней были трусики, но их было недостаточно, чтобы сдержать его пальцы. Он отступил назад, стащил их и оставил лежать на полу, где, как он надеялся, они пролежат до утра.

- Ты планировала соблазнить меня, когда пришла в бар? - спросил он у ее губ.

- Да.

- Гоняешься за моими деньгами? - Он понял, что такая женщина не будет оскорблена таким вопросом.

- Только за бурбоном, мистер МакКуин.

- Хочешь увидеть мою коллекцию? - спросил он. - Клянусь, это всего лишь выпивка. Я не владею ни одной гравировкой.

МакКуин и его коллекция высококлассного бурбона и виски была недавно занесена в журнал *Cigar Aficionado* и привлекла несколько телефонных звонков от коллекционеров, пытающихся купить пару винтажных раритетов, но она была его первой бурбоновой фанаткой.

- В конце концов, - сказала она, раздвигая ноги шире, приглашая его пальцы погрузиться чуть глубже. - Как только покажешь мне все, что у тебя есть еще.

И МакКуин показал ей. Сначала прямо там у стены. Затем отвел в хозяйскую спальню в стиле барокко со множеством орнаментов и прочей показухи. Даже кровать была золоченая. На самом деле, он никогда не спал в этой комнате. Однако он нашел для нее применение. И это красное платье на Пэрис выглядело так же хорошо на полу, как золотисто-зеленый персидский ковер.

Когда все закончилось, Пэрис потянулась за своим красным платьем, и он понял, если отпустит ее сейчас, скорее всего никогда больше не увидит. Что-то подсказывало ему, что он не должен дать ей уйти. Что-то подсказывало ему, если все, что он сделал, это переспал с ней, то значит, лишился победы или приза.

- Не уходи, - сказал он, пока она застегивала молнию на платье. Ее спина была такой прекрасной, свет от прикроватной лампы от «Тиффани» танцевал по темной коже, словно языки пламени. - Я еще не показал тебе мою коллекцию.

- Ах, да, совсем забыла, - ответила она холодно, как и всегда. Он не привык к таким тихим и невпечатлительным от присутствия в спальне миллиардера. Слишком спокойная.

- Я не знаю, что с тобой делать, - сказал он, прищурившись, наблюдая, как она завязывает волосы красной лентой и перебрасывает длинные локоны через плечо, Венера в своем будуаре.

- Что со мной делать? Хочешь приготовить вместе пирог?

МакКуин рассмеялся.

- Лучше буду держать тебя в спальне, чем на кухне. Давай, расскажи мне о себе.

- Меня зовут Пэрис. Я родилась и выросла в Кентукки. Переехала в Южную Калифорнию, чтобы учиться. Пару лет назад вышла замуж, унаследовала деньги после смерти мужа и сейчас вернулась. У меня нет детей. Отношений тоже нет. Ты думаешь, я загадочная, потому что заметил мою незаинтересованность провести с тобой остаток своей жизни, и это единственная загадка, которую такой человек как ты не может разгадать.

- Как больно.

- Нет, не больно.

МакКуин вопросительно поднял бровь.

- Богатая вдова. Это многое объясняет.

- И что же?

- Почему я тебя не впечатлил. У тебя есть собственные деньги.

- Можешь успокаивать себя этим, - ответила она со сладкой улыбкой на губах, такой, как пирог, который он мечтал с ней приготовить, и, черт возьми, МакКуин снова хотел ее. Она заставила его забыть, что ему было сорок пять. - Не буду противоречить.

- Хочу удивить тебя перед твоим уходом, - сказал он. - Смотри.

- Смотрю.

Он оделся в свой костюм, но без жакета и галстука, и повел ее из спальни вниз по коридору к книжному шкафу. В нем стояли десятки непрочитанных томов всех классиков в кожаном переплете.

- Мило, - заметила Пэрис. - Книги предоставил декоратор? Или ты заказал их оптом со склада с красивенькими книгами?

- Нет, - ответил он. - Хочу показать тебе мое самое ценное владение. - Он потянул за среднюю полку шкафа, показывая, что это не просто полка, а дверь. Он включил торшер за дверью и пригласил Пэрис войти. Она осмотрелась внутри потайной комнаты, а он наблюдал за ее лицом. Ее лицо ничего не выражало - ни шока, ни удивления, ни разочарования.

- Уютненько, - сказала Пэрис, но по ее тону можно было сказать, что она имела в виду «душно». Он наблюдал, как она оглядела старый каменный камин, антикварный диван с затертой нефритовой обивкой и черными резными подлокотниками. Она подошла к стене и дернула за штору, чтобы впустить... пустоту.

- Ты заколотил окно деревянными панелями? - спросила Пэрис, постукивая по дереву.

- Там зеркало, - ответил он. - Не хочу, чтобы сюда кто-то смотрел. Да и что пугает больше, чем смотреть в окно и видеть себя?

МакКуин достал ключ, который прятал в маленькой серебряной вазе на каминной полке и открыл атласный бронзовый шкаф с выгравированными Двенадцатью апостолами на боку.

- Это табернакул²? - спросила Пэрис.

- Да.

- Ты хранишь свой алкоголь в шкафу, созданном для хранения приходских облаток?

- У дедушки было странное чувство юмора по отношению к тому, чем так дорожила католическая церковь.

- Предполагаю, он был католиком?

- Пока не влюбился в девушку, которая ушла от него к кармелиту. После этого ни разу не переступал порога церкви. Говорил, что ни один человек с остатками гордости не войдет в дом мужчины, который украл у него жену.

- Действительно гордый. Похоже, эта дама выбрала правильного мужчину. Раз ты существуешь, значит, он предал свою любовь?

² в католических храмах - интерьерное сооружение, место или шкафчик в стене алтаря для хранения предметов поклонения

- Да, женился, но так и не смирился с обманом. Все МакКуины на данный момент атеисты, но я считаю эту комнату своим маленьким святилищем. Все мужчины нуждаются в таком. - Он взял бутылку из шкафа и протянул ей.

- Это то, что я думаю? - спросила она, аккуратно рассматривая бутылку в своих руках.

- Да. Ты сегодня в баре заказала «Красную Нить». Это, моя дорогая, первая выгнанная бутылка «Красной Нити», первая закупоренная, самая первая.

- Откуда она у тебя?

- Частный аукцион. Миллион долларов. Происхождение идеальное. Вирджиния Мэддокс лично продала её незадолго до своей смерти, чтобы оплатить больничные счета. Единственная в своем роде.

- Неудивительно, что ты не хочешь ее продавать, - сказала она.

- Ни за какие деньги в мире. Это Святой Грааль среди бурбона. А Святой Грааль не продается.

- Нечестивый Грааль, - сказала она шепотом, но не настолько тихо, чтобы он не услышал.

Ее взгляд смягчился, когда она прикоснулась к красной ленте, повязанной вокруг горлышка бутылки. Потрепанная старая вещица.

- Удивительно, что она до сих пор сохранилась, - сказал МакКуин. - Кусочек ленты из 1860-х.

- Одежда рабов, - сказала Пэрис.

- Что?

- Лента была отрезана от одежды раба. Толстая шерсть. Одежда рабов была создана для того, чтобы служить долго. Рабы не часто получали обновки. То, в чем они ходили, считалось долговечным, и должно было выдерживать годы изнуряющего труда. Девушка, которая носила эту ленту? Возможно, она была ее единственной красивой вещью, единственной, которую она считала своей.

- Прости. Не знал о ленте... Не знал этой части истории, что лента принадлежала рабыне Мэддоксов.

- Теперь знаешь.

- Ты заказала «Красную нить» в «Рикхаусе». Но ты должна была быть совсем ребенком, когда сгорел завод. Какую цель ты преследуешь?

- Их несколько. Держи, не стоит доверять мне эту бутылку. Я могу ее уронить. Будет жалко, правда?

Она передала бутылку МакКуину. Он осторожно положил ее обратно в шкаф. Когда он повернулся, Пэрис уже была на полпути к двери.

- Ты ведь не уходишь? - спросил он.

- Ухожу в спальню, - сказала она.

- Так я тебя впечатлил?

- У тебя хорошая коллекция, - ответила она. - Хотела бы я, чтобы она была моей.

МакКуин последовал за ней к потайной двери и начал открывать ее. Задержав руку на дверной ручке, он осмотрел Пэрис с головы до ног и заглянул в глаза.

- Кто ты на самом деле? - спросил он.

- Ты не захочешь знать.

- Почему?

- Я скажу тебе. Правда, как бурбон - она обжигает, когда ее проглатываешь.

- Я хочу гореть.

Она поцеловала его, настолько страстно, что МакКуин забыл о том, что хотел узнать о ней, кроме того, чтобы заставить ее снова кончить. После того, как он

разгадал загадку, он быстро заснул, забросив одну руку на ее обнаженный живот, а одну ногу поверх ее ноги, в его любимой позе.

Когда МакКуин проснулся, он был один, Пэрис оставила лишь аромат своей кожи на его простынях и красную ленту на подушке.

Красная лента?

Ад и все черти, он был первосортным идиотом.

МакКуин натянул брюки и рубашку и побежал к комнате за шкафом.

Слишком поздно. Она ушла.

Как и его бутылка «Красной Нити» за миллион долларов.

Глава 2

МакКуин хлопнул рукой по кнопке интеркома и приказал охранникам ночной смены запереть ворота.

- Уже сделано, - ответил Джеймс. - Кто-то пытался выехать без кода от ворот. Она в моем офисе. Как раз собирался разбудить вас, босс.

Он должен был почувствовать облегчение, но вместо этого он кипел, его плечи напряглись от ярости, и он едва не сорвал дверь с петель, когда вошел в небольшой офис охраны. Пэрис чопорно сидела на маленьком складном стуле, ноги скрещены в лодыжках, черная сумочка «Биркин» лежала на коленях.

- Дайте нам минутку, - сказал МакКуин охране.

- Вызвать копов?

- Пока нет. Сначала я хочу услышать ее историю. Тогда и позвоним.

Джеймс оставил их наедине. Она спокойно посмотрела на него.

- Все твои слуги черные? - спросила она, кивая на дверь, которую за собой закрыл Джеймс.

- Они не слуги. Они работники. И нет. Экономка белая. Охранник, который работает в дневную смену из Мексики.

- Единение цвета от Подпевалы³.

- И Подхалимки, - добавил МакКуин. Он скрестил руки на груди и оперся спиной о дверь. - Ты хороша. Вымотала меня, и пока я спал...

- Не сказала бы. С тобой было легко.

- Да?

- Интервью в июне 2014 для «Архитектурного Дайджеста» с миллиардером Купером МакКуином. «Мистер МакКуин, что вы любите читать?» - лебезя, спросил журналист. - «Что заставляет Купера МакКуина не спать всю ночь?» И ты ответил...

- Рэймонд Чандлер.

- Потому как ты сказал в интервью «Я тащусь от роковых женщин. Дайте мне женщину в красном платье и с черным сердцем, и я покойник».

- Ты думала, что можешь соблазнить меня потому, что я читаю Чандлера?

- Твоя последняя подружка была темнокожей танцовщицей «Никс Сити» (прим.: одна из профессиональных женских групп-поддержки по баскетболу) из Пуэрто-Рико, поэтому я знала, что у меня хорошие шансы. Я ведь твой типаж, верно?

³ *The United Colors of Benetton* - торговая марка одежды

- У меня нет фетиша на темнокожих женщин, если ты на это намекаешь.
 - Я ни на что не намекаю, но ты сразу же начал думать, что именно на это я и намекала. Мне кажется, миллиардер слишком много протестует.
 - Из всех баров в мире... ты пришла в мой, чтобы украсть мой бурбон. Знаешь, кража чего-то стоимостью миллион долларов является уголовным преступлением.
 - Знаю. Но я не заявлю в полицию на тебя, если ты не заявишь на меня.
 - Я не крал ее.
 - Ты купил украденное, что тоже преступление.
 - Эта бутылка не была украдена.
 - А у меня совсем другая информация.
 - Говорю же тебе, Вирджиния Мэддокс сама продала ее.
 - Она не принадлежала Вирджинии Меддокс. Нельзя продавать то, что тебе не принадлежит. И я была рада купить ее у тебя и избежать неприятного юридического разбирательства, но ты отказался ее продавать, поэтому у меня не было другого выбора, кроме как забрать ее, - сказала она с едва слышным зловещим шипением.
 - Откуда ты все это знаешь? Откуда ты знаешь, как ты считаешь, о «Красной Нити»?
 - Я и есть «Красная Нить», - ответила Пэрис с легким сожалением, будто признавалась в плохой привычке.
 - «Красная Нить» мертва.
 - Очень мелодраматично. Тебе надо было стать поэтом. - Она кивнула в сторону картотеки. На ней стояла бутылка. - Посмотри на нее. Прочти этикетку. Скажи мне, что на ней.
- МакКуин знал, что на этикетке, но он все равно взял бутылку и повернул этикеткой к свету.
- Этикетка выцвела и пожелтела, почти вытерлась. В конце концов, ей было сто пятьдесят лет. Элегантным шрифтом было выведено «Красная Нить - Kentucky Straight Bourbon Whiskey⁴». Под этими словами «Сварено и разлито - Франкфорт, Кентукки». И под этим маленьким шрифтом «Принадлежит и управляется семьей Мэддокс, 1866».
- Ну вот, - сказала Пэрис.
 - Вот что?
 - Принадлежит семье Мэддокс.
 - Ты не из семьи Мэддокс.
 - Ты так говоришь, потому что они были белыми, а я нет?
 - Я говорю так, потому что годами искал семью Мэддокс, и ни одного не нашел, по крови или по браку, любого, кто хоть как-нибудь был связан с «Красной Нитью». Весь кентуккийский род вымер или исчез после пожара на складе.
 - Зачем ты нас искал?
 - Во-первых, я не верю, что ты Мэддокс. Ты должна мне предоставить доказательства.
 - Ты держишь его в руках. Стопроцентное доказательство.
 - Забавно.
 - О, да, - сказала она с южным акцентом, театрально растягивая слова. - Зачем ты нас искал? - снова спросила она.
 - Я хотел купить «Красную Нить». То, что от нее осталось. Я давно хотел открыть свою собственную винокурню. Я хотел быть частью настоящего Кентукки.
 - Некоторые вещи лучше оставить в прошлом.
 - Бурбон к ним не относится.

⁴ Кентуккийский чистый бурбон

- Так или иначе, слишком поздно, мистер МакКуин. Кто-то тебя опередил.
- Опередил в чем? В покупке «Красной Нити»?
- В открытии винокурни. Под новым именем, конечно же. И с новым руководством.

МакКуин сразу же понял.

- Ты, - сказал он. - Ты и есть «Лунный свет»? Я пытался связаться с тобой.

- Да, это моя компания.

- Ты владеешь бывшей собственностью «Красной Нити»?

- Владелец, оператор и мастер винокур.

- Ты?

- Думаешь, женщина не может быть винокур? У меня докторская степень по химии. Можешь называть меня доктор Пэрис, если тебя это заводит.

- Понял, - ответил МакКуин, кивая. - Ну да. Это самая первая бутылка «Красной Нити», настоящая бутылка. Часть истории компании, и ты хочешь ее потому, что сейчас владеешь «Красной Нитью». Логично. Я даже сочувствую. Я мог бы даже одолжить ее тебе, чтобы ты продемонстрировала ее на открытии компании. Но ты меня разозлила. И если не назовешь мне очень вескую причину, почему я не должен звонить в полицию, я подниму трубку через три секунды. Три... два...

- Я могу рассказать, что произошло с «Красной Нитью», - ответила она. - Могу рассказать всю историю. Всю правду.

Хорошо.

Это привлекло его внимание.

- Ты знаешь, почему она сгорела дотла?

- Я знаю все. Но будь я на твоём месте, не спрашивала бы. К тому времени как я закончу рассказ, ты протянешь мне бутылку со всей любезностью и извинениями.

- Должно быть, чертовски увлекательная история.

- История привела меня сюда.

- Твоя история?

- Моя история. Я унаследовала ее.

- Думаю, я предпочел бы унаследовать деньги, а не историю.

- Деньги у меня тоже есть, не совсем по моему решению.

- Ты не хочешь быть богатой?

- Бог предпочитает бедных. Но не говори об этом богачам. Это заденет их ничтожные чувства.

МакКуин вздохнул и сел. Он застегнул пуговицы на своей рубашке и закинул одну ногу на колено. Ему стоило позвонить в полицию. Почему он не позвонил в полицию? Пристыженный он попался на старую уловку? Красивая женщина в красном едет к нему домой, трахается с ним и грабит его, пока он спит. Купер мог посмеяться над собой, но не мог позволить, чтобы остальные смеялись над ним. Да, он мог позвонить в полицию.

Или...

- Они называют бурбон честнейшим духом, - сказал он. - Знаешь почему?

- Юридически запрещено его ароматизировать. Вода, кукуруза, ячмень, рожь и все. Видишь то, что получаешь. И получаешь то, что видишь. Никаких искусственных красителей. Никаких искусственных подсластителей. Ничего искусственного.

- Именно. Так давай выпьем немного честности?

- Если ты угощаешь, - ответила она.

- Я всегда угощаю.

Он взял бутылку и засунул ее в карман брюк, открыл дверь офиса охраны, и Пэрис вышла на теплый ночной воздух. Почти 2:00 утра, сейчас он должен был быть в постели. Он надеялся оказаться с ней в постели. Однажды. Но определенно не сегодня.

- Босс? - спросил Джеймс, бросая сигарету на землю и раздавив ее ботинком.

- Недопонимание. - МакКуин положил руку на поясницу Пэрис. - Не волнуйся.

- Понял. Спокойной ночи, мистер МакКуин.

Как только они вернулись в дом и в его алкогольный шкаф, МакКуин подумал, что, возможно, совершает самую большую ошибку в своей жизни.

- Присаживайся. - МакКуин указал на софу, и Пэрис без возражений села.

МакКуин взял ключ из серебряной чаши и вернул бутылку «Красной Нити» обратно в шкаф.

- Мне не стоило тебе доверять. - МакКуин запер шкаф и положил ключ в карман.

- Ты богатый белый мужчина. Ты не виноват в том, что считаешь, что весь мир на твоей стороне. Должно казаться, что чаще всего так и есть. В обычной ситуации ты был бы прав, но времена, мистер МакКуин, меняются.

- Похоже на угрозу.

- Для меня похоже на Боба Дилана.

Ему нужно выпить, да чего-нибудь покрепче, поэтому он налил им обоим по бокалу. Пока отвинчивал крышку и разливал бурбон, он все это время не отрывал от нее глаз. Теперь она казалась спокойной, но это было не спокойствие от капитуляции. Это была кошачья версия спокойствия. Спокойствие, которое могло превратиться в мгновенную атаку и бегство.

Когда она взяла свой бокал, а он свой, он поднял его в тосте, и она ему не отказала. На самом деле она едва пригубила бурбон.

- «Пэппис»⁵? - спросила она.

- Да. У тебя хорошее чувство вкуса.

- В нем чувствуется кожа.

Он не мог это распробовать, но его впечатлило, что смогла она.

- А ты не преувеличивала. Ты знаешь свой бурбон, - сказал он.

- Так говорили о Мэддоксах, - ответила она. - С тех пор как Джейкоб Мэддокс открыл винокуренный завод и разбогател через пять лет... так говорили о всех нас - в крови Мэддоксов бурбон.

- Я видел семейное дерево Мэддоксов. В нем нет Пэрис.

- Возможно, ты смотрел не на те ветви, - прохладно ответила она.

Его слова ударили по слабому месту, и ее глаза вспыхнули знакомым блеском. Это была не первая его встреча с ее слабыми местами.

- Теперь, когда в наших руках дух честности, - начал МакКуин, - расскажи мне кое-что.

- Что угодно, - ответила она, хотя он сомневался в искренности этого заявления. Своими ответами и объяснениями она доказывала свою скупость.

- Ты переспала со мной только ради того, чтобы украсть бутылку?

- Это больно? Готова поспорить больно. - Она поморщилась в притворном сочувствии, покачала головой и прищелкнула языком, как мама, обрабатывая содранное колено своего ребенка. Он сразу же понял - ему не нравится эта женщина, абсолютно.

- Думаю, я мог трахать тебя тысячу ночей, но так и не прикоснулся бы к тебе.

- Не расстраивайся, - ответила она. - Ты не единственный окружил себя каменным забором. На самом деле, построенный одними и теми же людьми.

⁵ Pappy Van Winkle Bourbon

- Дед нанял ирландских каменщиков иммигрантов?

Глаза Пэрис немного округлились. Затем она рассмеялась. Наконец-то. Он знал, что получил очко в ее глазах. На самом деле большинство каменных заборов в Кентукки были построены рабами. Но не его, однако, у него были документы, чтобы доказать это. Пока он не знал, в какую игру они с Пэрис играли, но понимал, что находится не в выигрышной ситуации и, если будет играть недостаточно хорошо, то и вовсе проиграет.

- Ты забавный. И симпатичный. - Она бросила ему комплимент как купюру к ногам стриптизерши. - Если тебе станет легче, мне не нужно с тобой притворяться. Если бы я не хотела с тобой переспать, то не делала бы этого. Это лишь подтверждает, что ты привлекательный. В противном случае я бы наняла кого-нибудь, чтобы он вломился в дом в твоё отсутствие. Легче?

- Теперь мне намного лучше, - ответил он. - Пока мы говорим начистоту... это правда? Ты вдова?

- Да. Овдовела в тридцать четыре.

- Слишком молодая, чтобы потерять мужа.

- Не мужа, хотя, к счастью для меня, он умер слишком молодым. Он был на двадцать восемь лет старше меня.

МакКуин едва не подавился своим «Пэппис». Самая молодая женщина, с которой он спал, была на восемнадцать лет младше его, и эти отношения длились так же долго, как и плохой фильм.

- Двадцать восемь. Думаю, так называют отношения с большой разницей в возрасте.

Она улыбнулась, но эта улыбка походила на улыбку коллектора, и что-то подсказывало ему, что она пришла заставить его заплатить. - Двадцать восемь лет? Скорее с огромной разницей.

МакКуин усмехнулся и поднял бокал.

- Что? - спросила она.

- У тебя достаточно бурбона в бокале, и ты говоришь, как кентуккская девчонка.

- Я настоящая кентуккская девчонка. Родилась во Франкфорте в двух шагах от реки Кентукки. И это не преувеличение. Сильным броском ты бы мог попасть камнем в реку с нашего крыльца.

- Не самое благоприятное соседство.

- Это был наш единственный сосед. Если у тебя есть крыша над головой и еда в холодильнике, и никто не вламывается в твою дверь, это хорошее соседство.

МакКуин попытался еще отпить бурбона и понял, что его бокал пуст. Он поставил его на колено.

- Значит, ты переспала со мной и украла бутылку бурбона стоимостью в миллион долларов. Видимо, ты очень хочешь эту бутылку.

- Нет, я не хочу ее. Но она нужна мне. - Во второй раз он заметил искру настоящей женщины под маской роковой женщины, женщины в красном. Решительной женщины.

- Для чего?

- Чтобы завершить то, что начал некто другой. - Она посмотрела на бурбон в бокале, которым балансировала на колене. - Мистер МакКуин, вы знаете, что такое похититель бурбона?

- Это пробирка, - ответил МакКуин. - Засовываешь ее в отверстие в бочке и извлекаешь содержимое для дегустации.

- Это ли не самое главное в визуальной метафоре? - спросила Пэрис.

МакКуин рассмеялся громко и раскатисто.

- К чему ты клонишь?
- Я похожа на похитителя бурбона?
- Ты похожа на женщину, которая никогда ничего не крала.
- Именно. Эта бутылка принадлежит моей семье. Так или иначе, ты вернешь ее мне.

- Очевидно, к утру я дам ее тебе в обмен на историю.
- Довольно долгая история.
- Тогда начинай.

МакКуин посмотрел, как она скрестила длинные ноги, откинула волосы с плеча и без страха посмотрела в его глаза, хотя была на крючке за грабеж миллиона долларов. Это заставило его нервничать: то, что она собиралась ему рассказать, но он хотел знать. Знание - сила, и деньги сила, и ни один человек не разбогател на покупке акций по незнанию.

- Десятого декабря 1978 года произошло два очень важных события в истории «Красной Нити» - река Кентукки вышла из берегов и поднялась на рекордные сорок восемь футов, и внучке Джорджа Дж. Мэддокса, хозяина винокурни «Красная Нить», исполнилось шестнадцать. Это стало началом конца «Красной Нити».

- Что именно? Наводнение?

Пэрис улыбнулась, и эта улыбка моментально заставила его пересмотреть решение не звонить копам.

- Тамара Мэддокс.

Глава 3 *Истина (лат.)* 1978

Тамара Мэддокс в утро своего шестнадцатилетия хотела покататься на лошади.

А что бы ни хотела Тамара Мэддокс, она это делала.

По правде говоря, девушка была избалованна, и она знала это, но каждый на ее месте захотел бы выбраться из такого дома, и для этого сгодился бы любой повод. Они снова ругались, дедуля и мама. Если бы они кричали, все было бы совсем иначе, Тамара бы закатила глаза, рассмеялась и проигнорировала ссору, включив погромче радио. Но нет, они шептались за закрытыми дверями, шипели друг на друга, как змеи. Ни один из них не удосужился сообщить ей, о чем они ругались, поэтому Тамара решила, что они ссорились из-за нее.

Ладно. Если они хотели ругаться в ее день рождения, она предоставит им такую возможность. У нее есть планы получше. И желание покататься верхом только увеличивалось, когда она увидела синий Форд пикап с белой кабиной, тарахтевший по дороге к конюшням. Что Леви делал здесь в воскресенье? Она надеялась, что он был тут из-за ее дня рождения, но даже Тамара Мэддокс была недостаточно избалована, чтобы думать, будто все дело в ней. Тем не менее, появилась еще одна причина отправиться на прогулку, когда уже была одна, - она хотела этого, и этой причины было более чем достаточно.

Тамара переделалась из пижамы в одежду для верховой езды - коричневые галифе, черные сапоги, белую блузу и тяжелое пальто - заплела свои длинные рыжие волосы и побежала в конюшню. Сегодня было холодно - только сорок пять⁶ по

⁶ 7 по Цельсию

градуснику в амбаре, но она каталась и в худшую погоду. К тому же, дождь, наконец, прекратился, а она с ума сходила, сидя дома. Все, что ей было нужно, это час на свежем воздухе с Кермитом, ее светло-черным Ганноверским пони, и все снова будет хорошо.

А если нет, по крайней мере, она увидит Леви сегодня, а если и после этого девушка не почувствует себя лучше, на этой Божьей мокрой зеленой земле ничего не останется.

Леви едва узнал ее, когда она вбежала в амбар. Ничего нового. Ей приходилось трудиться ради его внимания, и она трудилась изо все сил. Летом она часто ловила его без рубашки, когда он вычищал стойла и разбрасывал сено. Зимой ей приходилось довольствоваться воспоминаниями о его подтянутом сильном теле, которое теперь было спрятано под его коричневым пальто с кожаным воротником и ковбойской шляпой шоколадного цвета. Его сапоги покрывала грязь. На его щеке была грязь. И если он станет еще красивее, она умрет еще до своего семнадцатилетия. Она просто умрет.

Тамара подошла к нему, пока он нес тюк соломы, и постучала по плечу, словно в дверь.

- Никого нет дома, - ответил Леви, прежде чем она успела что-то произнести.

- Я бы хотела покататься на лошади, пожалуйста, и спасибо.

- Неа.

- Неа? И что это значит?

- Неа - значит, нет, ни за что. Сейчас ты не можешь покататься на лошади, пожалуйста, и спасибо. - Леви отошел от нее, с тюком в руках, словно закончил разговор.

Тамара пошла за ним и снова решительно постучала его по плечу. Он уронил тюк.

- Почему я сегодня не могу покататься?

- Несколько дней шел дождь. Слишком сыро.

- Но сейчас же нет дождя. - Она постучала по стеклу окна. - Посмотри - сухо. Сухо, сухо, сухо.

- Какую часть «нет» ты не поняла, Ржавая? «Н» или «ет»?

- Ты не должен называть меня Ржавой, - сказала она, упершись руками в бедра, надеясь, что он заметит их. - Это не мило.

- Я не милый. И я бы не назвал тебя Ржавой, если бы ты не была так испорчена, так кто тут виноват на самом деле? И еще, ответ нет - Н Е и Т, нет. Даже ты это можешь произнести.

Он мог быть прав насчет ее испорченности, не то чтобы Тамара не хотела признавать это. Чаще всего он был единственным человеком в округе, кроме ее матери, который мог сказать ей «нет».

- О, я могу это произнести. Я могу произнести по буквам вперед и назад, «нет» наоборот будет означать «да» - да, я буду сидеть на своем коне и да, я буду кататься верхом.

- И да, выведешь меня из себя, - сказал Леви. Он снял шляпу и провел рукавом по лбу. Иногда она думала, специально ли он делал это, чтобы мучить ее, потому что знал, как она влюблена в него, не то чтобы девушка скрывала это. Этот Леви был первоклассным чемпионом-мучителем. Ему было двадцать восемь, а ей только шестнадцать перевалило после полуночи, что значило, что ни за что на свете мама и дедуля не позволят ей встречаться с ним, даже если он был красивее мужчин на телевидении. У него были черные вьющиеся волосы и дьявольская улыбка, которую он достаточно часто ей дарил, чтобы дать ей надежды и разгорячить тело. У него был

хороший загар всегда, даже зимой, отчего она задумывалась, как он может быть таким загорелым даже в феврале... и везде ли он был таким загорелым. Эти вопросы были самыми важными для мисс Тамары Белль Мэддокс.

И каждый раз, когда он называл ее Ржавой, она хотела запрыгнуть на него.

- Знаешь ли, сегодня у меня день рождения, - сказала она. - Ты должен быть милым со мной в мой праздник.

- Я ничего не должен, кроме как умереть и платить налоги. Если только ты не смерть с косой или Служба по внутреннему налогообложению, то сегодня не получишь и толики моего внимания. Сегодня у меня выходной. И сегодня я здесь только потому, что может прийти кузнец и посмотреть на подковы крошки Дэнни.

Она уставилась на него, глаза в глаза. Или настолько близко как могла. В этом году она выросло до пяти футов и шести дюймов, в то время как он был, как минимум, на полфута выше нее. Тамара делала все, чтобы соблазнить его.

- Леви.

- Да, Ржавая?

- Я смерть с косой. А теперь отпусти меня на прогулку, или я расскажу маме, что застала тебя за непристойным актом с Мисс Пигги.

- Ты о лошади своей мамы или о свинье из Маппет-шоу?

- Это важно?

- Для меня очень важно с кем меня застукали за непристойным актом. Надо же знать, кому отправить цветы.

- Ты самый злой человек на земле, - сказала она и покачала головой. – Где вилы?

- Ты, наконец, решила вычистить стойло Кермита без моих двадцатитысячных напоминаний?

- Нет. Буду протыкать тебя ими, пока ты не превратишься в дуршлаг.

- Они на стене, где всегда и висят. А теперь, простите, я должен заняться чем-нибудь, что не связано с болтовней с вами.

Леви шагнул в бок, но она перегородила ему дорогу.

- Леви... - сказала она, ее голос дрожал от отчаяния. – Пожалуйста, отпусти меня на прогулку сегодня. Сегодня мой день рождения, и я вычищу стойла, сегодня день рождения, я сделаю все, что ты скажешь, сегодня день рождения и...

Он шумно вздохнул и опустил голову.

- Что я такого натворил в прошлой жизни, из-за чего так страдаю в своем нынешнем воплощении? – сказал он, тяжело вздыхая.

- Ты снова странно говоришь, - заметила она.

- Карма, - ответил он. – Я говорю о карме. О которой, очевидно, ты не знаешь, потому что слишком молода, слишком глупа и слишком наивна, и единственное объяснение – это твое первое воплощение. Ты младенец в этой вселенной. У твоей души еще молоко на губах не обсохло.

- Ты знаешь, что любишь меня, - сказала она. – Знаешь, что я твоя любимица.

- Ты мне даже не нравишься, Ржавая. Ни на йоту.

- Ох, я нравлюсь тебе. Я очень нравлюсь тебе.

- Какая разница люблю или ненавижу, ты не поедешь. Я уже говорил это.

- Ты должен отпустить меня. Ты работаешь на нас. И должен делать все, что я прикажу.

Он посмотрел на нее, и этот взгляд был словно скалка, или хуже - каток. Она в ответ посмотрела так же.

- Не ты подписываешь мои чеки, Ржавая. Я работаю на твоего дедушку, а не на тебя.

- Хотела бы я, чтобы ты работал на меня. Я бы платила тебе поцелуями и уволила, если бы ты не целовал.

- Я понимаю, что мне меньше всего хочется вешать ярлыки на всех, но, очевидно, все, что я когда-либо слышал о рыжих, правда.

- Леви.

- Что?

- Они снова ругаются.

Леви молча посмотрел на нее, словно хотел быть милым с ней, но это шло в разрез с его тактикой.

- Что на этот раз? - спросил Леви.

- Не знаю. Они не скажут мне. Но я знаю, что мама хочет переехать, а дедушка против.

- Вы разве не жили в своем доме?

Она кивнула. - Жили, до смерти папы.

- Ты хочешь съехать?

- Я предпочту жить здесь, в конюшне, чем в любом другом доме, где они так ругаются.

- Все так плохо?

- Ага, - ответила она, затем улыбнулась. - К тому же, здесь ты. Ради тебя я продам дедушку и маму.

- Боже милосердный, езжай. Уезжай. Кыш. Катайся на своей чертовой лошади и оставь меня в покое. Но если Кермит застрянет ногой в грязи, скинет тебя и сломает тебе шею, не ползи ко мне, чтобы починить ее. Твоя голова должна будет висеть здесь, на твоих кривых плечах.

- Merci, mon capitain. - Она схватила его за руки и поцеловала в обе щеки, и отсалютовала ему, словно она была младшим офицером, а он ее французским капитаном.

- Ты совсем выжила из ума, - пробормотал он, и она побежала к стойлу Кермита.

- Не слышу тебя, - пропела она. - Я скачу по ветру с радостью под ногами и со свободой в волосах.

Леви открыл дверь, где хранил седла. Они были слишком дорогими, она знала это, слишком большой соблазн для воров. Так же Леви знал, если он не запрет их, она украдет одно чтобы кататься, когда ей вздумается. Что шло в разрез с ее планами. Частью веселья от прогулки было умасливание Леви до тех пор, пока он ее не отпустит.

Как только она оседлала Кермита, то вывела его на тропу, которая начиналась в конце загона. Она не слишком была увлечена идеей переезда к дедушке после смерти отца. Она любила их старый дом, кирпичный дом в викторианском стиле в Старом Луисвилле, но в городе было не много конюшен. Нет лошадей, значит, нет конюшен. Нет конюшен, нет конюхов. Нет конюхов, значит, нет Леви. О да, она привыкла к жизни здесь, в поместье Мэддоксов, Арден, с дедушкой, после того как положила глаз на конюха дедушки. Но все больше и больше ее мать и дедушка ругались своими уродливыми шепотками, и Тамара не шутила, когда сказала, что предпочтет жить в конюшне, чем в большом доме.

Оказавшись на холодном воздухе, Тамара решила, чем короче будет прогулка, тем будет лучше. Слякотные тропы подразумевают медленный шаг и нервного пони. Ее уши обжигало холодом, с носа текло. Она вытерла его рукавом и была рада, что Леви нет рядом, и он не видит этот неженственный жест. Она и Кермит направились в сторону главной дорожки, которая вела через пару сотен акров леса. Осень сбросила листья с деревьев, но, тем не менее, в обнаженном лесе было что-то прекрасное. Не

пустой, несмотря на внешний вид. Не пустой, а лишь спящий. Она ощутила сок под корой, день за днем деревья выпивали всю воду из земли после декабрьских дождей. Даже голые деревья казались невероятно живыми для нее. Они разрывались, чтобы проснуться и освободить зелень, считали секунды до весны, когда они смогут вытянуться, зацвести и поглощать тепло, как сладости.

Тамара нашла свой любимый камень, огромный кусок известняка, на котором в хорошую погоду она любила лежать, и с которого любила соскакивать верхом. После того, как она привязала Кермита к стволу дерева, пробралась сквозь грязь и навоз, достающую почти до лодыжки, и вышла на берег реки. Сегодня она была полноводной, выше, чем она когда-либо видела, и темнее. Быстрее. Она пахла иначе, густой, едкий запах смеси мертвой рыбы и металла. Тамара сморщила носик. Омывая берега, вода становилась белой, словно волны океана. Страсть к океану она унаследовала от отца, наличие которой у себя он никогда бы не признал, даже, несмотря на то, что ему приходилось совершать деловые поездки. Хотя ему и не нужно было говорить. Она находила песок в его туфлях. Когда она сказала ему взять ее с собой в следующий раз, он подмигнул ей, будто давно это планировал.

Вместо этого он выстрелил себе в голову где-то в Южной Каролине три года назад во время одной из его рабочих поездок, а она так и не узнала, с какого пляжа был песок.

- Папочка, вернись, - сказала она реке. Река сливалась с Огайо, которая впадала в Миссисипи, которая впадала в океан. А вода может превратиться в пар и подняться к небу. Нет того места, куда вода не могла проникнуть. Если она отдаст воде свое сообщение, может, та сможет найти ее отца. - Я скучаю по тебе. Ты должен был отвезти меня на пляж, помнишь? Ты должен был взять меня с собой.

По крайней мере, раз в неделю она отправляла это сообщение. Пока без ответа, но, может, сегодня... может, река услышит ее. Может, сегодня река найдет папу.

Тамара вернулась к Кермиту, потерла его замерзшие бока, поцеловала его бархатный нос, прежде чем завершить свою прогулку. Без Кермита и Леви она могла сойти с ума в доме бабушки. Девочки в школе завидовали кирпичному дворцу, в котором она жила, но они не знали о ссорах. Они не знали о правилах мамы. Они не знали о папе, и об облаке его смерти, нависающем над домом Арден, окутывая его так, что крики превращались в шепот, а шепот в тишину. Ее мать и бабушка хранили секреты от нее, секреты, которые заставляли их ссориться каждый день, даже в ее день рождения.

Даже в ее день рождения.

К тому времени как она вернулась в конюшню, начался дождь. Ее руки дрожали даже в перчатках, а щеки покалывало от холодного ветра. Она расседлала Кермита и расчесала, обласкивая его и почесывая так, как пожелала бы любая лошадь в мире. Она ушла, чтобы принести свежий тюк соломы для подстилки, и по возвращению обнаружила Леви, ожидающего ее в стойле Кермита. Он включил отопление и снял пальто. В своей фланелевой рубашке с длинными рукавами и джинсах он выглядел еще красивее, чем час назад. И через час он будет выглядеть еще привлекательнее, чем в эту минуту. Она не знала, как ему это удалось, но она была счастлива даже просто наблюдать за этим.

- Вот. - Леви протянул ей маленькую красную коробочку не больше чем колода карт.

- Что это? - спросила она, принимая коробку.

- Твой подарок на день рождения.

Глаза Тамары распахнулись.

- Откуда ты узнал?

- Ты миллион раз это сказала сегодня.
- Ты сегодня это купил? Пока я гуляла?
- Ну... нет.

- Тогда ты уже знал, что он сегодня. Значит, ты купил его раньше. Если только ты не прятал его здесь. Так ведь?

- Джордж сказал, что купил тебе Triumph Spitfire⁷ на шестнадцатилетие. Мне наплевать на твой день рождения. Я хотел одолжить у тебя машину.

- Я продам тебе ее за поцелуй.
- Забудь. Я забираю свой подарок.

Он потянулся к коробке, но Тамара отдернула ее, она так торопилась снять перчатки, что едва не сорвала ногти. Ее руки тряслись, пока она открывала коробку. Одна из девочек в школе, Крисси, Боже, помоги ей с таким именем, сказала, что девушки всегда должна оставаться спокойными с парнями, не реагировать слишком ярко. Ну, Крисси никогда не дарил подарок на день рождения самый красивый парень во всем мире, и Тамара не могла оставаться хладнокровной, даже если бы сидела в ледяном доме.

Из подушки из вчерашней газеты Тамара вытащила маленькую золотую лошадь на короткой золотой цепочке.

- Тебе нравятся лошади, - сказал он, прежде чем она успела что-то произнести.
- Ты мне нравишься, - ответила она.
- Час назад ты угрожала превратить меня в дуршлаг.

- Я угрожаю только тем, кто мне нравится. Это браслет? - Цепочка была длиной в пару дюймов.

- Подвеска, - ответил он.
- Если ты повесишь такую короткую цепочку мне на шею, я задохнусь.
- Именно.

Она уставилась на него.

- Это браслет на лодыжку, Ржавая, - ответил он. - Но если у тебя толстые запястья, тогда это будет обычным браслетом.

- У меня не толстые запястья.

- Я сказал, если бы у тебя были чрезвычайно толстые запястья, тогда это могло быть браслетом.

- Леви, я вешу сорок пять килограммов. - Она обернула браслет на запястье, чтобы показать какой он большой.

- Сто фунтовое запястье. Я не говорю, что это место пригодно для такого веса, но такое бывает. Может, тебе стоит поделаться какие-нибудь упражнения для запястья...

Тамара поцеловала его.

В этот раз не в щеку. Она не играла в младшего офицера со своим *mon capitain*. Она поцеловала его всерьез. Потому что она была серьезна. Боже всемогущий, она была серьезна.

Леви схватил ее за плечи и аккуратно оттолкнул, но все же, определенно, этим хотел обозначить между ними расстояние.

- Прости, - сказала она, немного покраснев. - Немного переборщила. Потому что люблю лошадей, ну ты понимаешь.

- Ты знаешь, что не должна ходить и целовать парней вот так.
- Как?
- Как меня. Ты не можешь целовать парней как меня.
- Почему нет?

⁷ двухдверная машина

- Тебе шестнадцать, Тамара.
- Вчера было пятнадцать.
- Это противоположность того, что ты должна говорить.
- А что я должна говорить?
- Может, что ты не хотела снова поцеловать меня в губы. Или куда-либо еще.

Думаю, это было бы хорошим началом.

Он скрестил руки на груди.

- Но сегодня мой день рождения.

- Ты не можешь делать все, что захочешь лишь потому, что у тебя день рождения. - Он был дико раздражен, и дико раздраженный Леви был ее любимой версией Леви. - Попробуй сказать полиции, что тебе разрешено убивать всех и каждого только потому, что у тебя день рождения. Это не прокатит.

- Я никого не кокнула. Я чмокнула. Большая разница.

- Ржавая, я слишком стар для тебя. Я работаю на твоего дедушку. Он спустит с меня шкуру, если увидит, как я ошиваюсь рядом с тобой.

- Я хочу поцелуй, Леви, а не предложение о замужестве. Меня никогда не целовали. Не по-настоящему. И этот раз не считается, потому что ты не знал, что происходит.

- Думаю, знал. Часть меня определенно знала.

Она раскачивалась на каблуках.

- Только один? Пожалуйста? Настоящий поцелуй?

- Что ты подразумеваешь под настоящим поцелуем? - спросил он.

Она пожала плечами и покачала головой. - Не знаю. То как они целуются в «Молодых и дерзких»⁸?

- И кто я? Молодой или дерзкий?

- Очевидно, ты дерзкий, - ответила она. - Потому что ты такой, такой старый, а я такая, такая, такая молодая.

- Ты заткнешься, если я поцелую тебя?

- Я же не могу говорить с языком во рту, верно?

Леви взял коробку из ее рук, бросив на тюк сена. Он взял ее за руку и прижал ее тело к своему.

- Наконец-то, - сказал он, улыбаясь ей. - Теперь у нас есть убедительные аргументы.

Глава 4

Тамара не ожидала, что он согласится. Она думала, что только подразнит его и будет умолять сделать это, пока он не выгонит ее из конюшни хихикающую и надутую. Заставлять его злиться было вторым самым забавным занятием, после попыток развеселить его. Когда он на самом деле обнял ее, она застыла от неожиданности. Он не поцеловал ее - он сделал что-то одновременно идеальное и ужасное.

Леви прижал ее к грубой деревянной стене стойла Кермита и удерживал ее всем телом.

- Твой дедушка платит мне за то, чтобы я присматривал за его лошадьми, - сказал Леви. - Мне не платят, чтобы я потакал тебе.

⁸ популярная американская «мыльная опера», впервые вышедшая в эфир на канале CBS 26 марта 1973 и снимающаяся до сих пор.

- Тогда сделай это бесплатно.

Леви тяжело посмотрел на нее, и этот взгляд ее напугал. Сейчас ее все пугало. Нахождение на таком близком расстоянии показывало разницу в их комплекции. Ее плечи были в два раза уже его. Он на голову возвышался над ней. Она могла толкнуть его со всей силы, но не сдвинула бы и на дюйм его мощное тело, которое удерживало ее на месте.

О, но она не хотела отталкивать его. По правде говоря, это последнее, что она хотела сделать сейчас.

Капелька дождевой воды стекла по виску Тамары. Леви прижался губами к капле. Они согрели ее холодную кожу, и никогда в жизни она не ощущала ничего подобного, никогда не испытывала чего-то столь чувственного и пугающего одновременно. Она закрыла глаза и молилась, чтобы дождь не прекращался, столько дождя, чтобы он заточил их в конюшне. Столько дождя, чтобы он сформировал ров, чтобы огородить от них остальной мир. Столько дождя, чтобы все на земле утонули бы, кроме нее и Леви.

- Леви. - Она прижалась бедрами к его бедрам. У него было то, что ей нужно, и ее тело должно сказать ему об этом.

- Ты играешь с огнем, девочка, - прошептал ей на ухо Леви.

- Я больше не девочка, - ответила она, смотря на него. Это было дерзко, но она должна была это сказать. Ее голос дрогнул, когда она произносила это. Тамара изучала его лицо. Она никогда не видела его так близко, на расстоянии нескольких дюймов, достаточно близко, чтобы ощутить его аромат, достаточно близко, чтобы увидеть веснушку на его нижней губе. Она могла бы посчитать его реснички.

Леви прижался к ней бедрами, и она ощутила что-то твердое, что-то, что требовало ее внимания.

О, Боже. Она дико ошиблась. Леви не был мальчиком. Леви был мужчиной. Взрослым мужчиной на двенадцать лет старше ее. Старше, мудрее и намного больше ее. Ей действительно надо его остановить. Ей действительно нужно выбирать. Да, она должна сделать это.

- Я люблю тебя, - вместо этого сказала Тамара.

- Да? - спросил Леви, едва моргнув на ее заявление, из-за чего она еще больше разозлилась, чем из-за того, что была прижата к стене. Как он смеет не принимать ее всерьез, когда она признается ему в любви.

- Да. Клянусь, да.

- Ты даже не знаешь меня. Ты не знаешь того, как ты считаешь, любишь.

- Мне плевать. Я знаю, что люблю тебя. Ты идеален и красив, и я постоянно думаю о тебе, я постоянно хочу тебя, и я люблю тебя.

- Постоянно?

- Постоянно. - Кивнула она.

Она жестко прижалась к его рту, целуя его, словно к ее голове был прижат заряженный пистолет, и только поцелуй мог спасти ее жизнь. Ей было так хорошо, что она ахнула, и когда вздох раскрыл губы, между ее зубов проник язык Леви. Она шутила о языке во рту, но Леви не смеялся. Больше ни над чем не смеялся. Леви запустил руку в ее косу и сильнее впился в ее рот. Его язык на вкус был так великолепен, она хотела сосать его. Когда она сделала это, он издал гортанный звук, грязный звук, отчего она захотела повторить.

Леви прервал поцелуй, словно сорвал пластырь. И все же она осталась прижатой к стене. Он так сильно прижимал ее к стене, что она могла поднять ноги и не упасть.

- Ты хоть представляешь, скольких девушек я перетрахал за свою жизнь? - спросил он. - Или думаешь, что вся моя жизнь заключается в уходе за лошадьми твоего деда и в том, чтобы терпеть тебя?

Тамара не знала, что ответить на это. Ловя ртом воздух, она покачала головой. - Не знаю.

- Хочешь знать? - спросил он. Сейчас его голос был угрожающим, а не соблазняющим, и все же она ощущала соблазнение. Она не хотела находиться где-то еще, кроме этого места, у стены. - Хочешь знать, скольких девушек я трахнул?

- Да, - ответила она, потому что она думала, что именно это он хотел услышать.

- Всех девушек, которых я хотел трахнуть, вот сколько, - ответил он, и она поверила ему. Может, вчера она бы не поверила. Вчера он был лишь конюхом с красивыми глазами и сексуальной улыбкой. Сегодня он был мужчиной с мышцами и телом, и руками, достаточно большими, чтобы обхватить ее талию, что он и делал сейчас. - Каждую девушку, которую я хотел трахнуть... минус одна.

Тамара с дрожью вдохнула.

Его руки опустились с ее талии на бедра. Он поднял ее с покрытой соломой земли и заставил обхватить талию ногами. Она вцепилась в него словно в жизнь, руки обхватили плечи, сапоги крепко сцепились вместе на его поясице. Шов вдоль паха на ее штанах для верховой езды терся о мягкое и припухшее местечко, и каждый раз, когда Леви прижимался ближе, она вздрагивала от удовольствия. Она запрокинула голову назад, когда он снова это сделал. Когда она подняла голову, заметила, как он смотрит на ее рубашку. Ее грудь была больше, чем у любой другой девчонки в школе, не огромная, но полная. Она не могла прятать ее, как и не могли этого сделать ее бюстгалтеры. Тамара убрала руку с его плеча, чтобы расстегнуть рубашку до середины груди. Он хотел смотреть на нее, а она хотела, чтобы он видел. Он наклонил голову и поцеловал вершину ее груди, где они возвышались над кружевным краем белого бюстгалтера. Кожей она ощутила его волосы и наслаждалась, наслаждалась, наслаждалась мягким щекотанием.

- Тебе нравится? - спросил он, потершись о нее, словно фитиль о камень.

- Да. - Она едва могла дышать с его грудью прижатой к ее груди.

- Тебе не страшно?

Она отрицательно помотала головой.

- Ты девственница? - спросил он.

- Я говорила, у меня никогда не было настоящего поцелуя.

- Можно трахаться и без поцелуев.

- Со мной этого никогда не происходило.

- Не советую, - сказал он. - Я люблю делать это одновременно.

- Это очень...

- Очень что? - спросил он.

- Это довольно разумно, - сказала она. - Мне нравится эта идея.

- Мне нравятся твои идеи. С удовольствием подкину тебе еще пачку. - Леви снова прижался к чувствительному местечку между ее ног, и она тихо застонала, он поглотил поцелуем этот стон. Сначала она застыла от страха, но оттаяла почти мгновенно. Затем это превратилось в нечто большее, чем отчаяние и переросло в огонь.

Его рот двигался по ее губам, и она ахнула от чрезмерного удовольствия.

С закрытыми глазами она не могла ничего делать, кроме как наслаждаться его вкусом, его ароматом и ощущать его, и это было даже лучше, чем видеть. На вкус он был, словно он выпил пару рюмок дедушкиного бурбона «Красная Нить». Приятный вкус яблок и лакрицы, но горячий, а не пронзительный. Также его губы были мягкими,

но требовательными, словно он пытался выиграть спор, целуя ее. Она с радостью признала свое поражение. О, и он идеально пах. Потом и бальзамом после бритья, кожей и маслом для лошадиной сбруи. Он пах, как мужчина, который тяжело работал, даже в воскресенье. Воскресенье должен быть выходным, днем, который проводишь в постели, целуясь. Целуясь и еще больше целуясь ...

Целоваться было так странно. Его рот на ее губах. Его язык был между ее зубов и нигде больше. Его руки были на ее бедрах и держали ее. И все же поцелуй был в тех местах, где она не ожидала его почувствовать. Он был в ее животе, глубоко внизу. Она ощущала его между ног, вдоль бедер. Она ощущала его в грудях, которые прижимались к его груди. И слой рубашки и белья отделяли ее тело от его, и все же ее соски были твердыми, жаждущими прикосновений и посасываний. Она едва не сошла с ума и не попросила его об этом.

Тамара подняла руку и провела ею по его волосам. Ему это, может, не понравится, но она хотела прикоснуться к его волосам, хотела прикоснуться к ним с тех пор, как впервые увидела его два года назад, когда они с мамой въехали в большой дом в Ардене. Сейчас же его губы были заняты поцелуем, у нее был шанс сделать все, что она пожелает, без тирады протеста. Она зарылась пальцами в его волосы, наслаждаясь их мягкостью, густотой. К стольким частям его тела она хотела прикоснуться. Тамара погладила его щеку, его сильную шею, его плечи. Она отдала бы что угодно за то, чтобы снять его одежду, прикоснуться к каждой его частичке, которая прикасалась к ней.

Тамара знала о сексе из школы, слышала от девочек, которые дошли до конца и жили, чтобы рассказать всю историю. Но никто никогда не говорил, что делать в ситуации, когда она ощущала его эрекцию через одежду, и хотела почувствовать ее внутри себя. Она больше не хотела быть девственницей, она хотела, чтобы именно он был первым, если она чего-то стоила. Взял ее.

- Пожалуйста, сделай это, Леви... - сказала она ему на ухо.

- Только потому что у тебя сегодня день рождения. - Леви обхватил ее грудь и сжал ее - это происходило. Теперь даже набег четырех всадников апокалипсиса не мог остановить их. Он отодвинул чашечку бюстгальтера вниз, обнажая сосок. Он ущипнул за него, и она умерла. Он опустил свои губы и лизнул его, и она опять умерла. Когда он прикрыл ее грудь своим горячим ртом и всосал ее, она умерла и больше не воскресала.

- Ради всего святого, чем вы двое занимаетесь?

Леви опустил Тамару на пол так быстро, что ее колени едва не подвели ее. Ножной браслет соскользнул с ее запястья и упал в сено. Она крепко затянула пальто на груди и посмотрела на Леви, но он не смотрел на нее. Он смотрел прямо.

Во всей вселенной и во всех измерениях существовало лишь три человека, которых боялась Тамара Мэддокс. Бог и Дьявол - это двое, и даже Бог и Дьявол намного отставали от одной женщины, которая могла напугать даже Тамару Белль Мэддокс - именно она получала то, что хотела, когда хотела, и хотела этого потому, что хотела, - и именно эта женщина стояла в конюшне и с ледяным взглядом смотрела на нее и на Леви.

- Ничего, мамочка.

Глава 5

- Ничего? Это не ничего.

Голос матери обрушился, как ведро ледяной воды. Леви отпустил Тамару, развернулся и встал перед ней, давая возможность поправить одежду.

- Мама, мы просто целовались, - сказала девушка, становясь рядом с Леви. - Сегодня мой день рождения.

- Миссис Мэддокс, клянусь, это был легкий поздравительный поцелуй, - вмешался Леви. - И ничего больше.

- Ты покойник, мальчик, - сказала ее мать. Она никогда не была поклонницей конюха дедушки, но прямо сейчас она хотела его убить и похоронить, и ее вид говорил о том, что она сама прекрасно с этим справится.

Леви приподнял подбородок, на его челюсти заиграли желваки.

- Как вы меня называли? - спросил он.

- Ты слышал меня, мальчик. И если ты еще раз прикоснешься к моей дочери, то, как я называю тебя, будет твоей последней проблемой. - Она схватила Тамару за руку и потащила ее из конюшни.

- Мама, хватит...

- Молчи, - ответила она. - Подожди, пока я не рассказала об этом твоему дедушке.

- А его это должно волновать?

В глазах матери пылал огонь, а лицо было словно гранит. Она выглядела так же страшно, как и ее ярость.

- Должно.

Мать выволокла ее из конюшни, повела вверх по холму и вошла через заднюю дверь дома. Она так злилась, что ее волосы вибрировали, а, учитывая то количество лака, которым она сдобривала блондинистую шевелюру каждое утро, каждое движение было плохим знаком.

Что же, все было идеально, не так ли? Могла ли Тамара провести хоть один день без скандала на пустом месте от матери? Вчера она отчитала Тамару за слово «дерьмо» во время ужина. И в пятницу, когда она приехала из школы в Луисвилле на рождественские каникулы, Тамару пропесочили за то, что она привезла с собой только грязную одежду. Почему это так задело маму, Тамара не поняла. Не похоже, что мамочка занималась стиркой. Кора, экономка, делала всю работу. Ее мама не работала. Ее мама никогда не работала. Ее мама может даже и не знала, как пишется слово «труд», если бы они играли в Скрэббл, и у нее остались буквы Т Р У и Д. Скорее всего, она бы написала «Пруд».

В кухне, пока за ней наблюдала мама, Тамара стянула грязные сапоги. Тамара изо всех сил старалась игнорировать ее, искусство, которым она овладела почти в совершенстве за последние три года, с тех пор как папочка умер, и «злость» стала обыденным состоянием матери, ее дежурным ответом на все. Поначалу Тамара реагировала на каждую мелочь, каждую колкость, каждое оскорбление, словно камень в лицо. Но спустя несколько месяцев Тамара начала использовать камни и выстроила стену - высокую, широкую и толстую - между ней и матерью, пока стена не переросла в крепость, и теперь, казалось, что эти камни бросает крестьянин в королевский замок. Конечно же, даже пока папа был жив, ее мать не наслаждалась жизнью с ним. Она и папа перешептывались друг с другом насчет ее подобных настроений. Папа говорил, что Дьявол задолжал ему, и через маму он так рассчитался.

Как только Тамара стянула сапоги, ее мать схватила ее за руку и поволокла по коридору. Арден был огромным домом, столетняя кирпичная коробка времен возрождения Джорджии. Каждая комната отличалась по цвету, как в Белом Доме. Следуя за матерью, Тамара прошла ее розовую спальню принцессы и голубую бильярдную комнату, зеленую столовую на пути к красной комнате справа - библиотеки ее дедушки. На втором этаже, у деда был свой кабинет, и за всю свою жизнь она не могла узнать разницу между библиотекой и кабинетом, кроме одной - в одной из комнат стоял стол, а во второй нет.

Внутри библиотеки в красно-золотом кресле сидел дедушка, держа в руке бокал с бурбоном - судя по виду прокисший бурбон - а в другой руке газету.

- Мне нужно обсудить кое-что с тобой, - сказала ее мать.

- Как и всегда, Вирджиния, - ответил дедуля, перевернув страницу газеты, даже не посмотрев на них.

- Дедуля, мама... - начала Тамара, но мать перебила ее.

- Ты сейчас же отправишься в свою комнату и не смей и носа своего показывать, пока я тебе не разрешу.

- Что здесь происходит? - Дедуля, наконец, обратил внимание. Он аккуратно сложил газету на коленях. В пасмурном дневном свете он выглядел не старше пятидесяти, хотя ему было глубоко за шестьдесят. Вся его голова была седой, и лицо напоминало людям Ли Мейджорса. Женщины за спиной называли его шестимиллионным мужчиной, потому что по их словам, он, вероятно, столько держал в своем кошельке. Даже сидя в кресле, он выглядел большим и сильным, держащим все под контролем - полная противоположность маленькой, словно веточка, матери.

- Я застукала, как твой конюх целовался с моей дочерью, - ответила мама.

- Леви? Целовал Тамару?

- Я попросила его, потому что у меня день рождения, - быстро добавила Тамара. - Вот и все. Больше ничего не произошло.

- И на это я трачу свое время? - дедушка обратился к ее матери, а не к ней.

- Это был больше, чем поцелуй. Парень прилип к ней.

- Это был просто поцелуй, - закричала Тамара, четко произнося слова, словно мать была медлительной и частично глухой.

- Это был Леви Шелби, ты меня слышишь? - в ответ закричала мать. - Леви Шелби. Я говорила тебе и говорила, чтобы он не крутился рядом. Я говорила, и ты не послушалась и все еще не слушаешь, и однажды ты заплатишься за то, что не слушала меня.

Дедушка глубоко вдохнул и так же глубоко выдохнул.

- Я слушаю тебя, Вирджиния.

- И что ты собираешься делать?

- Ничего, - ответила Тамара. - И вы тут тоже ничего не сделаете. Сегодня день моего рождения. Я попросила Леви поцеловать меня. Это все, что произошло.

- Иди в свою комнату, сейчас же, - приказала мать.

- Но...

- Иди, детка, - сказал дедуля, взмахивая газетой, будто прогонял собаку из комнаты.

- Иди. - Мама указала длинным белым пальцем с длинным красным ногтем на дверь. Тамара ушла. Она хлопнула за собой дверью и побрела по коридору, медленно, достаточно медленно, чтобы слышать их разговор. Мать сказала: «Это ты во всем виноват» - классическая реплика мамы. Как дедушка мог быть виноват в том, что ее целовал Леви?

Тамара зашла в спальню и села на кровать, стараясь не расплакаться. Когда они переехали, ей выделили одну комнату на первом этаже и «заботливо» перекрасили ее в розовый, так как были уверены, что этот цвет обязательно понравится девушке. Он ей не нравился. Этот розовый был цвета лекарства от изжоги, и вызывал у нее еще больше боли в животе, чем лечил.

Наконец, дверь ее комнаты распахнулась и захлопнулась. Перед нею стояла мать, упревая руки в бедра. Тамара уставилась в пол.

- И... как долго это продолжается? - спросила она.

- Что продолжается?

- Отвечай мне, - ответила мама.

- Ничего не происходит. Я сказала, что попросила Леви поцеловать меня, потому что у меня сегодня день рождения. Он так и сделал. Вот и все.

- Он трогал тебя?

- Ну, его губы прикасались ко мне.

- Он трогал тебя под одеждой?

- Нет, мама. - Тамара зарычала и закатила глаза. - Мы целовались. И все. Мне шестнадцать. Мне нельзя целовать мальчиков?

- Тебя ничего нельзя делать. Ничего. Ничего без моего разрешения или разрешения бабушки.

- Ладно. Приведи сюда бабушку. Мы спросим у него, можно ли мне поцеловать мальчика в свой день рождения.

- Ты можешь спросить его о Леви Шелби, но тебе не понравится его ответ.

Мама стояла со скрещенными на груди руками и стучала по полу коричневым кожаным сапогом на высоком каблуке. В свое время Вирджиния Мэддокс была очень красивой. Тамара видела фотографии. Но она носила слишком много макияжа и красила волосы как у Фарры Фоссет до тех пор, пока те не начали ломаться и высыхать. Большинство дней она выглядела собранной, но в такие дни Тамара видела, как расходятся швы.

- Тамара, я скажу кое-что, что тебе не понравится, но лучше послушай.

- Что?

- В этой семье тебе выделена одна роль, - сказала она. - Только одна. Твой дядя Эрик мертв. И твой папа, Нэш, тоже. Ты единственная Мэддокс, которая останется после смерти бабушки. Знаю, ты считаешь, что это делает тебя особенной. Но это не так. Все совсем иначе. Это значит, что ты не будешь делать ничего, что хочешь. Значит, что ты должна исполнять свою роль, потому что нет больше никого, кто будет делать это за тебя. И тебе лучше поверить, если ты не вырастешь и не повзрослеешь, и не будешь делать то, что велит бабушка, то окажешься ни с чем. И я не позволю тебе все испортить, не после всего, что вложила.

- Мне всего шестнадцать. Что же мне делать?

- Ты знаешь. Всегда знала.

Тамара вздохнула.

- Знаю. Я должна выйти замуж. Должна родить детей. - Это она знала. Несколько лет знала об этом. Два года назад она захотела стрижку как у Дороти Хэмилл, и ее мать сказала «ни за что, девочки, которые хотят замуж, не стригутся коротко». - Я должна удерживать «Красную Нить» на плаву, бла-бла-бла.

- Да, должна. И у тебя нет выбора.

- У меня ни в чем нет выбора. Ты не даешь мне выбора. Бабушка не дает мне выбора. Я с таким же успехом могла быть в тюрьме.

- Хочешь право выбора?

- Мне бы понравилось выбирать, - ответила Тамара.

- Ладно. Вот тебе выбор. Выбирай между Кермитом и Леви. Как тебе такой выбор?

- Что значит выбирай между ними?

- То и значит, я уволю Леви или продам Кермита на живодерню. Так каков будет вердикт?

- Ты не можешь этого сделать. Ты не можешь заставить меня уволить Леви или убить моего коня. Ты не... - голос Тамары дрогнул.

- О, я могу. Могу и сделаю, и даже дедушка не остановит меня. И знаешь что? Это ради твоего же блага, даже если пока ты этого не понимаешь.

- Это не ради моего блага. Это ради твоего.

- Выбирай, принцесса. Ты хотела право выбора. Я тебе его предоставила.

- Я не собираюсь выбирать между Леви и Кермитом. И не стану. - Тамара встала и скрестила руки на груди. - Я определенно не буду этого делать.

- Тогда оба. Леви уволят, и я продам Кермита. Черт, может, мне взять из стола револьвер дедушки и прямой сейчас прикончить эту чертову лошадь.

- Мама... - Тамара всхлипнула. Она шагнула вперед, выставив руки, умоляя маму успокоиться.

- Ох, даже не пытайся применить на мне эти девчоночьи приемы, - ответила мама, так яростно мотая головой, что ее золотые с бриллиантами сережки зазвенели как маленькие колокольчики. - Ты меня отговоришь. Ты даже не знаешь, во что ввязываешься с Леви. Поэтому решай и решай сейчас же. У тебя три секунды - Кермит или Леви. Один...

- Но Кермита мне подарил папа.

- Твой папа подарил себе пулю в мозг, значит, папа не имеет права голоса в этом. Два...

- Мама, нет. Пожалуйста, не заставляй.

- Кермит или Леви. Говори.

- Ты, - сказала Тамара. - Ты возьмешь револьвер дедушки и застрелишь себя, а я, Кермит и Леви уедем в закат, старая ты сука.

Мать влепила ей пощечину. Жестко. Так жестко, что Тамара ахнула и едва не упала.

- Мама... - Тамара всхлипнула. Она прижала ладонь к щеке и ощутила тепло от боли и стыд.

- Однажды, Тамара, клянусь... ты получишь то, что ты хочешь, и это будет последнее твое желание.

Мать развернулась и ушла, хлопнув за собой дверью так, что зазвенели фотографии в рамках. Тамара рухнула на кровать, ее щека пульсировала, все ее тело горело от ярости. И куда направилась мать?

- Кермит...

Тамара распахнула дверь и побежала по коридору за матерью. Она знала, что мама собирается пристрелить ее коня. Она была уверена. Ковер ошпаривал ее босые ступни, пока она бежала к парадной двери. Но было слишком поздно, мама уже вышла из дома. Но она не направилась к конюшне, она села в свой кадиллак, припаркованный на У-образной подъездной дороге. Дверь машины захлопнулась. Моргнули фары, и Тамара наблюдала, как машина, оказавшаяся без водителя за запотевшими стеклами, вырулила на главную дорогу.

Мама поехала не за Кермитом. Леви. Мама поехала за Леви. Что она сделает? Отправится в полицию и сообщит о домогательстве? Поедет к нему домой и уволит его лично? Что происходило? Куда она ехала?

- Мама... вернись, - прошептала Тамара. Если Тамара извинится, удастся ли ей отговорить маму? Если она поклянется быть хорошей, если поклянется, что больше никогда не пойдет в конюшню одна, где будет Леви...

- Выпусти пар, малышка.

Тамара развернулась и увидела, как в дверях стоит дедушка и внимательно рассматривает ее.

- Мама уехала. Вы знаете, куда она поехала?

- Я попросил ее дать нам немного времени для разговора. Думаю, на сегодня вам достаточно друг друга.

- Она сказала, что я должна выбрать между работой Леви и Кермитом. Сказала, что пристрелит моего коня. Она ведь не сделает этого, верно?

- Попытайся ее остановить.

- Она не может уволить Леви. Не за поцелуй. Поцелуй - это не преступление. - Обжигающие слезы, горячие как кипятки, текли по ее щекам.

Он подошел к ней, такой большой и такой сильный, и обнял своими теплыми дедушкиными руками. Он обнимал ее, пока она плакала на его груди, не сдерживаясь, позволяя слезам капать и капать. Может, слезы способны тронуть его сердце. Может, ее отчаяние способно убедить его в том, как плохо поступала ее мать. Если дедушка займет твердую позицию, он сможет спасти Кермита и Леви. Если... Она все плакала и плакала, плакала и плакала, пока не устала и не начала кашлять.

- Ну, хватит. Достаточно. - Он гладил ее по голове и спине.

- Простите.

- Не извиняйся. Иди прими долгую горячую ванну и переоденься в пижаму. Я принесу тебе кое-что, что поможет успокоиться, и мы обсудим это. - Он обхватил пальцами ее подбородок и заставит поднять голову.

- Что поможет мне успокоиться? Молоток в голову?

- Я найду кое-что очень хорошее. Никаких молотков. - Он подмигнул. - Ступай. Я приду к тебе в комнату, когда ты закончишь. У нас с тобой будет долгая беседа.

- О чем?

- Мы с твоей мамой сегодня приняли решение насчет тебя. Мы оба решили, что настало время, когда тебе пора зарабатывать часть того, что тебе положено. Идея твоей мамы, не моя. Но если она говорит «я получу», она получает. Ты знаешь свою мать.

- Что я должна заработать? - спросила Тамара. Ей было всего лишь шестнадцать. Не похоже, что она могла устроиться на работу или что-то в этом роде. Чего они хотели от нее?

- Настало время заслужить свое место в этой семье. Твоя мать считает, что ты слишком высокого мнения о себе. Она попросила меня укоротить тебе хвост.

- Мне и так обрезали все возможные хвосты.

- Теперь мы оба знаем, что это не так. Многие девочки убили бы за твои сапоги, Тамара. Ты счастливая девушка, и ты многое принимаешь как должное. Твоя мама хочет, чтобы ты развивалась, начала делать больше для этого дома, больше для этой семьи, больше для меня.

- Я сделаю все, что она хочет, обещаю. Пока она не уволит Леви или убьет Кермита.

Он прижался своей большой теплой ладонью к ее щеке.

- Вот это моя девочка.

Глава 6

По радио мурлыкал голос Бонни Тайлер, и Тамара ей подпевала. «It's a Heartache» была ее новой любимой песней. Она слишком долго задержалась на одной, неделями слушая до дыр «Dreams» от Fleetwood Mac. Тамара тихо подпевала, пока вытиралась розовым пушистым полотенцем. Дедуля был умным человеком. После долгой горячей ванны ей определенно стало лучше. Когда мама вернется, Тамара скажет, как ей жаль. Затем она предложила бы домашний арест на столько, сколько бы пожелала ее мама. Это должно помочь. Кермит мог остаться, и Леви мог остаться. Тамара избегала бы конюшен целый месяц, два, шесть месяцев... какой бы срок ее мать не посчитала достаточным. Как только Тамара бы взяла на себя всю вину, все утихло бы.

Она услышала, как дверь в ее спальню открывается и захлопывается, и она как могла быстрее протянула руку, чтобы запереть дверь в ванную. Она еще даже не оделась.

- Малышка, ты закончила? - позвал дедушка.

- Еще нет.

Тамара натянула трусики и футболку. Футболка лишь на два дюйма прикрывала ее попку, поэтому пришлось надеть дурацкий старушечий халат, который она получила на Рождество в прошлом году, и который мама заставляла носить поверх одежды для сна. Обычно Тамара игнорировала этот приказ. Вещь была уродливой как грех, и грешно было ее носить. С мандариновым воротником, который застегивался на горле, и подолом, опускающимся до ее лодыжек, халат выглядел как розовое монашеское одеяние. Но или так, или ей придется ходить в нижнем белье перед дедушкой. Ни один из них не хотел этого.

Она быстро заплела свои мокрые волосы и с полотенцем в руках вышла в спальню. Дедушка сидел у окна с бутылкой и двумя стаканами перед ним.

- Мама еще не вернулась? - спросила Тамара и подошла к окну. Мелкий дождь превратился в ливень. Дождь шел всю неделю, и Тамара не была уверена, что когда-нибудь снова увидит солнце.

- Сегодня она не приедет домой.

- Что? Почему?

Мама была так зла на нее? Это плохой знак.

- Она знает тебя, и мне нужно с тобой поговорить. - Дедушка открыл бутылку «Красной Нити», которую принес с собой. - Она останется в небольшом отеле в городе. Сегодня только ты и я.

- Мы тут в безопасности? В новостях говорили о наводнении.

Он покачал головой и налил бурбона с палец в один стакан, а во второй с два пальца. Он поставил перед ней стакан с большей порцией.

- Не волнуйся об этом. Этот дом простоял больше ста лет с рекой позади. Мы простоим еще сотню.

- Как скажешь, - сказала она, сомневаясь, что доверяет его мнению так же безоговорочно, как он. Дедушка был самым богатым человеком в штате, и все знали об этом. Весь день люди подчинялись его воле - она видела это собственными глазами. Если его остановят за превышение скорости, коп посмотрит его удостоверение, усмехнется и отпустит с предупреждением. Владельцы ресторанов приносят ему выпивку на дом. Один отель в Луисвилле, в котором он остановился, выделил ему личного консьержа для постоянного обслуживания. Люди - это одно, но что-то

подсказывало ей, что река не подчинится его воле так охотно. Река здесь была до дедушки и будет после него.

- У тебя был тот еще день, верно, маленькая леди? - Он занял в два раза больше места у окна, чем она.

- С днем Рождения меня, да?

- Хочешь рассказать, что происходит между тобой и стариком Леви?

- Между мной и стариком Леви ничего не происходит.

Дедушка поднял брови и свой стакан. Он сделал глоток, и она последовала за ним, морщась. Бурбон был в их доме повсюду, но она до сих пор не понимала его вкуса. Что говорить о бурбоне, она и вкус кофе то до конца не распробовала.

- Твоя мать утверждает, что застала вас кувыркающимися в сене.

Она густо покраснела. Достаточно было того, что она говорила о Леви с матерью. Если бы у нее была лопата, она бы прямо сейчас вырыла себе могилу.

- Там было сено, но мы не кувыркались, - ответила она. - Я попросила его поцеловать меня в мой день рождения, и он поцеловал меня в мой день рождения. Завтра не мой день рождения, значит, завтра он не будет меня целовать.

- Ты расстроена из-за этого.

Она пожала плечами и откинулась на спину, ее руки вцепились в подушку. Когда она выдохнула через нос, окно превратилось в облачко.

- Он тебе нравится? - спросил ее дедушка. Он протянул руку и ущипнул ее за палец. Насколько он пьян? Очень, как полагала она. Очень, очень. - Тамара, ответь мне?

Она рассмеялась от щипка. - Да, он мне нравится.

- Как сильно он тебе нравится?

- Не знаю. Сильно? - Она, наконец, посмотрела дедушке в глаза. Он улыбался, но от улыбки ей не становилось лучше. Это была самая последняя тема для беседы, которую она хотела обсуждать с дедушкой.

- Сильно, да? - дедушка откинулся на спину и скинул ботинки. Они приземлились на маленький розовый коврик возле ее кресла-качалки и оставили на нем пятно. Ей было все равно. Ее так тошнило от розового цвета, что она была готова сжечь дом, лишь бы избавиться от него.

- Сильно. Даже больше того, что бы то ни было.

- Я заметил, как вы с ним разговаривали.

- Только разговаривали.

- Он обожает тебя.

- Нет. Он груб со мной. Он говорит, что я ленивая, и заставляет вычищать навоз из стойла, и говорит, что я избалованная. Он называет меня Ржавой. Даже не помню, чтобы он называл меня по имени.

- Я называл твою бабушку Злючкой, потому что она была самой упрямой женщиной, которую я когда-либо встречал. Сводила меня с ума, когда была помоложе. Я не мог оторвать от нее рук.

- Дедушка, серьезно. Я не хочу ничего слышать об этом, ни сейчас, никогда.

- Ты достаточно взрослая, чтобы слушать о вещах, которые не хочешь слышать.

- И, тем не менее, я не хочу об этом слушать.

Он вздохнул и кивнул.

- Ты превратилась в такую красивую девушку, - сказал он. - Я удивлен, что Леви единственный парень, с которым у нас проблемы из-за тебя.

- Вы отправили меня в женскую школу, помните?

- Это хорошая школа.

- Это женская школа, - повторила она.

- Я ходил в школу для мальчиков, Мейллесбург Милитари. Лучшая школа в штате.

- Здорово. Можно меня туда перевести?

- И ты удивляешься, почему мы стараемся следить за тобой, - ответил он, улыбаясь ей. - Может, нам стоит внимательнее следить за тобой.

- Мама злится только потому, что она без причины ненавидит Леви.

- У нее есть причина.

- Я знаю, что он старше меня, но не так уж и много. И он хорошо обращается с лошадьми. Мама сказала, или я позволю ей уволить Леви, или она отдаст Кермита на живодерню. Я не могу жить без Леви. Я не могу жить без Кермита. Она пытается убить меня?

- Ты не умрешь без Леви.

- Может, и не умру, - ответила она. Она могла. Происходило что-то странное. - Все равно, я не понимаю, почему мама ненавидит его, хотя, думаю, она всех ненавидит.

Дедушка снова вздохнул. Она учуяла аромат сигар и бурбона в этом вздохе. Ей захотелось открыть окно.

- Есть кое-что, чего ты не знаешь о Леви и должна узнать. Давным-давно мать Леви работала на меня. Она прибиралась в офисах «Красной Нити».

- Она была дворником?

- Уборщицей.

Тамара ощутила укол жалости к Леви. Быть сыном уборщицы, должно быть, было нелегко. Она знала, что его мама уже умерла, но он никогда не говорил, что она работала на дедушку. - Мама ненавидит его, потому что его мать работала уборщицей?

- Тамара, милая, его мать была чернокожей. Ты не знала?

Тамара прищурилась на дедушку.

- Что?

- Именно.

- Но он...

- Он светлокожий. Но он не белый.

Не существовало слова, чтобы описать шок Тамары.

- Но как...

- Его папа был белым, - пожимая плечами, ответил дедушка. - Иногда случается. И ты никогда не узнаешь, каким будет ребенок - светлым или темным, или смешанным.

- Но у него голубые глаза. Это рецессивный признак. Мы проходили на биологии. Я должна была сделать решетку Менделя\Пеннета по цвету глаз. Он должен был быть белым с обеих сторон, чтобы получить голубые глаза.

Дедушка снова усмехнулся, но она не поняла, что смешного было в ее словах. Она не находила эту ситуацию смешной. Ее мать ненавидела Леви, потому что его мать была чернокожей? Это самое отвратительное, что она слышала в своей жизни.

Самое ужасное.

Самое.

За всю ее жизнь.

- В большинстве из них течет белая кровь. Наших рук дело, конечно же. Но это не делает его белым. Мои родители были оба правши, и вот я левша. Думаешь, моя мама согрешила с молочником?

Тамара проигнорировала вопрос. Ее мать называла Леви «мальчик», и Леви, казалось, обижался на это больше, чем Тамара считала разумным. Ее постоянно

называли «девочкой», но даже она понимала разницу между обращением к белому мальчику «мальчик» и чернокожему мальчику.

- Поэтому мама ненавидит Леви?

- Скажем так, она не очень довольна его происхождением.

- Мне плевать, что он наполовину черный или красный, или зеленый. Мне плевать, кем была его мать или отец. Если его отец был Гитлером, а мать Дайана Росс, мне будет все равно.

Ну, не совсем, но только потому, что ей нравилась Дайана Росс.

- Но меня волнует твоя мать. И твой отец.

- А меня нет.

- Волнует, и ты это знаешь. Ты Мэддокс, а это кое-что значит. Ты особенная, Тамара.

- Не понимаю, почему. Не похоже, что у меня есть выбор.

- Не важно. Королева Англии была рождена Королевой Англии. Она не может передумать стать королевой, но она может решить какой королевой она будет - хорошей или плохой. И перед тобой тот же выбор.

- Хорошо, тогда я буду королевой Англии.

- Ты будешь кем-то лучше. Ты будешь моей королевой. И ты будешь править целым королевством «Красная Нить». Ты и я, Тамара, мы особенные. Только у нас с тобой на всей планете по венам течет кровь Джейкоба Мэддокса. Ты это знала?

- Я знаю, - ответила она, все еще не понимая, почему это делает их особенными. Она никогда не встречалась с Джейкобом Мэддоксом, мужчиной, который основал винокурню «Красная Нить». Он навсегда был мертв. И, кроме того, что он основал семейный бизнес, она не знала о нем ничего.

- Хотел бы я, чтобы нас было больше. Но твоя бабушка была хрупка тут, - сказал он, постучав пальцем по лбу. - И ее здоровье тоже не было крепким. После двух сыновей нам пришлось остановиться. Потом у нее случился удар, и я не мог повторно жениться, не то чтобы не хотел, - продолжил он, хотя она чувствовала, что он хотел, очень сильно. Если бы она была на его месте, одному Богу было известно, что половина одиноких женщин в округе считали секунды до того, как дедушка вернется на рынок. - Твой дядя Эрик умер во Вьетнаме, еще до того как успел жениться и создать собственную семью. И твой папа, конечно...

- Да. Папа. - Папа был мертв уже три года, пять месяцев и шестнадцать дней. Но кто считал?

- Мы надеялись, что у него и твоей матери будет большая семья, но этому было не суждено произойти.

- Не думаю, что они нравились друг другу, - сказала Тамара, что было правдой, но не совсем. Дедушка иногда любил подразнить ее маму насчет детей, которыми она не пополнила генеалогическое дерево Мэддоксов, на что папа сказал бы ему отвалить и оставить ее в покое, но дедушка возразил бы: «Если бы ты не оставил ее, у нас бы не было повода об этом говорить». Она никогда не понимала своих маму и папу. Они были дружны, но все же казались последними людьми на планете, которые могли бы жениться друг на друге. - Должно быть, и я ему не очень нравилась, раз он покончил с собой.

- Он любил тебя, - ответил он, хотя Тамара задумалась. Неужели мужчина, который на самом деле любит своих дочерей, стреляет себе в голову и оставляет их на произвол судьбы с сумасшедшей матерью?

- Я тоже любила его. И скучаю по нему. - Она крепче прижала к груди свою розовую подушку.

- Я знаю. Мы все скучаем. Даже не могу сказать, сколько раз я думал о том, как хорошо было держать его на руках после его рождения. И Эрика тоже. Мои мальчики. Мои прекрасные мальчики. Я бы все отдал, чтобы это повторить - держать на руках своего сына. Все. Ты чувствуешь что-то подобное? Что ты могла бы отдать все, чтобы получить это?

- Я бы все отдала, чтобы вернуть папу.

Казалось, этот ответ удивил его.

- Да. Мы оба, дорогая.

Она не была уверена, что поверила ему, и ей было неловко из-за этого. Дедушка говорил о дяде Эрике постоянно - красивый, сильный, умный, мечта, а не сын. Но Нэш? Ее отец? Дедушка почти никогда не говорил о нем, если только кто-то другой не вспоминал.

- Хотела бы я, чтобы мама тоже вернулась, - сказала она. Но судя по темноте, сырости и новому ливню, мама вернется не скоро. Она поняла, что дедушка смотрит на нее, изучает. Он делал это раньше, наблюдал за ней. Иногда появлялось такое чувство, что смотрел на нее он реже, чем лапал. Ей нравилось, когда Леви на нее смотрел. Но даже он так не смотрел на нее.

- Ангел, я знаю, что быть Мэддоксами не просто. Иногда мы должны делать то, чего не хотим. Твоя бабушка хотела пойти в колледж вместо брака. Но у ее семьи были проблемы с деньгами, поэтому она вышла замуж. Ты делаешь то, что должна сделать ради своей семьи. Как Джейкоб Мэддокс.

- А что он сделал?

- Мой дедушка, Джейкоб Мэддокс, тоже женился ради денег. Женился на леди по имени Генриетта Арден. Поэтому этот дом называется Арден, потому что без нее его у нас не было бы.

- Мы получили все наши деньги от его жены?

- Нет, мэм. Она спасла старика Джейкоба от долгов, но настоящие деньги? Он заработал их сам. До существования «Красной Нити» Джейкоб владел плантациями конопли и табака. Они принадлежали Арден. Джейкоб, как обычно в те времена, влюбился в одну из рабынь. Ее звали Веритас, но они звали ее Вера. Они любили давать забавные имена своим рабам, и она была забавной девушкой. Ее мать до самой смерти работала на кухнях, и Вера заняла ее место. Девушки в доме должны были красиво одеваться, выглядеть красиво и вести себя красиво. Вера всегда носила красную ленту в своих волосах. Однажды утром Джейкоб решил отведать Веру на завтрак, а не стейк и яйца.

Ее дедушка снова усмехнулся поверх бокала и сделал еще один глоток. Тамаре начали надоедать эти усмешки.

- Но Генриетта была не особо довольна, когда живот Веры стал действительно большим и не потому, что они перекармливали девушку. Однажды Джейкоб уехал из города по делам, и пока его не было, что же сделала Генриетта? Она продала маленькую Веру. Продала по хорошей цене. Мужчина, который купил ее, предложил хорошую сделку - два по цене одного.

Тамара лишь смотрела на бурбон в своем бокале. Она больше не хотела пить.

- Вы не можете продавать людей, - тихо произнесла Тамара.

- Ох, ну тогда мы могли. Они увидели на лице Джейкоба все оттенки красного, когда он вернулся домой и понял, что ничего не осталось от его любимой девочки и его ребенка, кроме красной ленты, которую она всегда носила в волосах, и тысячи долларов, которых у него прежде не было. Но он недолго горевал. Знаешь, что он сделал с деньгами?

- Основал «Красную Нить»?

- Верно. Он основал «Красную Нить». Он купил винокурню, купил немного кукурузы и начал работать над тем, чтобы сделать свою семью самой богатой в штате. Но знаешь что? Должно быть, он любил эту девушку Веру, потому что когда он начал разливать бурбон, он завязывал красную ленту на каждой бутылке, как в память о ней. И завязал ее красную ленту на первую бутылку. У нас до сих пор хранится эта бутылка, запечатая в моем кабинете.

- Могу я на нее посмотреть?

- Может, позже, - ответил он. Ей не разрешалось находиться в кабинете дедушки. Никому не разрешалось. - Она передается от одного сына Мэддокса к другому. Когда-нибудь она будет принадлежать твоему сыну.

- У нас все еще сохранилась лента? - спросила Тамара, по какой-то причине желая увидеть ее, желая заполучить ее. Она должна получить ее, а не дедушка.

- Да. Эта красная лента делает нам деньги. Жены говорят мужьям «Дорогой, иди и купи бурбон «Красная Нить», потому что я хочу эту милую ленточку». Джейкоб Мэддокс был умным парнем. Должно быть, и романтиком тоже был. Красная лента на каждой бутылке? Наверное, он любил эту девушку.

- Или любил размахивать этой лентой перед лицом жены, - добавила Тамара.

- Ну... может, и это тоже он любил.

- Что случилось с Верой? - спросила Тамара.

- Черт, я даже не знаю. - Дедушка махнул рукой. - Они продали ее, и она не была рада этому. Говорят, она поклялась миссис Мэддокс, что если она когда-нибудь вернется, то вырежет всю нашу семью. Она непременно покончит с нашей династией. И как ты видишь, - сказал Дедушка, указывая на себя большим пальцем, - это пророчество не сбылось. Хотя нам и не повезло с детьми, как я надеялся.

- Думаю да, - ответила она, ощущая тошноту. Это был бурбон? Она едва пригубила его. Или из-за Веры, выкрикивающей проклятия пра-прабабушке много лет назад? Бедная Вера. Они даже не позволили ей сохранить свою красную ленту, когда продавали ее.

- Мэддоксы и благословлены, и прокляты одновременно, - сказал он, наливая себе еще одну порцию «Красной Нити». - Бог дает нам богатство и процветание и забирает детей, которые нам нужны для продления рода.

- Это печально, - ответила она. Она сочувствовала дедушке. У него были брат и сестра, но у его сестры был полиомиелит, и та не дожила до тридцати, а его брат не дотянул до десяти из-за скарлатины.

- Мужчина не должен хоронить собственных сыновей.

А девочка не должна хоронить своего отца. Это тоже было неправильным. Сегодня все казалось неправильным.

Дедушка поднес бокал к губам. Он опустил его, прежде чем сделать глоток.

- Ты позволишь маме уволить Леви? - спросила она.

- Кажется, твоя мать настроена на это.

- Из-за поцелуя?

- Для начала.

- Если ты не уволишь его, обещаю, я больше никогда не буду его целовать.

Он улыбнулся и рассмеялся. - Ты знаешь, что ты не серьезно. Думаю, ты снова захочешь его поцеловать. И не думаю, что ты хочешь быть хорошей.

- А кто-то хочет быть хорошим?

- Тебе лучше хотеть быть хорошей.

- Но я не хорошая. Я попросила Леви поцеловать меня. Иначе он бы этого не сделал.

- Я не уверен. Думаю, рано или поздно он бы сделал это.

- Дедушка, пожалуйста, не дай ей уволить его за то, о чем я попросила.

- Вероятно, мне придется отпустить его, чтобы заткнуть твою мать. Сегодня она не счастливая туристка.

- Она никогда и не была счастливой туристкой. Она должна покинуть лагерь. - Тамара захихикала, но это был ужасный звук даже для ее собственных ушей. Несколько слез покатились по ее щекам, и она не успела их быстро смахнуть.

- Что, ангел? Что не так? - спросил он.

- Я не хочу, чтобы Леви увольняли. Вот и все. И не хочу, чтобы мама отправляла Кермита, чтобы наказать меня. - И она не хотела, чтобы ее отец был мертв, а ее мать была постоянно такой злой. Она должна была попросить это на день рождения, вместо дурацкой машины. - Я перееду в Аризону. Вот что я сделаю. Я буду жить с бабушкой и дедушкой Дарлингами, а, значит, Леви сможет сохранить свою работу, и Кермит останется здесь с Леви.

Это была хорошая идея. Нет, отличная идея. Как только она озвучила ее, она знала, что так и сделает. Как только ее мать вернется домой, она поделится ею. Она уедет на семестр жить с другими бабушкой и дедушкой, и ее мать будет так сильно скучать, что оставит эту сумасшедшую идею с увольнением Леви и продажей Кермита.

- Иди ко мне, милая. Иди. - Дедушка протянул к ней руки, и Тамара неохотно прижалась к нему и положила голову ему на грудь. Она ощутила его тепло, твердость и безобидность. Она чувствовала аромат бурбона в его дыхании и сигары, который он любил курить по вечерам. Дедушкин запах. - Я не позволю тебе переехать в Аризону. Нет, Мэм.

- Почему нет?

- Потому что ты Мэддокс, и ты моя маленькая девочка. Послушай... ты хоть представляешь, как тебе повезло? - спросил он, поглаживая ее по спине. - Ты могла не стать Мэддокс, знаешь.

Она подняла голову и с удивлением посмотрела на дедушку.

- О чем ты?

- Ты родилась полгода спустя после свадьбы твоих мамы и папы. Ты знаешь об этом, верно?

- Ну... да. Я умею считать.

- Не пойми меня неправильно, Нэш любил тебя. Но он не хотел жениться на твоей маме. Это последнее, что он хотел. Мне пришлось надавить на него.

- Как? - Она даже не слышала этой части истории.

- Когда уговоры не помогли вправить мальчику мозги, я пригрозил отречься от него. Твоя мама носила следующего Мэддокса, а он был упрям как мул. Он, наконец, сдался после того, как мы заключили небольшую сделку. У побережья Южной Каролины есть остров, где мы выращиваем наши деревья. Все деревья, из которых мы делаем наши бочки, используемые для «Красной Нити». Он сказал, что хочет остров, и я подарил его ему в качестве свадебного подарка. Тогда он и женился на твоей маме. И ты была Мэддокс в день своего рождения. Ты могла быть Дарлинг, без папы, без дедушки, без ничего. Поэтому я говорю, что тебе повезло. Для тебя все могло сложиться совсем по-другому, ангел.

Тамара не могла выдать ни слова. Ее папа был так против женитьбы на ее маме, что его пришлось подкупить целым островом? И если бы он не сдался, у нее не было бы папы? Ее дедушка и бабушка со стороны мамы справились бы сами. Дедушка Дарлинг был главой банка во Франкфурте, пока не ушел на пенсию и не переехал в Аризону из-за климата. И из-за своей религиозности они бы выставили маму на улицу

из-за незаконнорожденного ребенка. Поэтому мама мирилась с дедушкой? Потому что знала, что только он отделяет ее от бедности?

- Папа не хотел быть моим отцом? - наконец спросила она.

- Ох, он хотел. Но не до твоего рождения. Как только ты родилась, все изменилось. Любовь с первого взгляда. Ты была его девочкой с самого первого дня.

Это заставило Тамару улыбнуться. Она знала, что ее мать и дедушка были разочарованы тем, что она девочка. По крайней мере, один человек в этой семье был счастлив тому, что она родилась девочкой. Кроме нее самой.

- Разве ты не рада, что ты Мэддокс? - спросил дедушка. Она знала, что должна ответить.

- Да, рада.

- Быть Мэддоксом кое-что значит в этом штате. Кое-что важное. Мы первая семья в Кентукки во многом. Мы были здесь еще до того, как штат стал штатом. В нашей семье были губернаторы и сенаторы. С начала гражданской войны у нас была винокурня. Только четверем винокурням разрешили работать во время сухого закона, и мы были одной из них. Даже федеральное правительство не посмеет закрыть нас. И мы производим бурбон, а бурбон - идеальный напиток. Нет ничего подобного. Проблема совершенства это не то, с чем мы, маленькие люди, были рождены. Совершенство приходит с небес, а мы здесь, на земле. Поэтому, когда у тебя есть что-то такое идеальное, как наша семья, наше наследие и наш бурбон, мы должны платить дань за это.

- Дань?

- То, что делают ангелы. Мы заливаем пятьдесят три галлона бурбона в каждую бочку для выдержки. И ангелы приходят и вволю напиваются им. Будто платишь налоги. И к тому времени как мы открываем бочку, чтобы продать бурбон, почти половины нет. Поэтому мы потеряли столько мальчиков Мэддоксов в этой семье. На этой стороне рая все не должно быть идеальным. И теперь в этом мире остались только мы вдвоем - ты и я - нам лучше держаться друг друга, прежде чем ангелы придут за нами. Верно?

- Верно, - ответила она, кивая в теплую фланель на его груди.

- Знаешь, твоя мама хочет лучшего для тебя. Она беспокоится о тебе, и это беспокойство не дает ей уснуть.

- Почему она беспокоится?

- Потому что ты единственная внучка Мэддокс. Она хочет, чтобы ты поступала правильно ради семьи, а она боится, что все будет наоборот.

- Я сделаю все, что мне будет нужно. Ей не нужно волноваться.

- Она хочет, чтобы я в своем завещании все отдал тебе. Она думает, что я не сделаю этого, потому что мы всегда передавали компанию старшим мальчикам. - Он взял ее косу и пощекотал кончиком ее нос.

- Поэтому вы все время ругаетесь? - Тамара посмотрела на него.

- Ты знаешь о ссорах?

- Вы двое не слишком хорошо скрываетесь. Вы ругаетесь, потому что мама думает, что ты откажешься от меня, потому что я девочка?

- Мы ругаемся по многим причинам, но нет ничего, о чем бы тебе стоило волноваться. И тебе ни о чем не стоит переживать. На данный момент, когда я умру, ты унаследуешь все. Компанию, дом, землю, все. Надеюсь, к тому времени как я сыграю в ящик, ты родишь мальчика или двух, но ты не ошибешься, дедушка позаботится о тебе.

- Ты не скоро умрешь, - сказала Тамара. - Ты проживешь еще двадцать или тридцать лет, и я однажды выйду замуж и заведу детей. Тогда в нашей семье снова появится мальчик, раз уж все этого так хотят.

- Я не становлюсь моложе. Но даже в моем возрасте у мужчин есть потребности, что он хочет завершить, чего хочет достичь. Теперь у меня достаточно денег, их хватило бы на сотню человек, но знаешь, чего я по-настоящему хочу?

Тамара не знала.

Внезапно Тамара поняла, что и не хочет знать.

- Я хочу еще одного сына, видеть, как он растет.

- Тебе будет нелегко, раз бабушка в доме престарелых.

- Уверен, для нее это сложнее, чем для меня. Если от нее там что-то осталось. Не уверен в этом.

Тамара знала, что ему лучше не предлагать развод. Если и было что-то, что могло очернить имя семьи, это был бы развод бабушки с его женой-инвалидом, чтобы он снова мог жениться на любой из трепетных юных особ, которые размножаются, как плодовые мушки вокруг него, каждый раз, когда он выходит в город.

- Мне хотелось бы хоть как-то помочь, - сказала она. - Хотелось бы, чтобы был способ все исправить.

Если бы у нее была волшебная палочка, она бы взмахнула ею, и ее отец был бы жив, и ее дядя Эрик, которого она никогда не видела. Ее мама была бы доброй и любящей, а не злой и нервной. Ее бабушка исцелилась бы и могла снова ходить и говорить, а не сидеть весь день в инвалидном кресле в дорогом доме престарелых, где пахло, как в морге. И она бы взмахнула в последний раз, и она с Леви волшебным образом были бы вместе, и этот сегодняшний поцелуй стал началом очень хорошей истории.

- На самом деле, мы кое-что можем сделать, - сказал дедушка. - Кое-что, что ты и я можем сделать. И даже лучше, этого хочет твоя мама. И если ты в игре, мы убедимся, что Леви сохранит свою работу, тебе не придется ехать в Аризону, ты сможешь оставить Кермита, и твоя мама будет очень-очень счастлива впервые в своей жизни. Как тебе такое?

- Звучит хорошо, - ответила она. - Что бы это ни было, я сделаю это.

- Я знаю, ангел, - сказал он.

Затем дедушка поцеловал ее.

Глава 7

Все тело Тамары, все ее естество, испытало ужас, когда пропитанный бурбоном рот бабушки накрыл ее губы. Она попыталась вырваться из его рук, но он обхватил ее за плечи, не позволяя сдвинуться с места. Из ее горла вырвался звук, похожий на визг шин, и крик, который невозможно было сдерживать.

Его губы ощущались огромными, словно он мог проглотить ее одним движением, если бы захотел. Его щетина больно царапала ее лицо, которое зудело, как ядовитый плющ. Наступила паника. Тамара отбивалась и извивалась в его руках, как кот в ловушке, но он держал ее и не собирался отпускать.

Затем она ощутила свои ноги, как они скользят по полу и по ковру у ее кровати. Они перемещались не по ее воле. Рывками дедушка перетащил ее на кровать.

- Успокойся, девочка, - сказал он, успокаивая ее, словно дикого пони. - Успокойся. Я не сделаю тебе больно.

Но он уже делал больно. Что бы он не сделал или сказал причинило бы боль.

Она попыталась вырвать руки из его хватки, но он просто усилил свой захват. Он так сильно сжимал, что, казалось, будто перекрывает кровоток в ее плечах. Ее тело обмякло, как у мертвеца. Если он отпустит ее, она могла бы убежать. Но, несмотря на его возраст, он был по-прежнему силен, как жеребец.

- Пожалуйста, не надо. Пожалуйста, не надо. Пожалуйста, не надо... - эти слова она повторяла, как магическое заклинание, но они не произвели на него никакого эффекта. Он поднял ее на ноги со всей учтивостью и мягкостью, с которой бросал мешки с кормом для лошадей в багажник своего грузовика, и толкнул Тамару на кровать. Одной рукой он прижал ее руки к подушкам; свободной рукой он расстегнул пряжку ремня.

- Тамара, ты должна успокоиться, - сказал он своим самым дедушкиным тоном - упрекающим и слегка раздраженным. Когда Тамара была маленькой, ее ужалила пчела, она кричала так сильно, что все подумали, будто она умирает. Тогда он говорил точно таким же тоном, чтобы успокоить ее истерику. - Если продолжишь сопротивляться, сделаешь себе только хуже. Успокойся, и, обещаю, я закончу быстро.

- Пожалуйста, не делай этого. Я не хочу.

- Нет, хочешь, детка. - Он кивнул, но все же оседлал ее бедра и сел на них, чтобы обездвижить пинающие ноги. - Ты сказала, что хочешь.

- Я больше не хочу, - едва вымолвила она, ее душили слезы. Она слышала собственный голос, он казался ей странным и чужим. Она не помнила, чтобы так кричала, никогда не слышала, чтобы так плакала, не помнила, чтобы молилась каждому Богу и Богине, в которых верила, какая бы то ни была вера, чтобы те спасли ее от происходящего. - Пожалуйста... - Она боролась и извивалась. Слезы текли по ее лицу, липкие и горячие.

- Мы сделаем это только пару раз. - Он провел рукой по ее волосам, ласково, игнорируя ее сопротивление, игнорируя ее боль.

- Я могу выйти замуж за кого-нибудь. Я могу найти кого-то. Я сразу же забеременею. Клянусь Богом, я забеременею. - Может, ей удастся отговорить его. Она выйдет за любого мужчину прямо сейчас, чтобы избежать этого момента, сбежать от этого человека.

- Это буду я, ангел. Это должен быть я. Но как только ты забеременеешь, мы выдадим тебя замуж и купим тебе красивый дом. И ты получишь все, что захочешь. Звучит неплохо, верно? И тебе больше не придется жить с мамой. Я уверен, тебе это понравится. Ты даже сможешь выйти за Леви, и мама не будет злиться. - Он усмехнулся, будто пошутил. Пошутил.

Где-то внутри Тамары, где-то глубоко внутри, что-то щелкнуло. Или не щелкнуло. Может, хлопнуло. Переключатель щелкнул. Зажегся свет. Зажглась спичка. Загорелся фитиль. Что-то горело, что-то тлело.

Что-то взорвалось.

...Тебе лучше поверить, если ты не возьмешься за ум и будешь делать то, что говорит тебе дедушка. Иначе, ты окажешься ни с чем. Я не позволю тебе все испортить, не после того, чем я пожертвовала.

Пришло время занять место в этой семье. Твоя мама думает, что ты слишком много о себе возомнила. Она велела сбить с тебя спесь.

Вот почему мама ушла и не вернулась. Вот почему. Потому что мама продала ее, продала собственному дедушке. Продала ее тело ему в обмен на «Красную нить». Ее мать... эта трусиха, эта сука, уехала, оставила ее одну с ним, чтобы ей не пришлось слышать крики своей дочери. И ее дедушка, этот мерзкий кусок дерьма, собирался насиловать ее, пока она не залетит, тогда он выдаст ее за другого. Он так отчаянно хотел мальчика, что собирался обрюхатить ее. Он бы трахал ее пока она не

забеременеет. Если первым ребенком будет девочка, он будет трахать ее снова и снова и снова. Все ради его грязного королевства. Если бы она могла, то сгорела бы дотла прямо здесь и сейчас. Она хотела огня, огня повсюду. Она хотела, чтобы дедушка горел в аду, а мать горела рядом с ним, чтобы сгорел дом, забирая с собой «Красную нить».

Тамара толкала дедушку в грудь так сильно, как могла. Затем она что-то увидела.

Коричневая вода просачивалась под дверь. Она заметила ее первой. Ее дедушка был слишком занят, расстегивая штаны, чтобы что-то замечать. Но когда он повернул голову, он тоже ее заметил.

- Какого черта? - сказал он, его брови нахмурились от непонимания и смутения. На секунду он посмотрел в другом направлении. На секунду его разум не был сосредоточен на ней и над тем, что он делал. На секунду вода, хлещущая в комнату, была важнее, чем что-либо другое, даже это.

В этой секунде Тамара и нуждалась.

Свободной рукой она схватила лампу на прикроватной тумбочке и разбила ее о его голову. Он закричал, и кровь хлынула из его виска. В оцепенении он рухнул на бок, прижимая ладонь к кровоточащей ране, матерясь и моргая, и Тамара вывернулась из-под его туловища. В отчаянии она оглядывалась в поисках оружия, сгодились бы все что угодно, и увидела тяжелый серебряный подсвечник на шкафу. Она спрыгнула с кровати и два дюйма воды окружили ее лодыжки. Два дюйма, и она быстро прибывала. Подсвечник был тяжелым и квадратным, в стиле арт-деко, подарок от бабушки, и когда она обрушила его на голову дедушки, мужчина издал ужасный мягкий звук. Он не двигался, не шевелился, ни одной мышцей.

Порыв ветра коснулся ее тела, поднимая вверх волосы. Ледяной ветер, словно зиме кто-то открыл дверь и впустил.

Тамара стояла там и хохотала. Две недели назад она ходила на пижамную вечеринку, и они играли в Улику. Мисс Скарлет в спальне с подсвечником...

С торца дома слышались звуки, вытягивая ее из оцепенения, - что-то падало, что-то еще трещало и дерево раскалывалось, будто дверь слетала с петель. Сейчас в доме воды было почти на фут, грязной, вонючей и ледяной. Осколки разбитой лампы покрывали постель словно блески. На подоконнике стояла бутылка «Красной Нити». Тамара взяла ее и разбила о стену. Лента на горлышке упала в воду. Она выудила ее и обхватила руку дедушки, обвязывая нить вокруг указательного пальца. Он застонал и Тамара ахнула. Вода уже достигала колен.

Тамара обхватила лодыжки дедушки и потащила его с кровати. По началу у нее ничего не получалось, но страх придал ей сил. Она тащила, тянула и толкала. Его пенис свисал из расстегнутой ширинки как жирный дождевой червь. Если бы у нее были садовые ножницы, она бы отрезала его.

С последним рывком за шлевки брюк, Тамара стащила его с кровати в холодную грязную воду. И затем, так как она знала, что у нее не было другого выбора, и она хотела пережить эту ночь, девушка сжала в кулаках его волосы в стиле Ли Мэйджорса и засунула его голову под воду.

Какая-то часть его мозга понимала, что с ним происходит. Он резко дергался после первого глотка грязи, но теперь у нее было преимущество, и терять его было бы глупо. Она держала его, пока он не перестал двигаться, и, чтобы обезопасить себя, еще несколько минут после того, как дед перестал шевелиться.

Когда все было сделано, она стояла и смотрела на него в воде, как он плавал словно пакет с мусором. Он больше не был похож на человека.

Из другой комнаты донесся скрежет - река двигала мебель. Тамара стянула шелковое розовое покрывало с постели и стряхнула разбитое стекло с него.

Закутавшись в него словно в шаль, она пробралась сквозь воду, уже доходившую до колена, к двери. Дом сошел с ума. Стулья плавали. Бумаги и книги раскачивались на поверхности воды как игрушечные кораблики. Аромат сточных вод пропитал воздух. Где-то вспыхнул свет, и у Тамары появился новый страх - электричество. Она услышала писк и заметила движение в воде - серая крыса плыла по коридору, чтобы спастись. В панике Тамара заставила себя пройти мимо буфета с фарфором, который завалился на бок и плыл к лестнице. Она бросилась вверх в ванную и рухнула на колени перед унитазом. Почти час, как ей казалось, она мучилась рвотой. Ее так сильно тошнило, что она разодрала горло и обмочилась. Она чувствовала привкус крови во рту.

Затем погас свет.

Тамара моргнула, позволяя глазам привыкнуть к темноте. Снова замотавшись в розовое покрывало, она заставила себя встать и проделать путь к кабинету дедушки. Он выходил на шоссе, а не на реку. Если вода продолжит прибывать, эту комнату затопит последней. Дверь не была заперта, и даже если бы была, она бы с удовольствием ее разрушила. Внутри кабинета она увидела черную коробку на столе. В темноте телефон был похож на свернувшегося клубком спящего кота. Стоит ли ей позвонить и позвать помощь? Она не знала. Ее однажды предупреждали не трогать телефон во время грозы, но молний не было. Осторожно она подняла трубку. Линия не работала. Она была одна в доме с трупом дедушки.

Тамара подошла к окну. Лужайки не было. Ухоженные пастбища для лошадей, огороженные белыми заборами - исчезли. Булыжная дорога исчезла. Каменная ограда, построенная рабами задолго до начала Гражданской войны, - исчезла. Теперь там была одна вода. Вода, вода везде. Только конюшня на высоком холме была нетронута. Если вода продолжит подниматься, их накроет следующими. Как и ее.

Когда она была маленькой девочкой и ходила в воскресную школу, узнала историю о Ное и его ковчеге. Из того, что она запомнила с уроков, Бог пообещал, что больше никогда не уничтожит землю с помощью потопа, и в подкрепление своего обещания подарил радугу.

Казалось, будто Бог изменил свое решение.

Тамара отвернулась от окна и на столе нашла упаковку дедушкиных сигарет, спички в верхнем ящике, где он хранил свои дорогие ручки и канцелярские принадлежности. Она не подожгла сигарету, но она зажгла свечи, которые нашла в верхнем ящике. Свет свечей подсказал ей одну идею. Она начала копаться в ящиках. Если Бог уничтожил все водой, то она уничтожит огнем.

Сегодня она хотела уничтожить все. Деловые бумаги. Письма. Завещание дедушки, если найдет его, и она не унаследует ничего, потому что не хотела ничего. Ей не нужен был ни кирпичик из этого места. Не хотела ни цента. В ящике она нашла револьвер и пули. Револьвер дедушки, которым ее мать угрожала застрелить Кермита. Тамара открыла окно и вытянула револьвер над водой. Разве что... нет. Что, если он ей понадобится позже? Она закрыла окно, держа в руках пистолет. За ней может прийти полиция. Она не позволит им посадить ее в тюрьму за то, что она сделала. Она лучше умрет, чем признает вину. Ее мать подставила ее, оставила одну, чтобы дед сделал свое дело. Ее мать за это тоже поплатится.

Тамара вытащила каждый листок из ящика. Она выбросила бухгалтерскую книгу в мусорное ведро, записную книжку, все до чего она могла дотянуться. Все что могло гореть, все, что она сожжет.

Бумаги было недостаточно. Счетов было недостаточно. Она хотела сжечь само сердце «Красной нити». Бутылку. Первую бутылку и красную ленту Веритас. Где бутылка?

Она взяла свечу и обошла комнату, рассматривая стены и столы. В углу кабинета она увидела девочку со свечой в руке. Себя. Ее отражение в стекле бара. Она подняла свечу к шкафу и заглянула внутрь, рассматривая ряд янтарных бутылок с красной лентой на горлышке. Стекланные бутылки плясали в свете свечи, и на момент показалось, что внутри каждой горит огонь. Тамара поставила свечу вниз, обмотала покрывалом руку и локтем разбила стекло.

Тамара сбросила покрывало на пол и отошла от осколков. Сегодня она и так настрадалась. «Красная Нить» больше не причинит ей боли. Она рылась в шкафу, рассматривая каждую бутылку. Одна бутылка была этого года. Другая 1970-го. Другая была достаточно старой, ее лента выцвела до бледно-розового, но недостаточно старая, чтобы оказаться той, которую она искала.

И тогда она увидела ее.

В самом углу шкафа на нижней полке в стеклянной коробке стояла она. Первая бутылка. Девочка вытащила коробку и сняла с нее стеклянную крышку. Из подушки из красного бархата она достала бутылку. Вокруг горлышка висела тонкая и ветхая лента, покрытая ржавчиной от возраста. Улыбаясь, Тамара поставила ее на шкаф. Она не знала, что делать с ней. Выпить? Вылить в речную воду? Столько вариантов, каждый лучше предыдущего. Она должна придумать что-то стоящее, что-то, что причинит боль дедушке, и Джейкоб Мэддокс перевернется в гробу.

Тамара не торопилась с действиями. А пока ей придется снова спрятать бутылку. Она начала возвращать бутылку на бархатную подушку и заметила что-то в коробке - конверт. Конверт, который спрятал ее дедушка.

Она вытащила его и изучила. Почерк... она знала этот почерк.

Ее отец... Папочка.

Он написал это письмо. Оно было адресовано дедушке. Она поцеловала слова на бумаге, потому что так сильно скучала. Тамара взяла письмо, взяла свечу и подошла к креслу у стола, где села, чтобы прочесть его, и забыла о бутылке.

Отец,

К тому времени как ты получишь это письмо, я буду мертв. Я больше не могу находиться на этой земле. Каждый день моей жизни был ложью. Я не люблю свою жену. Я никогда не любил свою жену. Я никогда не любил ни одну женщину и никогда не полюблю. Я очень сожалею, что выбрал твои деньги, а не свою душу, и позволил Вирджинии оказаться в ловушке в этой тюрьме брака со мной.

Можешь оставить свои деньги. Если увидишь где-нибудь мою душу, я бы хотел вернуть ее.

Я забираю свою жизнь не для того, чтобы наказать тебя, а чтобы освободить Вирджинию от этого спектакля под названием «брак» и от семьи Мэддокс. Боюсь, она сделает тот же выбор что и я, возьмет твои деньги и продаст душу, но я умру с чистой совестью, зная что, по крайней мере, попытался освободить ее. Я устал притворяться, что Тамара моя дочь. Даже Вирджиния устала притворяться. Ты знал, что она сказала мне, что Тамара была дочерью Дэниела Хедли, зачатая на прощальной вечеринке Эрика? Я рассмеялся, когда она сказала мне. Вирджиния больше Мэддокс, чем я. Ты хорошо ее обучил.

Ты должен знать... Я люблю Тамару как свою собственную, и мое последнее желание для нее, чтобы моя смерть освободила ее и Вирджинию. Отпусти их, папа.

Нелегко умирать, зная о Леви Шелби. Я знаю, что у тебя были свои романы, но мне и в голову не приходило, что ты можешь поступить так низко, чтобы соблазнить уборщицу, которая не могла отказать тебе, как и все остальные. Леви кажется хорошим молодым человеком. И думаю, у него все хорошо сложится,

потому что он вырос вне этой семьи, без следа Мэддоксов и яда, который находится в каждой бутылке «Красной Нити». Надеюсь, он никогда не узнает, кто он на самом деле, ради своего же блага. Но учитывая, что он единственный живой твой сын, я знаю, что его свободные и счастливые дни сочтены. Но лучше он будет наследником, чем моя Тамара. Говорят, наша семья проклята. Я буду свидетелем этого. Я буду в покое только тогда, когда не буду ее частью. Вирджиния недавно сказала, что только через свой труп она позволит тебе передать Леви хоть один цент фамильных денег. Не стесняйся из-за моего трупа оставить ему каждый цент.

Не считай мою смерть потерей еще одного сына.

Считай, что ты теряешь все.

Сейчас я собираюсь присоединиться к любимому Эрику, моему брату и моему другу. Он знал, кем я был, и кем был, и любил несмотря ни на что. Я скучал по нему. Будет приятно снова увидеть брата.

Твой сын,

Нэш.

Тамара сложила письмо и засунула его в конверт.

Одну за одной она достала бумаги из мусорного ведра, книги и бухгалтерские записи. Она ничего не сожгла.

Вместо этого она направилась в спальню матери и полностью разделась. Она открыла окно и увидела реку уже под подоконником. Холодный воздух окутал ее обнаженное тело, и она снова ощутила себя чистой. Она выбросила грязную пижаму в черную как ночь воду вместе с ненавистным розовым халатом. Они уплыли - хорошее избавление. Когда Тамара посмотрела в воду, увидела, как ее отражение искажается и растягивается. Лицо больше не принадлежало ей, это была другая девушка. И эта девушка была в темной воде, на ее волосах была завязана красная лента. Это не могла быть она... Тамара не носила красную ленту в волосах. Откуда она?

Тамара подняла руку к волосам. Ленты не было. Она посмотрела на пальцы и увидела, что они были красными. Кровь. На ее голове кровоточил порез. Вот и все. Должно быть, она порезалась стеклом от лампы, пока дралась с дедушкой. Она усмехнулась, вспоминая, что была не той, кем считала себя. Глупая. Она закрыла окно и надела мамину одежду, закуталась в покрывало матери, которое пахло бурбоном и сигарным дымом.

Она вернулась в кабинет дедушки и пододвинула кресло к окну. Вдалеке, сквозь деревья, она видела мерцающие огоньки - фонари или фары, или и то и другое. Там кто-то был жив. Так или иначе, кто-то найдет ее.

Но это больше не имело значения, найдет ее кто-то или нет. Она нашла себя в письме папы. И, как оказалось, он не был ее папочкой.

- Я не Мэддокс, - прошептала она. Удовольствие от осознания этого тлело внутри нее, светилось, горело. Никогда прежде она не произносила три таких прекрасных слова. В ее венах не было крови Мэддоксов, этой мерзкой крови, изнасиловавшей Веру, которая продала ее и ее ребенка. Она не была одной из них. Она не была проклята. И поэтому она выжила, а дедушка был мертв. Проклятие поразило его и спасло ее. Потому что она не была Мэддокс. Она вообще была не Мэддокс.

Но Леви был. И все же он был недостаточно хорош для ее дедушки. Он хотел белого сына, полностью белого, и она была избранным сосудом для избранного мальчика. Созревшая девушка под его крышей. Неудивительно, почему он заставил ее и маму переехать к нему. Неудивительно.

Тамара улыбнулась. У нее была идея. ЕМмать сказала, что через свой труп позволит дедушке передать наследство «Красной Нити» Леви.

Ее мать ничего не говорила о себе живой.

Устав, как никогда в своей жизни, Тамара закрыла глаза и закуталась в одеяло, чтобы отдохнуть. Ей понадобятся все ее силы, чтобы пережить следующие несколько недель. Вода перестала подниматься. Она переживет эту ночь. Когда придет полиция, она расскажет им историю - ее дедушка пил, а она отправилась наверх спать. Почему наверх? Ей нужен ответ.

Она отправилась наверх, потому что хотела спать в постели мамы, чтобы знать, когда та вернется домой. Вот. Они поссорились, и Тамара хотела извиниться, поэтому пошла наверх, в кровать мамы. Она заснула и проснулась затемно. Она спустилась вниз проверить все и обнаружила, что дом полон воды, а дедушка плавает лицом вниз. Было слишком поздно. Он выпил так много, что отключился и утонул. Что еще она могла сделать, кроме как вернуться наверх и ждать спасения? Она разбила стекло бара, потому что споткнулась в темноте. У нее был ответ на каждый вопрос, который они зададут. А сейчас, сегодня, она была в безопасности и была свободна. А завтра она начнет учиться, как стрелять из револьвера дедушки.

Хотя она и выпила пару глотков «Красной нити», Тамара чувствовала себя пьяной и счастливой. Да, счастливой потому что была живой. Счастливой, потому что не была Мэддокс. Но еще более счастливой, по одной веской причине.

У Тамары Мэддокс был план.

Глава 8

Пэрис

- Ты была права, - ответил МакКуин. - В конце концов, может, я и не хочу слышать эту историю.

- Слишком поздно. Поезд ушел. И не остановится до конечной станции. - Пэрис скрестила свои прекрасные длинные ноги. Он больше не мог смотреть ни на них, ни на ее лицо. Но она смотрела на него, изучала его. Ее лицо было словно запечатанная бутылка, закупоренная и покрытая фольгой. Он не мог прочесть его.

- Тамара завязала красную ленту на пальце дедушки, - наконец произнес он. - Умно.

- Ты знаком с традицией? - спросила она, похуже, гордясь им.

- Не знаю, с чего она началась, - признался он. - Но, говорят, что любители «Красной Нити» снимают с горлышка ленту и завязывают ее на пальце, если им удастся выпить всю бутылку за одну ночь. В знак чести.

- Знак бесчестия, - ответила она, усмехнувшись. - Выпить целую бутылку бурбона за одну ночь? Неужели этим можно гордиться? Столько же смысла, как и оставить проститутку в трусах, за секс с которой ты заплатил. Что же в этом почетного?

МакКуин рассмеялся, но это не казалось правильным, смеяться после такой истории.

- Думаю, все зависит от проститутки, - ответил он. - Я знаю эти бутылки. Их несложно выпить за одну долгую ночь. Сколько? Десять бокалов? Двенадцать?

- В определенных кругах Кентукки у Джорджа Мэддокса было прозвище. Они называли его Бароном. Старые добрые парни так его называли. Он и сам себя так называл. Одним из последних крупных бурбоновых баронов. Он серьезно относился к своему титулу. Этот мужчина мог вылакать целую бутылку «Красной Нити» за ночь. И затем снимал эту маленькую красную ленту, завязывал ее на пальце и весь

следующий день носил ее в офисе. Влиятельный человек. Он любил демонстрировать, что может управляться со своим алкоголем. Это был предмет семейной гордости.

- У него было довольно извращенное понятие гордости. Изнасиловать собственную внучку. Даже если Тамара и не была его внучкой.

- Нет, она не была его внучкой, но весь остальной мир думал иначе. Любой ребенок, которого бы она родила, был бы Мэддоксом в глазах всего мира, и что еще важнее, в глазах Джорджа Мэддокса.

- Но все же... он растил ее как внучку. И он сделал это с ней? Серьезно?

- Он сделал то, что я сказала. - Пэрис посмотрела на него так, что даже Фома неверующий не был бы добр. - Джордж Мэддокс был богатым и властным человеком и имел наглость думать, что он заслужил свое богатство и власть. Он унаследовал деньги и власть, пришедшие с именем. Мир давал ему все, что он пожелает, кроме сына, которому он бы все передал, правильного сына, белого сына. Он думал, что мир тоже должен ему. А вам, мистер МакКуин, что должен мир?

- Ничего, - ответил МакКуин.

- Хороший ответ, - сказала Пэрис. - Если вы действительно в это верите, под вашими деньгами может скрываться душа.

- Тамара почти ровесница моей дочери. Я не могу... - Он покачал головой, пытаясь вытеснить образ мужчины, возраста его отца, прикасающегося к его дочери. - Ее арестовали?

- Нет, не арестовали. Не думаю, что полиция допрашивала ее. С красной лентой на пальце, все предположили, конечно же, что он напился. Расследование было открыто и закрыто. Джордж Мэддокс был пьян, пошел отлить, расстегнул штаны, упал и ударился головой. Когда в дом хлынула вода, он утонул. Джордж Мэддокс был столпом сообщества. Никто не хотел знать ничего другого. Никто не хотел знать, почему его тело нашли в спальне его внучки со спущенными штанами. Они не задавали вопросов. Тамара ничего не говорила. Его похоронили. Конец. Только... это не было концом. - Пэрис удовлетворенно улыбнулась, словно знала большой секрет.

- Не похоже, что ты фанатка Мэддоксов.

- Как говорят? Семью не выбирают? Хотя, в некотором роде, я предполагаю, что выбрала их. Но это другая история.

МакКуин встал и забрал у нее теперь уже пустой бокал.

- Чем травишься? - спросил он.

- Приготовишь олд-фэшн?

- С закрытыми глазами.

Он подошел к бару из отполированного и резного красного дерева, который однажды стоял в салоне старого Запада. «В салуне», - как сказал дилер. Все знаки указывали на бордель, включая медную табличку, на которой было написано «Собственность Молли Джонсон, королевы блондинок». Он купил бар, несмотря на маленькие царапины, которые, скорее всего, были от ногтей. У него у самого были восемь следов на спине, любезно оставленные вдовой Пэрис, поэтому у него была слабость к ущербу от ногтей хорошо удовлетворенной женщины.

- Мой отец настоял, чтобы я начал работать еще в колледже, - сказал МакКуин. - Он не хотел, чтобы я жил на семейные деньги, пока не докажу что могу заработать свои собственные. - Он вернулся к стульям с ее олд-фешном и своим бурбоном, чистым с каплей холодной воды. - Поэтому я нашел работу в кабаке.

Она взяла у него бокал, сделала глоток и кивнула в одобрении.

- Хорошо же они обучили тебя в этом кабаке.

- Благодарю. - Он сел в свое кожаное кресло. Между ними был только кофейный столик и правда.

- Готов для большего? - спросила она.
- Не думаю.
- Думаешь, слушать эту историю неприятно, попробуй прожить ее.
- Ты пытаешься вызвать во мне чувство вины, - сказал он.
- Ты и так виновен, - ответила она. - Сейчас я пытаюсь тебя заставить возместить ущерб.

- Тогда расскажи историю до конца. - Возместить ущерб. Будто он кому-то что-то должен. Он заплатил по своим долгам вовремя и сполна. Но если она хотела продолжать говорить, он продолжит слушать. Бог свидетель, это был самый интересный вечер в его жизни.

- В Джордже Мэддоксе было много всего, - продолжила Пэрис. - В основном плохого, но он не превратил бы «Красную Нить» в компанию с двухсот миллионным капиталом, будь он дураком. Он был умным человеком и безжалостным. Он знал, как заставить людей танцевать под его дудку. Да, в своем завещании он оставил все Тамаре. И, безусловно, он ожидал получить что-то в ответ на свою щедрость, но умер до того, как произошло благословенное событие. Для всего мира Тамара Мэддокс была единственной выжившей Мэддокс. И как мы с тобой знаем, дело было не в этом. Как только мистер Мэддокс оказался в могиле, завещание было зачитано. Все отошло Тамаре, но до тех пор, пока она не выйдет замуж или ей не исполнится двадцать один, в зависимости от того, что наступит раньше, наследством по доверенности будет управлять мать. Джордж Мэддокс, вероятно, планировал обрюхатить Тамару и затем выдать ее замуж очень быстро за одного из своих подручных. И ребенок, которого бы родила Тамара, стал бы настоящим наследником, потому что его отцом был бы сам Джордж Мэддокс.

- Что, если бы это была девочка?
- Если не получается с первого раза, пробуй снова.
- Думаю, я ненавижу Джорджа Мэддокса.
- Думаю, я с тобой согласна, - ответила Пэрис.
- Значит, отец Тамары не был ее отцом.

- Нэш Мэддокс был геем, - ответила Пэрис. Она сделала еще один глоток. - В Кентукки в 60-х ты не был геем. Ты женился на женщине и жил с этой ложью, и уносил эту тайну с собой в могилу. Что и сделал Нэш.

- Мой сын гей, - сказал МакКуин. - Сказал нам прошлым летом.
- И ты стал меньше его любить?
- Нет, конечно, нет.
- Ты заставишь его жениться на женщине?
- Никогда.

- Джордж Мэддокс заставил. Он угрожал лишить Нэша наследства, пока тот не женится. У них под рукой была Вирджиния Дарлинг, дочь одного из деловых партнеров Джорджа и лучшего друга. Они выросли вместе - Вирджиния, Нэш, Эрик и Дэниел Хедли. Родители считали, что она выйдет замуж за одного из мальчиков Мэддокс. Все этого ждали. Все хотели. Так и произошло. В девятнадцать Вирджиния Дарлинг поняла, что уже пару месяцев беременна. Выбора не было. Она должна была выйти замуж. И Нэшу тоже нужно было жениться, или его отец не оставит ему ни цента. Нэш терпел этот брак столько, сколько мог. И, когда Тамаре было двенадцать, он покончил с собой.

- Я бы тоже убил себя.
- Я не осуждаю Нэша. Как и Тамара, как только узнала всю правду.
- С ней было все в порядке после той ночи?

- Я бы не использовала это слово, чтобы описать ее состояние, - ответила Пэрис. - Я бы сказала «полна решимости». Как только Джорджа Мэддокса похоронили, Вирджиния Мэддокс уволила Леви. Он исчез буквально за один день. Вы должны помнить те времена, если кого-то не было в телефонном справочнике, шанс найти его - минимальный. Не было никакого интернета.

- Темные времена.

- Именно. Поэтому Тамаре пришлось потратить немало времени, чтобы осуществить свой план. Она отлично изображала скорбь по дедушке. Она держала себя в руках на похоронах, вернулась в школу, получала «отлично», и полтора года спустя стала лучшей выпускницей в классе. После той ночи мать и дочь едва разговаривали друг с другом. И все это время Тамара искала Леви, пока ее мать искала покупателя для «Красной нити».

- Она хотела продать компанию?

- Вирджиния Дарлинг знала, как красить ногти, знала, как одеваться, словно леди, знала, как содержать дом. Но она не знала, как управлять компанией. Никто и не ожидал от нее ничего, кроме как замужества, и это все, что она делала в своей жизни. Она не хотела управлять компанией, а после смерти Джорджа Мэддокса на пороге появились дюжины покупателей. Тамаре пришлось поторопиться и найти Леви.

- Полагаю, Леви мог оспорить завещание. Она нашла его?

- Вирджиния Мэддокс приняла предложение о выкупе «Красной Нити» от конкурирующей винокурни. На следующий день Тамара, наконец, нашла Леви. Казалось, это была судьба.

- Судьба. Как романтично.

- Тогда, мистер МакКуин, вы ничего не знаете о мифологии. Во всех старых мифах, судьба была злодейкой.

Глава 10

1980

Ее звали Шерил или Шерри, он даже не мог вспомнить, поэтому Леви пошел по более легкому пути и называл ее Шер. Не то, чтобы Шер/Шерил/Шерри обращала внимание на то, что он говорил. Может, и она не помнит его имени, раз с ее губ слетали лишь слова «Боже», «сильнее» и «да, малыш».

Леви уложил Шер на спину, между ее спиной и дюжиной стогов сена было лишь лошадиная попона. Как бы ее ни звали, она была на пару лет старше его, он вспомнил, что она сказала тридцать два, но, очевидно, женщина лучше о себе заботилась, чем он. Брюки, которые он стянул с нее, были от Глории Вандербильт, трусики были из тончайшего шелка и кружев и сейчас колыхались на точеной лодыжке. Обручальное кольцо с бриллиантом, скорее всего, стоило больше, чем его грузовик, но по его невысказанному мнению, грузовик был более полезен.

- Сильнее, - снова сказала она, и Леви подчинился. На сеновале было жарко, душно и воняло лошадиным и человеческим потом. Чем быстрее он закончит, тем лучше. Поэтому он зарылся ногами в сено, пытаясь найти опору, и вколачивался в нее, пока она не перестала отдавать приказы. Презерватив, в котором он был, ограничивал ощущения, но когда она кончила, ее ногти дали об этом знать.

Он еще не закончил, но она не возражала, пока он наверстывал свое. Она лежала с закрытыми глазами, симпатичная девушка, даже красивая, и терпеливо ждала, пока

он кончит с небольшим, насколько это возможно, выкриком. Шер была громкой за них обоих.

Когда все завершилось, он выбросил резинку, пока она приводила себя в порядок.

- Лучший урок верховой езды, который у меня когда-либо был. - Она натянула сапоги, и Леви помог ей подняться.

- Стараюсь.

- На следующей неделе в то же время? - спросила она, направляясь к лестнице, ведущей к стойлам.

- Если твой жених продолжит платить за частные уроки, я буду их преподавать. Хотя, если однажды ему захочется прокатиться с тобой, он удивится, когда ты не будешь знать, где голова, а где задница лошади.

- Ты знаешь, почему он устроил для меня эти уроки, верно?

- Просвети меня.

- Пока я здесь трахаюсь с тобой, он в офисе трахает свою секретаршу.

- Отличную систему вы придумали.

- Все счастливы. - Она начала спускаться вниз, но остановилась и повернулась к окну.

- Что? - спросил Леви и застегнул ремень. Где-то тут была чистая футболка. Он нашел ее под копией Тао Те Чинг и натянул ее.

- Думаю, приехала ученица на пять часов.

- Сегодня у меня нет урока в пять.

- Тогда кто это? - Она указала на грязное окно, выходящее на парковку. Он был так занят с Шер, что не услышал, как кто-то подъехал.

Леви подошел к лестнице и присел на корточки перед окном. Сначала он увидел машину, нежно-голубую Triumph Spitfire, спортивную машину маленькой девочки. Затем увидел девочку, которой та принадлежала.

- Черт, - прошептал Леви.

- Что? Кто-то, кого ты знаешь?

- Тот, кого я не хочу знать. - Леви покачал головой. Черт возьми. - Уходи. Увидимся на следующей неделе.

Стоя на ступеньке, она поднялась на носочках и поцеловала его в губы, прежде чем спуститься по лестнице. Сначала Леви не последовал за ней. Он продолжил смотреть в окно. Какого черта здесь делает Тамара Мэддокс? Однозначно, это не было совпадением. Девочке не нужны были уроки верховой езды. Она могла превзойти его в езде, не то чтобы он когда-либо говорил ей об этом. Он не планировал вообще ей что-либо говорить.

Хотя, он должен ей кое-что сказать. На парковке Тамара откинулась на капот своей маленькой голубой машины и засунула руки в карманы джинсов.

Она ждала. Ну, она могла еще чуть-чуть подождать. Леви спустился по первым ступеням лестницы и перепрыгнул остальные, с легкостью приземлившись на ноги. В конюшне была проточная вода и маленький туалет для детей, которые не могли дотерпеть до главного здания, где хозяин «Счастливой Тропки» сидел в своем кондиционируемом офисе и весь день говорил по телефону. Леви брызнул на лицо холодной воды, провел влажными руками по волосам и проверил, нет ли в джинсах соломинок. Ему было плевать, хорошо он выглядел в глазах Тамары или нет, но он наслаждался, заставляя ее ждать.

Леви снял шляпу с крючка снаружи уборной и накинул на голову, прежде чем выйти на яркое солнце июня. Как только Тамара увидела его, она обратила на него все

внимание, встала прямо, больше не опираясь на капот своей машины. Она подняла солнцезащитные очки на лоб и улыбнулась.

- Привет Леви, - сказала она.

Леви прошел мимо нее и продолжил идти.

Он пошел прямо к куче соломенных тюков, сваленных за дровами, взял один за шнур и понес в конюшню.

Тамара больше не говорила, но шла за ним. Она делала так все время, пока он работал на дедушку, следовала за ним как утенок, крикая вопросы. «Почему ты работаешь на дедушку? Ты хочешь пойти в колледж? Ты хочешь однажды жениться? Черные сапоги или коричневые красивее? Могу я покататься на твоём коне?» Он игнорировал половину вопросов, на вторую половину лгал. Он работал на её дедушку, потому что его карьера балерины не удалась. Он уже женат - у него семь жен, по одной на каждый день недели. Все её сапоги уродливые, и она может покататься на его коне, как только будет с него ростом, и он с радостью вытянет её с помощью грузовика, если она захочет ускорить процесс роста.

Сегодня она не задавала ни единого вопроса, следуя за ним в конюшню. Он бросил тюк сена в стойло, вытащил карманный нож и разрезал веревку. Когда встал, в руках Тамары были вилы.

- Обещаю, я не превращу тебя в дуршлаг, - сказала она, натянув едва заметную улыбку.

- Тогда что собираешься делать с ними? - он кивнул на вилы.

- Помогать. - Она разворошила сено вилами и бросила большую охапку на голый пол стойла.

- Никогда не думал, что доживу до того дня, когда Тамара Мэддокс будет трудиться без пистолета у виска.

- Поздравляю, - ответила она, снова вороша сено. - Ты прожил дольше, чем рассчитывал.

Он не помогал. Нет, это шоу было слишком интересным, чтобы вмешиваться. Он стоял у стойла и наблюдал за ней.

- Можешь принести ещё один тюк? - спросила она. - Пожалуйста?

- Этого достаточно.

- Слишком тонко. У Кермита была подушка в два раза толще.

- Хозяйка Кермита была богатой девочкой, а не скрягой, как хозяин этого места.

- Бывший хозяин. Он больше здесь не работает.

Ногой Тамара разровняла сено на полу.

- Что же случилось с бедным Кермитом? Мисс Пигги все-таки добралась до него?

- Мама продала его. Она продала всех лошадей после смерти дедушки.

- Почему? Я не единственный человек в Кентукки, который может обслуживать конюшню. Она не смогла найти кого-то другого, чтобы заботиться о нём?

- Она сделала это, чтобы наказать меня.

- За что?

На мгновение Тамара посмотрела ему в глаза, затем вернулась к работе и разглаживала сено.

- А ты как думаешь? - спросила она.

Леви ощутил крохотный укол сочувствия. Он раздавил его каблуком.

Тем не менее, он оставил девушку в стойле, подошел к поленнице и вернулся с ещё одним тюком сена.

- Спасибо, - ответила Тамара. Он смотрел, как она вытащила нож из ботинка. Не маленький карманный ножик. Забуренный четырехдюймовый клинок, опасный

маленький нож. Им она разрезала шнур, засунула в ботинок и продолжила рассыпать подстилку.

- С каких это пор ты начала носить с собой нож? - спросил Леви.

- После смерти дедушки. Может, однажды я заколю им маму до смерти.

Леви усмехнулся. - Тогда приятно знать, что с твоей матерью обращаются так же по-скотски. А я-то думал, что она только со мной так дерьмово обращалась.

- Не только с тобой.

- Это большой нож, детка. Ты можешь пораниться.

- Мир - опасное место, - ответила она.

- Тогда шевелись.

Она улыбнулась. - Ты всегда был хорош в островах, Сэм Спейд⁹, - сказала она.

- Да и ты не дурна, мисс Вилы.

Леви открыл дверь, стояла и забрал вилы из ее рук. Он не подходил к ней так близко с того самого дня, и он ощутил тонкий аромат парфюма на ее коже, какая-то смесь детской присыпки и ванили. Она выглядела старше, чем в их последнюю встречу. Она выглядела хорошо. Симпатичная белая рубашка с синей отделкой, обнаженные руки, узкие джинсы и длинные кирпично-красные волосы, заплетенные в свободную косу, перекинутую через плечо. Вблизи она была еще красивее, будто именно так на нее и надо было смотреть, лицом к лицу, глаза в глаза. У нее был прямой нос и достаточно полные губы, чтобы натолкнуть на плохие мысли.

Когда ей было шестнадцать, она была слишком красива для ее блага.

Теперь она была слишком красива для его блага.

- Тамара, какого черта ты тут делаешь?

- Я искала тебя с тех пор, как мама уволила тебя.

- Как ты нашла меня?

- Это было непросто. Мама убила бы меня, если бы узнала, чем я занимаюсь. Каждую ночь, которую я проводила в доме подружки, я использовала ее телефон и обзванивала пару конюшен. Я знала, что ты работаешь с лошадьми, но звонила по каждому номеру из Желтых страниц и не смогла найти тебя. Мне было запрещено руководить самостоятельно «Красной нитью», но на прошлой неделе были проводы на пенсию дедушкиного секретаря, и я использовала этот повод, чтобы попасть в офис дедушки. Все осталось нетронутым. Я нашла старые платежные квитанции твоей матери и ее файл. В нем было немного, но там был номер телефона. Я набрала его, и кто-то по имени Глория ответил. Я сказала, что ты работал на нас и оставил кое-что, что я бы хотела вернуть. Она и сказала, где ты работаешь.

- Моя тетя Глория. Мамина сестра. Передам ей, чтобы в будущем держала рот на замке, если меня будут искать.

- Леви, мне нужно поговорить с тобой.

- И снова создать мне проблемы? Мне повезло, что твоя мать не вызвала копов за то, что я поцеловал ее драгоценную дочь. Благодаря тебе я получаю половину от того, что получал, работая на твоего дедушку. Хотя есть отличный чердак, на котором сплю. Хочешь взглянуть? - Он указал на чердак конюшни, где проводил большую часть ночей. Он больше не мог позволить себе снимать жилье, и он не собирался в тридцать лет переезжать к тете с дядей, хотя они и предлагали.

- Мне очень жаль.

⁹ Сэм Спейд — вымышленный частный детектив, главный герой «Мальтийского сокола» (1930) и ряда других коротких произведений американского детективного писателя в жанре «нуар» Дэшила Хэммета, впоследствии неоднократно экранизированных и воссозданных в театральных постановках

- Жаль, что поцеловала меня?

- Жаль, что тебя уволили. Я не хотела этого.

- А вот теперь ты извиняешься, как взрослая. Ты изменилась, верно?

- Мне пришлось повзрослеть после смерти бабушки. Но еще до того... мне было стыдно за то, что у тебя были проблемы с мамой. Надеюсь, ты примешь мои извинения.

- Принимаю. А теперь можешь идти. Ты мне чертовски наскучила. Ты мне больше нравилась, когда была избалованной девчонкой.

- Ага, - ответила она. - Мне тоже.

Леви тяжело выдохнул. Визит Тамары Мэддокс - последнее, чего ему не хватало на этой неделе. Он почти нашел место, где мог заснуть, не думая о ней и том поцелуе, который лишил его лучшего места работы. Ненавидеть Вирджинию Мэддокс было легко, что он и делал. Ненавидеть Тамару Мэддокс было сложнее, но он как-то справлялся. Но он никогда не думал, что ее мать продаст лошадей, чтобы наказать ее. Судя по тому, какой тихой и спокойной она была, он задался вопросом, не наказывала ли она ее еще сильнее.

- Мы можем прокатиться? - спросила Тамара. - Я хочу поговорить с тобой кое о чем. Если ты не занят. И я могу заплатить за одну лошадь. Я давно не каталась.

- Мой босс жмот, но мы не будем выставять счет Мэддоксам за получасовую прогулку на лошади.

- Это «да»? - Улыбнулась она.

- Ладно. Да. Мне больше нечего делать. Могу и послушать пару минут твою подростковую херню.

Тамара схватила его за плечи и поцеловала в обе щеки.

- Ах, мой капитан. Я знала, что ты все еще любишь меня.

- Куда же я дел вилы?

Тамара проигнорировала его угрозу и вышла из стойла в поисках лошади. Она выбрала гнедую кобылку с белыми носочками по кличке Скарлетт. Леви не собирался ездить на своем любимом жеребце, Ретте, Тамара бы слишком много увидела в этом, поэтому он оседлал Эшли, единственного мерина в конюшне.

- Не утратила навык езды, - сказал Леви, когда они проехали мимо поленницы и направились по главной дороге. Все имение «Счастливые тропки» составляло три сотни акров лесов, полей и лошадиных троп.

- Думаю, езда верхом похожа на езду на велосипеде.

Он открылся для флирта, сделав комплимент ее осанке. Ничего. Ни слова. Не похоже на ее.

- Думаю, да.

- Тебе тут нравится? - спросила Тамара.

- Все хорошо. Я получаю пять долларов в час, преподавая верховую езду богатым девочкам, как ты, и не таким богатым, но которые хотят казаться богатыми. Десять долларов за частный урок. Когда не работаю, я могу ездить, где захочу. Я не в восторге от жизни на чердаке конюшни, но экономлю много денег, не снимая жилье. Еще один год и смогу купить собственное.

- Ты говорил, что бабушка платил тебе лучше?

- Намного лучше. Больше денег, меньше работы. Но мы знаем, чем все закончилось.

- Знаешь, ты так и не рассказывал, как нашел работу на нашей конюшне, - сказала Тамара.

- Тут не о чем рассказывать. Мама заболела, когда я был в выпускном классе. Затем я пошел в колледж. Я должен был работать, поэтому и нашел работу. Я чистил стойла в Черчилле. После смерти мамы...

- Как она умерла?

- Рак ротовой полости. Он убивал ее медленно, но, в конце концов, забрал ее. Твой дедушка заходил, когда она была еще в сознании. Никто не был удивлен его приходу, кроме меня. Но он пожал мне руку и сказал, что мама говорила, что у меня есть опыт работы с лошадьми, что еще больше удивило меня. Мама несколько лет работала на него. Я ответил, что так оно и есть, и он спросил, не заинтересован ли я в работе в его имении. Я согласился. Конец.

- Дедушка и твоя мама продолжали общаться?

- Думаю, да. Без обид, но твой дедушка не казался тем типом, которого будет заботить судьба уборщицы. До сих пор не понимаю, что заставило его прийти на похороны. Но я не жаловался. Работа была хорошей.

Тамара на это ничего не ответила.

- Так что же богатейшая девушка в штате хочет от беднейшего в штате конюха? - спросил Леви, пока они переходили по деревянному мосту, ведущему в густую часть леса.

- Я не богатейшая девушка в штате. Пока нет. Все в трастовом фонде, пока мне не исполнится двадцать один, или я не выйду замуж.

- Однажды тебе исполнится двадцать один.

- Не так уж и скоро. Мама продает «Красную нить». Она приняла одно предложение на этой неделе.

- Разве «Красная нить» - это не ваш основной доход?

- У нас много денег. И будет еще больше, если продадим винокурню. Но мы не должны ее продавать.

- Тогда скажи это своей матери. Я не могу помочь.

- Мы с ней больше не общаемся.

- Почему?

- Потому что я ненавижу ее, а она меня.

- Почему ты ее ненавидишь мне понятно, было бы странно, если бы кто-то ее любил. Но вот почему она тебя ненавидит?

- Она думает, что я виновна в смерти дедушки. Я позволила ему утонуть и не проверила его.

- Ты позволила ему утонуть?

- Я не позволила ему утонуть.

- Не расстраивайся из-за обвинений в убийстве. Она обвинила меня в изнасиловании.

- Изнасиловании кого?

- Тебя.

- Думаю, я бы запомнила, если бы ты насиловал меня.

- Я бы тоже запомнил.

- Нет, не запомнил. Ты был бы мертв.

- Скажи это своей матери.

- Однажды скажу. Маме за многое придется ответить.

- Ну, да, разве не всем нам придется?

Прежняя Тамара сказала бы «не мне». Прежняя Тамара сказала бы «говори за себя». Но это была не прежняя Тамара. Эта Тамара была старше, и она только кивнула, словно ей тоже придется отвечать.

Леви подъехал к ней вплотную, чтобы посмотреть в глаза.

- Посмотри на меня. Тамара, почему ты здесь? Ты хороша в расспросах, но сама не торопишься давать ответы.

- Я пытаюсь понять, что хочу сказать.

- Расскажи правду. Это не должно быть слишком трудно.

- Правду сложнее всего говорить.

Леви заметил кое-что, что прежде не видел. На шее Тамары на золотой цепочке висел маленький золотой крестик. Он протянул руку и прикоснулся к крестику. Тело Тамары напряглось от прикосновения, но она не отпрянула.

- Раньше ты его никогда не носила, - сказал Леви, мгновенно сожалея о сказанном. - Поэтому ты сейчас так хорошо себя ведешь? Ты обратилась к религии?

- Бог спас меня во время наводнения.

- Но ты носишь с собой нож. Не думаешь ли ты, что Бог снова спасет тебя, если понадобится Ему?

- Я сама могу спасти себя.

Леви отпустил крестик.

- Даже твоя религия сделана из золота в восемнадцать карат.

- Бог спас меня, - ответила она.

- Никто не спасал тебя. В том наводнении погибло два человека. Одна старушка, у которой был сердечный приступ, и твой дедушка, и сердечный приступ, возможно, не был связан с наводнением. Тебе так же повезло, как и остальным людям в городе, кроме тех двоих. Ты можешь быть богатой, можешь быть красивой, но это не делает тебя особенной.

- Ты сказал «не» только потому, что знаешь, что это слово задевает меня.

- Это не правда? - спросил Леви и улыбнулся. Она не улыбнулась в ответ. - Ну же. Или говори, или заткнись. Я не буду тратить на тебя весь день.

- Я и пытаюсь, Леви. Дай мне еще секунду.

- Секунда истекла.

Он легонько толкнул коня в бок, и Эшли подчинился команде, отворачиваясь от нее. Да, он был мудаком. Он знал это. Но ему не нравилось находиться рядом с Тамарой. Слишком много воспоминаний. Слишком много соблазнов. Он никогда и никому не рассказывал правды о том дне, когда Вирджиния Мэддокс уволила его. Она унизила его так, будто он никогда не знал, что такое унижение. Она сказала, что если он на милоу приблизится к ее дочери, то вызовет полицию и скажет им, что видела, как в конюшне он пытался изнасиловать Тамару. Он бы отправился в тюрьму до конца своих дней, потому что «ни один судья не поверит словам сына цветной уборщицы». И тогда он захотел расплаты, захотел трахнуть Тамару, обрюхатить ее, стоять рядом с ней и рассказать ее матери, что они сделали. Затем он бы бросил Тамару и укатил в закат. Но то были сумасшедшие мысли, те, которые он никогда не впускал в себя, кроме глубокой ночи, когда он просыпался в поту и наедине с одними лишь фантазиями о сексе и мести. И вот она, рядом с ним, такая же красивая, как он помнил, такая же соблазнительная, как он помнил, такая же опасная, как он помнил.

- Она твоя, - сказала Тамара.

- Кто «она»? - спросил Леви, не оглядываясь на нее, чтобы не превратиться в соляной столб, в который, как говорил дядя, превращался мужчина, думающий одним членом.

- «Красная нить» твоя. Или должна быть.

- Я был чертовским хорошим конюхом, но сомневаюсь, что твой дед посчитал нужным отписать по завещанию мне всю компанию.

- Нет. Но ему стоило.

- И почему же?

- Потому что ты единственный живой сын Джорджа Мэддокса.

Глава 10

Леви не знал, рассмеяться Тамаре в лицо или же отвесить несколько пощечин, пока девушка не придет в себя. Она смотрела ему прямо в глаза, и он выбрал смех.

- Очень мило. Отличная шутка, Ржавая.

Тамара не смеялась. Тамара даже не улыбнулась.

- Это не шутка. Дедушка - твой отец. Смотри.

Он вытащил листок бумаги из заднего кармана и протянула ему.

Он посмотрел на бумагу в ее руке, прежде чем, наконец, взять ее.

- Это что еще за дерьмо? - спросил он, изучая записку. Чернила были фиолетовыми, и, очевидно, это была ксерокопия письма, написанного от руки.

- Предсмертная записка моего отца. Только он не был моим отцом. Мужчина по имени Дэниел Хедли, судья Дэниел Хедли, мой отец. И, если верить записке, дедушка - твой отец.

Леви едва мог сфокусироваться на словах. Его сердце колотилось как копыта по сухому дерну, поднимая уродливое облако пыли.

Мне нелегко умирать, зная о Леви Шелби. Я знаю, что у тебя были интрижки на стороне, но мне и в голову не приходило, что ты опустишься так низко, чтобы соблазнить уборщицу, которая не могла отказать тебе, как и все остальные...

Но учитывая, что он единственный живой твой сын...

...единственный сын...

- Это чушь собачья. - Леви скомкал бумагу и бросил ее в Тамару. Она поймала ту у груди.

- Знаю, это больно. Мне больно знать, что папочка не был моим отцом... Но это не чушь. Это правда.

- Это неправда. Моя мама бы не...

- Твоей маме было двадцать пять, когда она начала работать на дедушку, а ему было тридцать. Тогда он был красивым, и если ты похож на свою мать, она тоже была красавицей.

- Она бы не стала спать с... - Леви перевел взгляд на деревья, подавляя крик, зарождающийся в горле.

- Она бы не стала спать с белым мужчиной? С богатым белым мужчиной, на которого работала? Почему нет? Мы с тобой, мы почти...

- Это совсем другое, - ответил Леви, но он не мог придумать другой причины, кроме той, что она, как и сказала Тамара, была красивой, а Джордж Мэддокс был самодовольным богатым старым ублюдком. Леви вырос с пониманием того, что он был внебрачным ребенком. За это его дразнили в школе. Но даже несмотря на ненависть к Джею Шелби, к человеку, за которого мать вышла замуж, когда Леви было шесть, по крайней мере, они, наконец, могли вписать имя отца в школьные документы. - Она бы сказала мне.

- Ты рассказывал матери обо всех девушках, с которыми спал?

- Она бы сказала мне.

- Она сказала? Кто, по ее словам, был твоим отцом?

Леви не ответил, потому что у него не было ответа. Его мама никогда не называла имени. Леви спрашивал, но никогда не спрашивал именно у нее. Вместо

этого, он спросил свою тётю Глорию, которая ответила, что не знает, и что Леви не стоит об этом волноваться. У него была мать и тётя с дядей, которые любили его, и их семья по численности была больше, чем у многих людей. Но он не пропустил страх во взгляде тёти Глории, когда он задал вопрос.

Но нет...

- Не может быть, - ответил Леви. - Мама сказала бы мне, если бы моим отцом был богатейший ублюдок Кентукки. Твой дедушка солгал твоему отцу, и тот поверил ему.

- Ты сам сказал, что дедушка пришел на похороны твоей матери, несмотря на то, что она уже несколько лет не работала на него. Он дал тебе работу и платил больше, чем ты мог заработать где-либо еще. Он присматривал за тобой. Зачем же ему делать это?

- Не знаю, но знаю одно - этот разговор закончен. А теперь убирайся отсюда и больше никогда не появляйся здесь. Вы все, Мэддоксы, выжившие из ума и можете катиться ко всем чертям.

- Ты - Мэддокс, - крикнула ему вслед Тамара.

Игнорируя ее, Леви прищипил лошадь и направился к конюшне. Тамара, как опытная всадница, коей она и была, последовала за ним, не отставая, даже когда он резко поворачивал на потайные тропы, чтобы оторваться.

Вернувшись в конюшню, он завел Эшли в стойло и даже не удосужился расседлать его. Прежде чем Тамара успела сказать ему что-либо, он уже запрыгнул в свой пикап и уехал.

Последнее, что он увидел, когда уезжал с парковки, поднимая столбом гравий, это Тамару верхом на лошади, с гордым видом, элегантную и роскошную. Она выглядела как Мэддокс. Она не была похожа на него.

Леви чуть не стошнило по дороге к дому тети и дяди в пригороде Лоуренсбурга. Он участвовал в пьяных попойках и достаточно настрадался от похмелья, но его желудок никогда так не скручивало, словно гидроколесо в стремительной реке. Его взгляд метался, а дыхание было быстрым. Тело ныло, будто у него лихорадка, он бы отправился к реке Кентукки, чтобы охладиться, если бы та была поблизости.

Когда он подъехал к маленькому белому фермерскому дому на границе владений тети Глории и дяди Андре, Леви без стука вошел через заднюю дверь. Он не видел грузовика дяди или «Шевроле» Глории. Он поднялся наверх, разделся в ванной, встал под ледяную воду и прижался головой к гладкой розовой плитке на стене.

Он хотел придумать тысячу причин, почему Тамара ошибалась, почему она солгала ему, или почему ее отец солгал ей. Но в его голове была лишь одна мысль - это все объясняло.

Это объясняло, почему Вирджиния Мэддокс так его ненавидела.

Объясняло, почему его мать никогда не говорила, кто его отец.

Объясняло, почему Джордж Мэддокс пришел на похороны и предложил ему работу.

Это объясняло его голубые глаза.

И это объясняло, почему он на мгновение позволил себе думать, что ему разрешено ошиваться рядом с такой белой богатенькой девочкой, как Тамара Мэддокс. Потому что в глубине своей души он знал, они были равней.

Когда Леви, наконец, выключил воду, он услышал шаги и голос дяди Андре, зовущего его по имени.

Он быстро вытерся и оделся. Сделав несколько глотков холодной воды, парень бросил полотенце в корзину, потому что тётя Глория спустила бы с него шкуру, если

бы он оставил его на полу. Она работала в банке, а не горничной, как любила ему напоминать.

Леви спустился по узкой лестнице и застал дядю, стоящего у парадной двери за проверкой почты.

- Ты пришел на ужин? - спросил он без приветствия. Они были семьей. Семье не нужны никакие «привет» и «как дела».

- Мне нужно поговорить с тобой.

Андре посмотрел на Леви, посмотрел прямо в глаза.

- Сынок, ты выглядишь так, будто увидел призрака. Ты блее обычного, а это о чем-то да говорит.

- Я не шучу.

- Я вижу. Что случилось?

- Джордж Мэддокс мой отец?

Леви был впечатлен. Андре и глазом не повел. Но опять же, Андре провел четыре года, сражаясь во Второй мировой войне, и видел ужасы, о которых никогда не рассказывал, неважно, сколько алкоголя было влито ему в горло. Его вообще было сложно запугать.

- Пойдем на кухню, - ответил Андре, что было, скорее всего, «да», в котором нуждался Леви. - Мне бы не помешало пиво. Как и тебе.

Андре налил два бокала пива, но Леви не прикоснулся к своему. Они оба сели за дубовый стол друг напротив друга и играли в гляделки. Андре моргнул первым.

- Твоя мать никогда не говорила нам, кто был твоим отцом. Она лишь сказала, что тот был женатым мужчиной, и у него уже были дети. Это все, что мы знали. И что он работал там же, где и она.

- На «Красной Нити».

Андре вздохнул. - Твоя мама в юности была красивой женщиной. Сыновья не любят слышать такое о своих матерях, но это было правдой, и у нас есть фотографии в доказательство этого.

- Я видел фотографии, когда она была помоложе. Я и не говорил, что она не красивая. - Его мать любила кожаные сапоги, мини-юбки, шелковые рубашки диких расцветок. Она была красавицей, и в молодости он гордился тем, что его мама была самой красивой мамой в округе.

- Да, она была красивой. А еще она была достаточно дикой. Я и сам был почти влюблен в нее, но не жалею о том, что выбрал Глорию, а не Онор.

Старая семейная шутка. Две сестры - Глория и Онор. Слава и честь.

- Мама бы не стала... не с Джорджем Мэддоксом. Ни за что, - сказал Леви.

- Она работала в ночную смену. Полагаю, владелец и президент компании часто оставался допоздна на работе. Она несколько раз говорила о нем. Помню, как она говорила, что они с женой не очень хорошо ладили. Слышал, что та вскоре умерла. Хотя она уже несколько лет была мертвой.

- Ты уходишь от темы.

- Я ухожу от темы.

- Расскажи все, что знаешь.

- Я знаю лишь то, что она рассказала Глории, это то, о чем я рассказываю тебе. Она сказала, что не думает, что он уйдет от жены ради нее, но он дарит подарки, деньги....

- Меня?

Медленно, очень медленно, так медленно как никто за всю истории не кивал, Андре кивнул.

- Черт возьми. - Леви выдохнул.

- Такое бывает. - Андре поднял бокал с пивом и выпил половину. Он больше не был алкоголиком, что означало, что он так же наслаждался этой беседой, как и Леви.

- Так что же произошло между ними? - спросил Леви, опираясь на спинку стула, закрыв лицо руками.

- Как обычно. Он утратил интерес, начал встречаться с кем-то другим. Она уволилась, когда узнала, что беременна. И шесть месяцев спустя родился мальчик, белоснежно-белый с голубыми глазами.

Леви больше не был белым, как снег, но и на чернокожего не походил. Даже не мулат. Не снаружи. Но для 99 процентов населения внутренний мир не был важен.

- Почему я только сейчас узнаю об этом? Почему она не рассказала мне перед смертью?

- Если в деле Джордж Мэддокс, тогда у тебя есть ответ. Деньги сами по себе плохие, а деньги и власть - опасная комбинация. Когда ты оказался таким белым, она боялась, что твой отец попытается забрать тебя у нее. Она боялась, что его семья может убить тебя, чтобы прикрыть то, что он сделал за спиной жены. Она еще долго всего боялась.

- И, тем не менее, это не объясняет ее молчание.

- Твоя мать слишком хорошо тебя знала. Она думала, что ты можешь сделать что-то глупое. Напьешься и подерешься. Заявишь о своем существовании людям, у которых были веские причины не хотеть твоего присутствия в этом мире.

Леви думал о Вирджинии Мэддокс и ее ненависти к нему, которая, казалось, исходила из ниоткуда. Он всегда считал, что ее отвращение просто было нетерпимостью и снобизмом. Она знала, что его мать была чернокожей, и ненавидела его за это. Но теперь он понимал. Не из-за этого Вирджиния Мэддокс ненавидела его. А из-за его отца.

- Так как ты узнал об этом, спустя столько времени? - спросил Андре.

- Сегодня ко мне пришла Тамара Мэддокс.

- Его внучка?

- Да. Вроде как. Каким-то образом она нашла предсмертную записку своего отца. В ней он называл меня сыном Джорджа Мэддокса. Думаю, так и есть.

Андре постучал по столу и вытер пену с внутренней стороны бокала.

- Думаю, да.

Леви встал, подошел к раковине и попытался сдержать рвотные позывы. Глория и этого бы не одобрила.

- Не могу поверить, что мама и Джордж Мэддокс...

- Почему нет? - спросил Андре. - Разве тебя не уволили за обжимания с девочкой Мэддокс?

- С Тамарой.

- Целующиеся кузены, - сказал Андре и усмехнулся.

- Не совсем. Оказалось, Тамара не дочь своего отца. Тамара не настоящая Мэддокс, и, надеюсь, что и я тоже. - Губы Леви изогнулись от отвращения. Он больше не мог смотреть на Андре. - Сукин сын. Она работала на него за пятьдесят центов в час. Что ей еще оставалось делать? Сказать большому боссу «нет»?

- Твоя мама говорила Глории, что была влюблена. Он не заставлял ее, насколько я знаю. Она была молодой и красивой и делала то, что иногда делают все красавицы. Но она любила тебя. Она вышла за этот кусок дерьма Джея Шелби, чтобы у тебя был отец и фамилия.

- Она развелась с ним так же быстро, как и вышла за него замуж. - Брак ее матери продлился всего лишь два года, но Джей Шелби сделал его своего рода законнорожденным и дал ему фамилию, отличную от девичьей фамилии его матери.

- Возможно, это и был ее план.

Леви развернулся и скрестил руки на груди.

- Я не знаю, что с этим делать, - сказал Леви. - Кроме как смириться.

- А что тут еще сделаешь? Для чего Тамара Мэддокс ворошит весь этот улей?

- Тамара сказала, что компания должна быть моей. Поэтому и пришла ко мне, рассказать все, что знала.

- Она хочет, чтобы ты владел «Красной Нитью»?

- Ее мать пытается продать ее, думает, что ей не стоит этого делать, потому что им она не принадлежит.

- Она принадлежит тому, кому Джордж Мэддокс завещал ее.

- И это Тамара. Я не могу ввалиться в адвокатскую контору, рассказать, кто я, и улыбаться, пока они передают мне ключи от дворца. Я не понимаю, зачем Тамара все это рассказала. И не представляю, какая ей с этого выгода.

- Может, она одна из хороших. Слышал, такие существуют.

Леви фыркнул от смеха. Его дядя недолго любил белых людей. Были «мы», и были «они», и чем больше «мы» держались подальше от «них», тем лучше для «нас». Но иногда он признавал, что среди «них» была парочку хороших людей. Ему нравился Джонни Карсон. Ему нравился Фрэнк Синатра. Он считал, что «Все в семье¹⁰» был забавным, но по большей части потому, что он показывал миру, насколько белые люди могут быть невежественными. Он смеялся так сильно, когда Сэмми Дэвис-младший целовал Арчи, что они подумали, что у Андре сердечный приступ. По словам Андре, хороших можно сосчитать по пальцам одной руки.

- Одна из хороших? Не знаю, - ответил Леви. - Она не из плохих. Она только... избалованная. Избалованная до крайности. Хотя сегодня такой не казалась. Она казалась... Не знаю, но думаю, ее мать не слишком тепло к ней относится. И в это легко поверить. Ее мать из плохих, на все сто процентов. - Леви провел рукой по все еще влажным волосам.

- Это она тебя уволила, верно?

Он кивнул. - Называла меня всеми возможными эпитетами, угрожала арестом, угрожала разрезать на мелкие кусочки и разбросать по всем канавам Огайо. И два дня спустя Джордж Мэддокс умирает. Можно подумать, что у нее есть дела поважнее.

- Может, она знает то, чего ты не знаешь. Может, она знает, что Джордж Мэддокс хотел что-то оставить тебе.

- И как ты думаешь, что я должен делать со всем этим?

Андре пожал плечами и постучал теперь пустым бокалом по столу.

- Может, тебе стоит выслушать девчонку.

- Тамара ничем не сможет помочь. Она даже не может управлять компанией, пока ей не исполнится двадцать один. До этого момента все в руках ее матери.

- А ты сказал, что она не любит свою мать?

- Похоже, Тамара ненавидит свою мать так же сильно, как и я.

- Тогда иди и поговори с ней. Будь смышленным. Выслушай все, что она скажет.

Она может знать что-то стоящее.

- Мне не нужны их деньги.

- Какого черта ты говоришь? Ты хочешь продолжать жить в конюшне и до конца своей жизни приезжать сюда на обеды?

¹⁰ «Все в семье» — американский комедийный телесериал, который транслировался на CBS с 12 января 1971 года по 8 апреля 1979 года

Это последнее, чего хотел Леви. Больше всего Леви хотел свою ферму, своих лошадей, собственные конюшни. - Думаешь, мне стоит гоняться за его деньгами? Серьезно?

- Все, что хочу сказать, если ты желаешь получить крохи от отца, то пусть они будут золотыми, верно?

Леви усмехнулся. - Верно.

Андре встал и отнес свой бокал в раковину.

- После Гражданской войны они многого пообещали. И многих обещаний не сдержали. Много обещаний должны были сдержать.

- Сорок акров и мула, - ответил Леви. Он уже слышал это. Он бы предпочел владеть лошастью, а не мулом.

- Я получил свои сорок акров, - ответил Андре, смотря в окно на свою ферму. - А ты получишь свои.

Глава 11

В сумерках Леви вернулся в «Счастливые тропы» и припарковался у конюшни. Он чувствовал себя дерьмово из-за того, что оставил лошадей без присмотра. Два часа с седлом им никак не навредят, но и счастливы тоже не будут.

Внутри амбара Леви обнаружил то, чего совсем не ожидал. И Эшли, и Скарлетт были в своих стойлах, их седла были сняты и отполированы до зеркального блеска, а их шерсть расчесана и гривы подстрижены. Подстилка выглядела свежей и чистой. Скарлетт, Эшли, Ретт, Платон, Аристотель, Квини и Цеппелин - у всех семи лошадей были чистые стойла и овес в кормушках. Куда бы Леви не посмотрел, он видел только довольных лошадей. Пол, владелец, никогда не кормил лошадей по вечерам. Должно быть, это Тамара. Черт возьми. Она действительно скучала по лошадям?

На лестнице, ведущей на чердак, Леви нашел клочок бумаги, прикрепленный булавкой к дереву.

Он сорвал его и прочел.

Леви,

Прости, что расстроила. Когда будешь готов поговорить, приезжай к амбару «Красной Нити». У меня есть ключ. Я буду ждать тебя там каждую ночь с десяти до десяти тридцати. Там безопаснее, поверь. Мама никогда не ходит у амбара. Она не может вынести запах ангелов.

Тамара.

Запах ангелов? Он прав. Тамара сошла с ума. Должна была, разве нет? Если она на самом деле думала, что Леви мог претендовать на деньги Мэддоксов, то другого способа доказать это не было, кроме как использовать то письмо, которое она ему показала.

Поверь мне, написала Тамара. На земле не было ни одного Мэддокса, которому Леви бы поверил. И это же касалось Тамары.

Той ночью Леви не пошел к ней. Он отказывался так легко сдаваться. Он сдастся, да, но когда это произойдет - это будет жестко.

Три дня спустя он вернулся обратно во Франкфорт. Хотя это и был ближайший город к «Счастливым тропам», Леви обычно делал пятнадцатиминутный крюк и возвращался в Луисвилл, когда ему что-то было нужно. Последнее, чего он хотел - это наткнуться в городе на Тамару или ее мать. И вот он ехал с единственной целью - поговорить с Тамарой. Если у него и были идеи похуже за тридцать лет его жизни, то он не мог их вспомнить.

«Красная нить» состояла из нескольких зданий. Они занимали значительный участок земли от шоссе до реки. Одна раздвоенная дорога вела как к винокурне, так и к Ардену, который был спрятан за зарослями леса. Дорога слева вела в частную собственность Мэддоксов. Правая - к «Красной Нити». Леви повернул направо, чего никогда не делал раньше. Когда он работал на Джорджа Мэддокса, у него не было ничего общего с винокурней, но амбар оказалось не сложно найти. Это было самое большое здание «Красной Нити», древняя и громоздкая семиэтажная деревянная коробка с узкими оконными проемами и деревянной арочной дверью, выкрашенной в зеленый цвет.

Опасаясь охранников и сторожевых собак, Леви открыл зеленую дверь. На его часах было 10:10, и, если Тамара сдержала свое обещание, она должна быть здесь. Он осмотрелся и заметил ряд цистерн, стоящих под наклоном на деревянных рейках. Бесконечные ряды бочек уходили далеко в прохладные, подобные пещерам, ниши. И запах... пряный, словно свежеспеченный хлеб, но холодный.

- Привет, Леви, - сказала девушка, и Леви последовал за ее голосом. Она сидела на деревянной лестнице под фонарем и читала большую книгу в кожаном переплете. - Рада, что ты пришел.

На ней были серые штаны, красно-белая бейсбольная футболка и шлепанцы. Пижама. Забавно, он считал, что такие девушки спят в шелковых ночных рубашках. Или он принимал желаемое за действительное.

- Я здесь. Не трать время зря, - ответил он. - В это время я уже сплю.

Она поджала губы. Ей ни разу не удалось умаслить его своим невинным и благочестивым поведением.

- Прости, что расстроила.

- Это же было в твоей записке. Я не могу представить, что ты настолько глупа, чтобы думать, что ты не расстроишь меня тем, о чем рассказала.

- Я знала, что это расстроит тебя. Но мне все еще жаль.

- Ладно. Прощена. Что теперь?

- Не знаю, - ответила она. - Но у меня есть идеи.

- Когда у тебя есть идеи, я начинаю нервничать.

- Представь, что чувствую я.

- Каково тебе? - спросил он. Он заметил название книги, которую она читала. Библия. Не то, чего он ожидал.

- Насчет чего?

- Насчет того, что ты узнала из записки отца.

Она пожала плечами и обняла руками колени, притягивая их к груди так, чтобы опереться подбородком.

- Мне было грустно, - ответила она. - Я любила папочку. Люблю папочку. Судья Хедли хороший человек, и для меня он всегда был дядей. Но читать правду сложно.

- Уверен, что так и было.

- Он женат, уже двадцать лет. Он никогда не казался тем типом, который изменяет, но я перестала считать, что знаю что-либо наверняка. Иногда я даже себя не знаю.

- И я тебя не знаю. Сейчас ты другая.

- Я больше не ребенок.

- Ты делала то, что не должна была. Я бы так сказал.

Тамара улыбнулась. - Я скучаю по лошадям. Скучаю по моему Кермиту.

- Уверен, он тоже где-то скучает по тебе.

- Если он жив.

- Уверен, он жив. Он крепкий старичок. Твоя мать сказала, кто купил их?

- Нет. За полтора года мы с мамой и десятью словами не обмолвились. Кора передает между нами записки. Мама не сказала бы мне, кто купил Кермита, даже под дулом пистолета. И поверь мне, я думала об этом.

Леви поднялся по ступенькам и сел рядом с Тамарой. Он говорил себе, что будет держаться от нее подальше. Его решимости надолго не хватило.

- Она не должна была наказывать Кермита, забирая его у тебя за то, что сделал я. Это само по себе достаточно скверное наказание.

- Скажи это маме.

- Ну, уж нет. Она снова начнет проклинать меня и угрожать убийством. Когда это делаешь ты, это кажется милым. Но не так, как в ее исполнении.

- Маме не стоило с тобой так обращаться. Ты заслуживаешь лучшего.

- Мы не всегда получаем то, чего заслуживаем. Мир так не работает.

- Однажды заработает, - ответила она.

- Ага, продолжай говорить себе это. - Леви откинулся назад и оперся локтями на ступеньку. - Что это, черт возьми, за запах?

- Это доля ангелов, - ответила Тамара. Она повернулась лицом к нему. - Это бурбон, который испаряется во время созревания. Странно пахнет, да?

- Не могу понять, нравится мне или нет.

- Я тоже. Он мерзкий, но я продолжаю его нюхать.

- Ты наследница крупнейшей винокурни в Кентукки. Ты не можешь называть его мерзким.

Он хотел ее рассмешить, но она не рассмеялась.

- Я не фанат нашего бурбона, - призналась девушка. - Никому не говори.

- Ни душе, - ответил Леви. - Сам я считал его довольно неплохим. Напоминает вкус яблок. Яблок и лакрицы.

- Вот тебе и доказательство того, что ты Мэддокс, - сказала Тамара. - Все ощущают вкус яблок в «Красной Нити». Говорят, только Мэддоксы ощущают анис. Язык Мэддоксов предназначен для дегустации горечи.

- Повезло мне. И что же я выиграл?

- Ты не кажешься счастливым. Многие люди были бы счастливы проснуться с фамилией Мэддокс.

- Нет, - ответил он. - Я не счастлив. Ты действительно думала, что я буду счастлив?

- Думаю, это шок.

- И да, и нет.

Тамара сморщила нос, и он вспомнил, что она так делала, когда он говорил что-то, что сбивало ее с толку. Она собиралась вывалить серию личных раздражающих вопросов. Он решил приглушить её энтузиазм.

- Ты слышала о Платоне? - спросил Леви.

- Ты о мультике?

Он уставился на нее.

- Знаю, - ответила она. - Он философ. Я молодая, но не тупая.

- У Платона была теория анамнеза. Он считал, что все знания врожденные. Словно... рыба. Рыба в пруду. Рыба - это знания. А ты владеец пруда. И ты на пирсе

пытаешься поймать рыбу. Рыба у тебя уже есть, раз ты владелец пруда. Но пока не поймашь ее, в действительность у тебя нет рыбы. Вот почему, когда ты что-то учишь, математическую формулу или что-то еще, она щелкает, и ты понимаешь, что не выучил ее, а открыл то, что уже знал.

- Я испытывала такое раньше, - сказала Тамара. - Слово ты находишь кусочек паззла, над которым работал несколько дней и собираешь остальной паззл за несколько минут. Все сходится и думаешь, как же не замечал этого раньше, когда этот кусочек лежал прямо перед глазами.

- Именно. Так же было, когда ты сказала, кто был моим отцом. Будто я знал, но не осознавал этого, и наконец, держу эту рыбу в своих руках, извивающуюся и хватающую воздух ртом. Я хотел ее выбросить. Но здесь метафора заканчивается. Как только она у тебя в руках, ты не можешь ее выбросить. И как только рассмотришь узор паззла, развидеть ты его тоже не можешь.

- Леви Шелби - ты нечто, - сказала Тамара. - Ты конюх, который знает о Платоне и тому подобном больше, чем любой из моих учителей.

- Я читаю.

- Зачем?

Леви устался на нее, выпучив глаза, как волк из мультфильма Текса Эйвери, и покачал головой.

- Ты знаешь, что я имею в виду, - сказала Тамара, смеясь. Она подняла два пальца, словно пыталась затолкнуть его глаза обратно в голову. - Зачем ты читаешь Платона и прочие подобные вещи?

- Кое-кто из нас не может себе позволить колледж.

- Многие люди не ходят в колледж и не читают Платона ради веселья.

- Не для веселья. Не совсем. Был мужчина, у которого мама убирала дом. Каждый четверг. Дом по четвергам был моим самым любимым. Он принадлежал профессору из колледжа, Доктору Амосу Голдингу. Преподавателю философии в Университете Нортерн Кентукки. Она брала меня с собой и давала игрушки, пока работала. Однажды Доктор Голдинг пробыл один семестр дома, в академическом отпуске. Он начал общаться со мной, и мы стали друзьями. Ему было за сорок, а мне пять, но, тем не менее, я был без ума от него. У меня были фантазии о том, что он был моим настоящим отцом. Думаю, поэтому я так много читал. Именно он сказал, что мне не нужен колледж, если я буду читать каждый день. Что-то трудное. Что-то, что заставит меня задуматься.

- Он и твоя мама... были близки?

- Он был очень добр с ней, почтителен. Немного флиртовал. И он не был женат. Она работала на него несколько лет, поэтому частичка меня верила, что это он мой отец, но он не мог ничего сделать, поскольку был евреем. Мы говорим себе ложь, чтобы выжить, зная, что правда убьет нас.

- Она не убила тебя.

- Пока нет, - ответил он.

Тогда Леви и заметил, что Тамара положила руку ему на колено. Казалось, она заметила это в тот же момент, что и он. Она сжала его, словно они были старыми друзьями. Он посмотрел вниз на ее ладонь, и она быстро убрала ее.

- Все хорошо. У меня было не больше времени привыкнуть к этой мысли, чем у тебя, - ответила Тамара. - Теперь мы должны решить, что делать дальше.

- Не думаю, что мы можем что-то сделать, верно? Поднять шумиху? И что хорошего это принесет? Думаешь, суд присяжных отдаст мне «Красную Нить», основываясь на найденном тобою письме. У половины судей в этом штате, вероятно,

есть дети от своих секретарей или экономок. Они не собираются создавать подобный прецедент.

- Нам не нужен суд присяжных. Судья на нашей стороне.

- Ах, да, папочка-судья. Он знает о том, что ты его дочь?

- Если и знает, то никогда не говорил мне. Но это не важно. Он поможет нам.

- Нам? Когда это «мне» превратилось в «нас»?

- А мы разве не вместе в этом?

- Я не знаю, что значит в «этом». И не знаю, почему я здесь с тобой.

- Ты единственный живой ребенок Джорджа Мэддокса. Ты заслуживаешь его денег, его дом, его компанию. Всего.

- Почему? Он трахает мою маму, и я становлюсь миллионером? Не уверен, что это так работает.

- Ну же, Леви. Ты знаешь, что мы должны что-то сделать, чтобы все исправить. Ты потерял свою работу из-за меня. Я хочу загладить вину.

- Тамара, как бы мне не хотелось винить тебя за то, что я оказался в заднице, и как бы я ни обвинял тебя в этом, факт остается фактом, я на двенадцать лет старше тебя. В любом случае я знал, что тебя лучше не целовать, но все равно сделал это.

- Потому что ты хотел меня поцеловать.

- Потому что я хотел тебя заткнуть.

- Поцелуем.

- Любыми средствами.

- Ты ведь не можешь отрицать, что тебе понравилось. И я тебе нравилась. Я до сих пор тебе нравлюсь, иначе тебя бы здесь не было.

Он долго смотрел на нее. Подавляющий взгляд. Но она оставалась стойкой.

- Ржавая, я уйду. Были приятно с тобой поговорить. Некоторым завтра нужно на работу.

Он слез со ступенек и прошел мимо нее. Тамара схватила его за руку, и он обернулся.

- Не надо, - сказал он. Но руку не убрал.

- Я могу помочь. Позволь помочь.

- Как ты можешь помочь?

- Расскажи мне свои желания, - сказала она, глядя ему в глаза. У нее тоже были голубые глаза, но ее ему нравились больше, чем свои.

- Мои желания?

- Твои желания. Твою мечту. Если бы я была джинном и могла исполнить одно желание, что бы ты загадал?

- Собственную конюшню. Ничего дорогого. Пятьдесят акров. Может сто, если позволить себе помечтать. Несколько лошадей. Хороший дом. - Эти слова вылетели так быстро, что он не успел себя остановить.

- Жену? Детей?

- Для этого мне не нужен джинн.

- Что, если я скажу, что могу дать все это? Лошадей. Землю. Дом.

- Ты не похожа на джиннов, которых я когда-либо видел. В чем подвох?

- Никакого подвоха.

- Всегда есть подвох. Как ты, не получив ничего до двадцати одного года, собираешься дать мне дом и сто акров земли?

- Легко, - ответила она. - Я выйду за тебя замуж.

Глава 12

Тамара гордилась Леви. Он не рассмеялся ей в лицо. А она этого ждала.

Сейчас, он смеялся возле ее лица, но все же не в него.

- Смейся сколько влезет, - ответила Тамара. - Я выйду за тебя замуж.

- Я польщен, Ржавая. Правда. Сегодня я ждал, что услышу много глупостей от тебя, но предложение руки и сердца? Это что-то из ряда вон выходящее. Ты до сих пор смотришь «Молодых и дерзких»?

Он сел на ступеньки и откинулся на локти, скрестив ноги в лодыжках. Она наблюдала за каждым его движением, радуясь своему открытию, что она хотела его так же сильно, как и всегда. Отличная попытка, дедуля. Он только синяк оставил на ней. Но не сломал ее.

Леви взмахнул рукой.

- Продолжай, - сказал он. - Я весь внимание. Отличное шоу «Тамара делает из себя дурочку». Очень увлекательное. Ты должна выступать с Карсоном¹¹.

- Мне семнадцать, - бесстрашно ответила она. Шоу продолжалось. - Это проблема, но не большая. Девушка может выйти в семнадцать с разрешения родителей.

- Мать разрешит тебе выйти замуж за меня только под дулом пистолета, и то не факт.

- Не моя мать. Отец. Судья Хидли поженил нас.

- И зачем ему это делать?

- Я скажу, что беременна, и ребенок твой. Он уже делал это раньше. Когда дочь его лучшего друга забеременела в шестнадцать, он женил их с парнем.

- Вероятно, ее парню не было тридцать. Как мне.

- Он сделает это. Я знаю. Он верит в браки. И, что еще лучше, он влиятельный судья. Никто даже не будет сомневаться в правильности его действий.

- Ты умнее, чем выглядишь. Может, это самый хитрый план убийства в истории. Ты пытаешься меня убить, верно? Это должно сработать.

Тамара закатила глаза.

- Я пытаюсь сделать тебя богатым. Я думала, ты отнесешься к моим словам более серьезно.

- Зачем? Почему это тебя так волнует? - Леви сел прямо. - Зачем кому-то в здравом уме пытаться дать денег тому, кто не должен их получить?

- Потому что так правильно. Ты единственный ребенок дедушки. Они твои по праву рождения. Я не его внучка. Я не его кровь. Я не должна ничего унаследовать. Мы поженимся, и выиграем оба. Мы унаследуем все, ты и я. Затем разведемся через несколько лет и поделим все пополам. Половина наследства лучше, чем ничего, верно?

- Мертвым я не смогу потратить эти деньги. А твоя мать убьет меня.

- Нет. Как только мы получим деньги, все будут делать то, что мы скажем. Она попытается что-то сделать, и мы засадим её за решётку.

- Ты ребенок, Тамара Мэддокс. Я не женюсь на девочке, которая до сих пор ест кукурузные хлопья два раза в день. И не притворяйся, что это не так.

- Но, Леви...

- Что?

¹¹ прим.: Джонни Карсон — американский журналист, телеведущий и режиссёр; наибольшую известность приобрёл в качестве многолетнего ведущего телепрограммы «Tonight Show» на канале NBC; пять раз вёл церемонию вручения «Оскара»

- Они же классные.

Леви наклонился вперед, опустил свою голову между колен и наполовину рассмеялся, наполовину зарычал.

- Леви? Ты странно себя ведешь. - Слишком.

Он хлопнул по коленям и встал.

- Ну, ради этого стоило прийти, - ответил он. - А теперь, если простишь меня, мне пора. Реальный мир ждет моего возвращения.

Тамара потянулась за ним и взяла его за руку. Он посмотрел на место их прикосновения. Почему он продолжает это делать? Ему нравилось? Или он ненавидел это? Не важно. Она не отпустит его.

- Леви, пожалуйста.

- Пожалуйста, что? - спросил он.

- Ты поцеловал меня в мой день рождения, потому что хотел.

- Я не целую людей, которых не хочу целовать.

- Ты собирался...

- Трахнуть тебя? Возможно.

Тамара покраснела.

- Обязательно так говорить?

- Ты собиралась сказать судье о том, что я тебя обрюхатил, но при этом не можешь говорить о трахе? Да, тогда я хотел тебя трахнуть. Но это ничего не значит.

Тамара вздернула подбородок и посмотрела ему в глаза.

- Для меня это кое-что значит.

- И что же, Ржавая? Расскажи.

- Мама продала всех лошадей, чтобы наказать меня за поцелуй с тобой. И знаешь, что? Я до сих пор не жалею.

- Ржавая, черт возьми.

- Прости, - ответила она.

Вздыхнув, он прислонился к стене и покачал головой.

- Бедная несчастная богатенькая девочка. Я бы все отдал, чтобы у меня были твои проблемы...

- Женись на мне, и все мои проблемы будут твоими.

- Это похоже на брачную клятву.

- Может быть. Мы можем написать собственные клятвы, - сказала она. - Я поклянусь убирать стойла без твоих тысячных напоминаний, а ты поклянешься позволять мне ездить верхом, когда я захочу, даже в дождь.

- В дождь не безопасно ездить. Хороший муж не позволил бы.

- Тогда ты можешь пообещать беречь меня от самоубийства.

- Что насчет ребенка, который, как предполагается, должен будет у нас появиться? - спросил он. - Не будет ли проблем, когда после свадьбы ребенок не родится?

- Скажу, что через несколько месяцев после свадьбы у меня случился выкидыш. Люди теряют детей. Постоянно.

- Да, конечно же. На прошлой неделе я потерял двух. Из-за дыры в кармане джинсов. Младенцы вывалились где-то по дороге. Надо бы зашить эту дырку.

- Ты все превращаешь в шутку.

- Только если это смешно.

- Не понимаю, почему ты все усложняешь. Будет только брачная церемония, а затем мы можем пойти каждый своим путем. Никому не нужно знать, что мы не живем вместе.

- Ты правда думаешь, что мы поженимся, и я буду доволен тем, что не трахну тебя? Если я женюсь на тебе, я намерен тебя трахать.

- Тогда женись.

- Ты серьезно настроена, правда? - спросил Леви. - Ты действительно хочешь, чтобы мы поженились.

- Да.

- Как мило.

Тамара усмехнулась.

- Я не о... Да, хочу. Я хочу, чтобы мы поженились. Я хочу сказать «да».

- И все потому, что ты такая благородная и честная и думаешь, что такой бедный несчастный ублюдок как я, заслуживает получить наследство, даже если ты потеряешь половину того, что однажды унаследуешь.

- Именно. - Тамара улыбнулась. - А еще, если я выйду замуж, то мама потеряет контроль над деньгами и компанией.

- Хорошее преимущество, - добавил Леви.

- Я знаю, ты ее ненавидишь.

- Да, ненавижу. Но не ненавижу себя, мисс Ржавая. Ни капельки, хотя если я женюсь на тебе, думаю так и будет.

- Почему? Потому что я белая?

- Динь-динь-динь, - ответил Леви.

- Я права?

- Права и бела. Два в одном.

- Не хочется тебе говорить, но ты белый, как и я, Голубоглазка.

- Ага, и у меня голубые глаза, потому что один из твоих голубоглазых праотцов изнасиловал одну мою кареглазую праматерь. Моя мать была чернокожей. Вся семья, которая у меня осталась - чернокожая. Я не собираюсь бросать их ради тебя.

- Тебе не нужно будет бросать.

- Ты думаешь, что моя семья сможет приходить на твои семейные вечеринки? Думаешь, моя семья будет приглашена на нашу свадьбу? И где мы поженимся? В загородном клубе? В имении губернатора? Думаешь, мои дядя и тетя придут на нашу белую свадьбу?

- Нет, - ответила она. - Как и мои.

Леви направился к двери, но Тамара остановила его одним предложением. Она не хотела разыгрывать свой козырь, но если он не предоставляет ей выбора...

- Тогда я выйду за другого.

Леви развернулся на пятках.

- Ты что?

Она пожала плечами.

- Я выйду за кого-то другого. Если ты настолько туп, чтобы понять, что это хорошая идея, это твои проблемы. Я все равно выйду замуж.

- Позволь спросить за кого? Я пришлю открыточку.

- Не важно. Найду кого-нибудь. Мама тратит мои деньги, будто завтра конец света. Если ты не женишься на мне, я найду другого, кто сможет, и получу все, пока деньги не исчезли. Я хотела привлечь тебя, потому что дедушка вычеркнул тебя из завещания. Но если не хочешь жениться на мне, хорошо. Не думай, что ты единственный мой вариант.

- Ты глупая сумасшедшая девчонка. Ты вообще знаешь других мужчин, кроме меня?

- Немного. У дедушки было несколько друзей, которые разведены или овдовели.

- Ты не можешь выйти за того, кто годится тебе в деды.

- Я выйду за того, кого пожелаю.

- Да хоть бегай по лесу с рогами на голове во время оленьего сезона, если так хочется. Твои проблемы.

- Если он будет старым, это его проблемы. Тогда я буду свободна. Свободна и богата. А ты все так же будешь жить на чердаке конюшни и давать уроки верховой езды за пять баксов в час.

- Черт возьми, ты слишком умна для этого, Тамара.

- Ты же сказал, я тупая.

- Ты притворяешься тупой. Ты ведешь себя, как тупая. Выйти за незнакомца, чтобы облапошить мать, - это тупо.

- У меня есть причины, почему я так поступаю, и они никак не связаны с матерью. И я сделаю это с тобой или без тебя. Я отлично проведу время, тратя твои деньги.

- Ты отлично проведешь время лежа под жирным потным шестидесятилетним стариком, пока он будет тебя жестко трахать каждую ночь. Если у него все еще будет вставать.

- Если это стоит того, я готова заплатить.

- Должно быть, ты до сих пор девственница, раз веришь в это.

- Я девственница.

- Кажется, ты гордишься этим. Многие девушки не стали бы.

- Ты бы гордился, будь на моем месте.

- Рад, что я не на твоем месте. Тогда я бы попросил кого-нибудь жениться на мне и получил отказ.

- Ты не отказал мне. Ты только думаешь, что отказал. Я так и не услышала четкого «нет», только кучу шуток и оправданий. Я выхожу замуж, и это будешь ты или кто-то другой, и этот кто-то будет по-настоящему благодарен за возможность потратить твои деньги. Каков твой ответ? Я не собираюсь спрашивать дважды. У меня нет времени.

Леви обхватил ладонями голову и потянул за волосы, и на мгновение его лицо исказилось. Это ее рассмешило.

- Ты Зевс в Пантеоне Молодых досаждающих девушек. - Он отпустил волосы и опустил голову. Сдался. Тамара шагнула вперед и положила руки на его живот. Он не попытался убрать их, что значило только одно - она заполучила его.

- А в Пантеоне Досаждающих мужчин - ты моя Гера.

Гера - богиня брака, которая благословила очаг, дом и утробы молодых невест. Жена Зевса.

- Ты собираешься уговорить меня участвовать в этом, верно? - спросил Леви.

- Я уже сделала это.

- Не совсем. Я все еще решаю.

- А это заставит тебя принять решение? - Тамара подошла ближе и обняла его за шею. Она прижалась к его губам и поцеловала. Сначала она не была уверена, что он ответит. Сначала она не была уверена, что хочет, чтобы он сделал это.

Но он ответил, она знала, что он хотел отпугнуть ее. Последняя битва перед поражением. Она ответила ему с удвоенной страстью. Однажды он поблагодарит ее за это, поблагодарит за то, что она уговорила его жениться на ней.

- Ты уничтожила меня однажды, - сказал он. - И собираешься снова разрушить меня.

- Я пообещала, что сделаю тебя богатым.

- Я не об этом Ржавая. Совсем не об этом.

Она задрожала, несмотря на жар от его тела. Почему он был таким теплым? Казалось, что рядом с ее кожей была печка.

- Ты играешь со мной, - прошептал он, прикусывая ее нижнюю губу зубами, чтобы привлечь внимание. И это сработало.

- Я думала, что целую тебя.

- Ты играешь со мной, словно я пианино. А ты Рахманинов.

- Значит у меня талант от природы, - ответила она. - Никогда не брала уроки.

Их губы снова встретились, языки переплелись и ласкали. Он был твердым, и ей это нравилось. Она даже любила это, и, учитывая все произошедшее, ей нравилось то, что она это любила.

- Я не хочу обряд в церкви, - прошептал он ей на ухо. - Я не такой.

Ее ногти впились в ткань рубашки на его плече. Будь это обнаженная кожа, она бы оставила отметину.

- Я не ребенок. Перестала им быть после наводнения, - ответила Тамара, отрываясь от его губ. Она положила голову ему на грудь и слушала, как колотится его сердце, осознавая, что сделала это. Они поженились.

- Я делаю это только потому, что не хочу, чтобы ты выходила за грязного старикашку.

- А я хочу выйти за грязного юнца, - улыбнулась она.

- Тогда хорошо. Я твой. Мы поженимся. Я не хочу этого. И знаю, что буду жалеть об этом.

- А если не сделаешь, будешь жалеть еще больше.

- Поэтому и согласился. Будь я проклят, если сделаю, и будь я проклят, если не сделаю. Но если я буду гореть, то собираюсь это сделать в шикарной кровати в доме твоей матери.

- Скоро он будет нашим, - пообещала она. - Я уже слышу, как она переворачивается в могиле. - Тамара никогда не слышала ничего более приятного.

- Она не мертва, - напомнил Леви.

- Пока нет.

- Так, когда мы это сделаем? - спросил он и отстранился от нее.

- Как можно скорее. До того, как мать умудрится потратить каждый мой пенни, которые должны быть твоими.

- Как можно скорее? Что значит...?

Тамара улыбнулась.

- Ты завтра свободен?

Глава 13

Два дня спустя они поженились в Луисвилле. Судья Даниэль Хедли заседал в своем офисе на берегу реки Огайо вместе с секретарем и клерком, которые выступили в качестве свидетелей. Церемония была короткой и мрачной, Хедли заседал, словно присутствовал на похоронах, а не на свадьбе. Дождь за окном не способствовал подъему настроения, как и сдержанный тон судьи. У него было доброе лицо, но он не был тем типом, который часто и легко улыбался. Серьезный мужчина. Ему было всего лишь около сорока, но в этой обстановке он казался старше, с ровными рядами юридических книг в кожаных переплетах, на нелепо украшенных полках из красного дерева и отполированной бронзовой статуэтке Фемиды, стоящей на полке, позади его огромного стола. Леви знал, почему она была с повязкой на глазах, потому что правосудие должно быть слепым, не признавать ни расы, ни пола, ни религии, ни

богатства или нищеты. Судя по тому, что он уже познал в этом мире, он понял, что Фемида немного подглядывала из-под повязки.

Клятвы были простыми и безразличными.

Тамара Бель Мэддокс, берешь ли ты его в мужья?

Да.

Леви Джозеф Шелби, берешь ее в жены?

Да.

Когда судья Хедли объявил их мужем и женой, Леви поцеловал Тамару так же безразлично, какой и была вся церемония.

Тогда все и закончилось. Бумаги были подписаны и заверены. Руки были пожаты. Добрые пожелания были произнесены, прежде чем судебный секретарь и клерк тихо удалились.

- Присаживайтесь, - сказал судья Хедли, указывая на два стула перед его столом.

- Давайте поговорим о будущем.

- Обязательно прямо сейчас? - спросила Тамара. Она протянула руку и взяла Леви за руку. Ему пришлось ее принять, девушка разыгрывала хорошее шоу.

- На самом деле, да, - ответил судья.

- Должны, - ответил Леви. - Лучше сейчас.

Леви провел ладонью по рубашке, разглаживая голубой галстук, который надел к своему голубому костюму. Ему стоит купить новый. В последний и единственный раз, когда он одевал его, это были похороны его матери.

- Вы кажетесь благоразумным человеком, - обратился судья Хедли. - Уверен, вы понимаете, когда я скажу, что не рад этому.

- Я точно этого не планировал, - ответил Леви. И он мог играть свою роль. - Но мы должны сделать то, что будет лучше для Тамары.

- Да. - Судья кивнул. - Да, должны. Ребенку нужен отец. Уверен, если бы отец Тамары был здесь, этого бы никогда не произошло. Я виню себя. Я должен был внимательнее за тобой присматривать после смерти Нэша. Уверен, он бы хотел этого.

- В этом нет вашей вины, - ответила Тамара. - И не считаю это чем-то плохим. Сейчас я счастливее, чем когда-либо.

- Ну, я знаю, твой дедушка улыбается на небесах. Больше всего он хотел видеть, как ты приведешь в этот мир еще одного Мэддокса. Я бы хотел, чтобы вы подождали пару лет, но что сделано, то сделано, и многие браки начинались не с той ноги, и в конце все хорошо складывалось. Моя собственная сестра не любит отмечать годовщины своей свадьбы по похожей причине, и с тех пор ей удается не слишком сильно позорить свою семью. - Судья подмигнул Тамаре.

Тамара улыбнулась ему.

- Простите, - ответила она. - Мы не хотели, чтобы все произошло именно так.

- Знаю, дорогая. Я тоже когда-то был молодым. Но твоя мать захочет убить тебя и меня заодно, когда узнает.

- Я оставила ей записку, - ответила Тамара. - Она в ее аптечке, так что она найдет ее, когда сегодня будет принимать снотворное. Как вам такое?

- Давайте надеяться, что у нее не заболит голова или живот до того, как вы двое не отправитесь туда, где она не найдет вас. Насколько я знаю Вирджинию, она поднимет рай и ад на уши. Я бы настоятельно рекомендовал вам уехать из города.

- Мы уедем, - ответил Леви. - Я позабочусь о Тамаре.

- Что насчет завещания? - спросила Тамара. - Что произойдет с ним?

- Оно открыто. Вы оба законно вступили в брак и ожидаете ребенка. Это, безусловно, ускорит процесс. Ты знаешь, когда у тебя срок?

- Через семь месяцев, - ответила Тамара. - Если все пойдет хорошо.

- Будем молиться, что так и будет. Думаю, мы подождем месяца три, пока завещание не вступит в полную силу. А на этом пока все.

- Мама сможет продать компанию?

Судья покачал головой.

- Нет, так как собственность оспаривается. Но вы будете получать пособие в пятьсот долларов каждый месяц. Вам этого будет достаточно для жизни?

- Я уже сказал вам, что способен позаботиться о Тамаре, сэр. - Леви сел еще ровнее. Он не хотел, чтобы судья или кто-то думали, что он не в состоянии обеспечить собственную жену. Ста двадцати долларов было недостаточно для жизни, почти минимальная зарплата, но Леви лучше будет помощником официанта, если придется, нежели возьмет у кого-то деньги.

- Я был впечатлен тем, что ты жил на чердаке конюшни. - Судья Хедли поднял бровь.

- Только ради экономии, сэр. Я накопил тысячу долларов.

- Ты станешь очень богатым человеком. - Судья взял дорогую голубую ручку и постучал ею по столу. - Не хочу думать о том, что именно это и стало причиной такого благословенного события.

- Конечно, нет, - вмешалась Тамара. - После того, как мама уволила его, когда застала нас целующимися, мне приходилось тайком убегать, чтобы увидеться с ним. Я ходила к нему. Я хотела видеть его. Я хотела быть с ним.

- Я хочу, чтобы Тамара была в безопасности, - сказал Леви. - Учитывая обстоятельства, думаю, ей будет лучше со мной, чем с матерью.

- Если бы я не знал ее мать так хорошо, я бы не согласился. Но да... - Голос судьи Хедли сошел на нет, и Леви ощутил укол сочувствия к этому мужчине. Он тоже был жертвой Вирджинии Мэддокс. Тамара сказала, что он был женат, когда Тамару зачали, пьяная ночь на прощальной вечеринке. Он казался тем человеком, который будет нести свои вину до конца жизни. - Вы двое найдете безопасное место, пока я со своей стороны позабочусь о ваших делах. Дашь мне знать, как тебя найти. В конце процесса нужно будет подписать формы и бумаги.

- Я дам вам знать, где мы осели, - ответила Тамара.

- Уже поздно, - сказал Леви. - Нам пора в дорогу.

Судья принял их в конце рабочего дня в суде. Сейчас время приближалось к ужину, и затем наступит ночь. Первая ночь Леви в качестве женатого мужчины. Он понятия не имел, где они проведут ночь, и проведут ли они ее вместе или должны провести ее вместе.

Судья Хедли встал и обошел стол.

- Позаботься о моей девочке, - попросил судья Хедли, протягивая руку для рукопожатия.

- Позабочусь, сэр. Спасибо. Я знаю, все это очень спонтанно, но мы разберемся.

- Это все, что я хотел услышать. Тамара, будь хорошей девочкой. Не слишком огрызайся с мужем.

- Обещаю, буду огрызаться в меру. - Она обвила его шею руками и обняла... и обнимала еще долго. В конце концов, он был ее отцом, не то, чтобы судья Хедли знал об этом. Леви искал сходство и нашел его. Они оба были богатыми, оба привлекательными, оба белыми.

- Завтра позвоню твоей маме, - сказал судья Хедли. - Набери меня, как только доберетесь до места.

- Это мы можем. Спасибо. - Тамара поцеловала его в щеку.

- Безопасной дороги вам обоим. Там коты и собаки.

- Дождь в день свадьбы к удаче, - сказала Тамара. - Вы не знали этого?

Судья отклонился и посмотрел за окно на дождь, который лил, словно Бог опустошал ведра размером с горы.

- Если вы переживете шторм, у вас будет удача, которая вам потребуется, - ответил судья Хедли.

Тамара и Леви покинули офис.

Все сделано.

Конец.

Леви был женатым мужчиной. Неожиданный поворот. Он привык к идее никогда не жениться, но он сделал это сейчас. Он женился на богатой белой девочке и хотел бы поверить в Бога, чтобы сказать: «Боже, помоги нам». Но они были женаты, и судья был на их стороне, как Тамара и сказала. Весь день, после того как он проснулся, до того момента как забрался в свой пикап и увидел Тамару на пороге здания суда, в самом красивом белом кружевном платье, которое он когда-либо видел, он подумал, что что-то остановит их. Логика. Здравый смысл. В него врежется автобус ради его же блага. Казалось, что идея их свадьбы настолько сумасшедшая, что они не станут винить Мать-природу за дождь над этим безумным парадом. Но никто и ничто не остановило их.

И вот они.

Женаты.

- Леви?

Голос Тамары проник сквозь его панику. Леви остановился и прислонился к стене. Его ладони были прижаты к лицу, а вдохи были короткими и поверхностными.

- Я в порядке.

- Не похоже.

- Я женился.

- Эй, я тоже.

Он усмехнулся, но этот смех не был от счастья.

- Я деревенский идиот в городе дураков, управляемым злым мэром на службе у безумного короля.

- Леви, ты женился на семье Мэддокс. Это ты злой мэр. Считай это продвижением.

Он опустил руки, наклонил голову и посмотрел ей в глаза.

- Ты красивая, Ржавая.

Она широко улыбнулась.

- Я знаю.

- Ты не так должна отвечать, когда кто-то говорит тебе комплимент.

- Предлагаешь притворяться, что я не знаю, как выгляжу? Посмотри на себя. Ты выглядишь таким привлекательным, что я даже не могу открыто на тебя смотреть. Мне приходится боковым зрением поглядывать на тебя, иначе я ослепну. Словно я смотрю на затмение. Мне нужны специальные очки.

Она повернула голову направо и налево, притворяясь, что видит его только периферийным зрением.

- Деревенский идиот женился, - выдохнул Леви. - И теперь идиот, как и его жена. Конец.

- Хорошая история. - Она обвила руками его шею и поцеловала. - Готов идти? Сегодня наша брачная ночь.

- Сейчас пять тридцать семь, - ответил Леви, поглядывая на часы. - Это наш ранний брачный вечер.

- Мы же все равно можем отправиться в постель, да?

- Сначала мы поедem к моей тете и дяде, чтобы ты познакомилась с ними. - Он взял ее за руку и раскрыл зонтик.

- А это обязательно?

- Они единственная семья, которая у меня осталась, хватит того, что я женился без предупреждения. Они никогда не простят мне, если я не приведу тебя.

- Но после, мы можем...

- Не сегодня, Ржавая, - ответил он. - День был очень долгим.

Она поникла и перестала говорить. Они вышли под дождь, Леви все еще держал ее за руку, но только лишь для того, чтобы удерживать под широким черным зонтом.

- Где твоя машина? - спросил он.

- Оставь ее. Мы поедem на твоem пикапе.

- Оставить твою машину? Ее угонят.

- Я больше не хочу ее.

- Мы не оставим дорогую машину угонщиками, только потому что она тебе надоела, и ты слишком избалована, чтобы заботиться о собственности.

Тамара подбоченилась. Плохой знак.

- Она мне не наскучила. Леви, она зарегистрирована на мое имя. И она единственная в штате. Люди увидят эту машину и запомнят ее. И нам придется долго скрываться, а это машина будет, как огромная неоновая стрелка, указывающая прямо на нас. Скорее всего, копы увидят и позвонят маме и вернут ее ей. Если ее угонят, пускай. Кому-то она нужна больше, чем мне, пусть ее и оставит себе. Позволь им.

Несмотря на то, как сильно Леви не хотелось оставлять идеальную машину, ему пришлось признать, что она права. Нежно-голубой Triumph Spitfire не был чем-то обычным. Его синий Форд Ф-100 72 года, был одним из миллиона на дорогах. В нем не было ничего особенного.

- Ты правда считаешь, что твоя мать отправит за нами поисковую группу?

- Думаю, моя мать отправила бы целую армию, если бы могла.

Тамара не улыбалась, когда произносила это.

Так они и оставили машину.

Леви любил свой пикап, но как только Тамара оказалась внутри, чопорная и правильная в белом платье, ему стало немного стыдно за машину. И на это она променяла свою спортивную машину? Ему стоило ее подчистить. Казалось, Тамара не против. Большинство девушек не были против, и Леви подумал о том количестве трусиков, которые он вешал на зеркало заднего вида.

Но Тамара не была девушкой, которую он подцепил в баре на одну ночь. Тамара была его женой, и он не ожидал, что она захочет провести брачную ночь в грузовике. Не то, чтобы он планировал ее трахнуть в ближайшее время. Семнадцать? К тому же девственница? Он, скорее, трахнет гнездо шершней. По крайней мере, одна часть его будет ужаленной.

- Значит... - сказал Леви, пытаюсь звучать непринужденно. - Где мы остановимся на ночь? И завтра? И все последующие ночи? Отель? - спросил он. - Мотель? Арендует хижину в лесу? Баржу? Теплоход? Купим билет на самолет и улетим?

- Я знаю, куда мы можем поехать и сэкономить деньги, - ответила Тамара. - На случай, если дело займет больше времени, чем сказал судья Хедли.

- Судья Хедли. Он твой отец. Ты всю жизнь будешь называть его судьей Хедли?

- Я не знаю, как думать о нем, как об отце. Ты собираешься называть дедушку папой?

- Джордж Мэддокс мертв. Судья Хедли все еще жив. И ты можешь ему сообщить.

- И разрушить его жизнь? Ты же знаешь, он женат. Он был женат, когда мама забеременела мной.

- Он не похож на мужчину, который изменяет жене. Даже пьяным.

- Не думаю, что ты можешь судить о человеке, зная его один час. Не думаю, что ты можешь судить о человеке, даже зная его шестнадцать лет.

Леви посмотрел на Тамару, испытывая сочувствие.

- Твой дедушка, наверняка бы, охренел от нашей жизни? – спросил Леви.

Тамара испуганно посмотрела на него.

- Знаешь, из-за того, что он мой отец, - начал Леви, шокированный ее удивлением. - Ты думаешь, что знаешь кого-то...

- Я думала, что знала дедушку. И маму. Хотела бы я, чтобы это было не так.

- Ты действительно ненавидишь ее?

Тамара повернулась лицом к дождю.

- Ты и половины не знаешь.

Остаток пути они ехали в тишине, Тамара оперлась головой о стекло. Леви сосредоточился на вождении, уклоняясь от дождевых ям и водителей Кентукки, которые вели себя так, словно никогда не видели воды. Шлепанье дворников погружало его в глубокие раздумья. Он не хотел причинять ей боль, затыкая в брачную ночь. Он не хотел говорить ей, что уже жалеет о свадьбе. Это не было личным. Дело не в том, что он не хотел ее. Он хотел ее, и две ночи назад он бы повалил ее на бочку с бурбоном и затрахал до потери пульса, если бы она ему позволила. Но две ночи назад они не были женаты, и он не думал своими мозгами.

Простой факт, который Леви не мог отрицать, это то, что как только он прикоснется к ней, он не сможет уйти от этого... что бы это ни было. Этот брак. Этот план Тамары. Он плыл по течению реки, без лодки, без весла, и он не видел, что впереди. Предполагалось, что Тамара будет на взводе из-за брачной ночи, а не он.

- Это здесь? - спросила Тамара, когда он свернул на длинную гравийную дорогу к дому Андре и Глории.

- Да. - Он на мгновении замолчал. - Андре и Глория чернокожие. Ты должна это знать, если до сих пор не знала.

- Так и думала. Надеюсь, я им понравлюсь.

Это было мило с ее стороны, и Леви улыбнулся.

- Не переживай. Хоть ты мне и не нравишься, я же женился на тебе.

Тамара одарила его самым злым взглядом, который он когда-либо видел на ее симпатичном личике.

- Будь вежливой. Отвечай «да, мэм» и «да, сэр». Похвали еду Глории. Не спрашивай о шраме на руке Андре. Он получил его на войне. И что бы ты не делала, не матерись или используй имя Господа понапрасну. Глория очень набожна. Она этого не любит. Промывала мне рот с мылом больше раз, чем я мог сосчитать.

- Я не матерюсь. Это ты материшься.

- Я не матерюсь в присутствии тетя Глории. И ты тоже.

- Я знаю, как вести себя в приличном обществе. Будет приятно снова оказаться в нем.

- Ты избалованная, как и всегда, Ржавая.

- Избалованнее, чем когда-либо, - ответила она. И Леви поверил ей.

Он вел пикап по дороге и уголком глаз смотрел на Тамару. Он был готов начать презирать Тамару, если она на дюйм пересечет черту с дядей и тетей, если она будет обходиться с ними как с недостойными, но они были лучшими людьми в его жизни, и почти единственная семья, которая у него осталась. Теперь он раскаивался в этих мыслях. Тамара была семнадцатилетней девушкой, вышедшей замуж за

тридцатилетнего мужчину. Она была в трудном положении, и последнее, что он мог сделать, это добавить ей проблем. Он припарковался перед домом, помог ей выйти из пикапа, открыл зонт и провел ее в дом без стука.

Андре и Глории не было в гостиной. Он услышал голоса на кухне. Тамара крепко вцепилась в его руку, он почти попросил ее отпустить ее, если она хотела, чтобы он использовал эту руку на ней позже. Но он вспомнил, что не использовал эту руку тогда. Хотя и хотел. Но и не хотел. И хотел. Вот черт, зачем он это делает с собой?

Они вошли в кухню и воцарилась удивленная тишина.

Леви нашел Андре на кухне и Глорию тоже. Но они не были одни.

- Слышал, у тебя был напряженный день, сынок, - сказал Андре.

- Мистер Шелби, - обратился к нему один из двух офицеров полиции, стоящих на кухне, их пистолеты висели в кобуре на бедрах. - Вам нужно пройти с нами.

Леви вздохнул.

Очевидно, у Вирджинии Мэддокс в самом деле сегодня разболелась голова.

Глава 14

- Леви! - Тетя Глория произнесла его имя как ругательство. - Что ты натворил?

- Я женился, - объяснил Леви. Он посмотрел на копов. - Нас поженил Судья Хедли, окружной судья. Позвоните ему, если не верите мне.

- Вы не можете его арестовать. - Тамара не отпустила руку Леви, но шагнула вперед, прежде чем тот успел ее одернуть. - Он мой муж. Мы женаты.

- Это не мне решать, - сказал офицер. Он был высоким и крепким, с военной короткой стрижкой, а офицер рядом с ним мог сойти за его близнеца. - Я должен его привезти. Пойдемте.

- Мы никуда не пойдем, - ответил Леви. - Кроме как на улицу, обсудить происходящее.

Леви не собирался впутывать Андре и Глорию в это дерьмо.

- Тамара, останься с Глорией. Офицеры.

Прежде чем они сами вывели его, Леви толкнул заднюю дверь. Копы припарковались прямо за домом в том месте, где он не увидел бы их с подъездной дороги. Они действительно думали, что он сбежит, оставив Андре и Глорию отвечать за него?

Дождь прекратился, но земля под ногами была мягкой от воды. Он прислонился к крыльцу.

- Джентльмены, у вас есть ордер на мой арест? - спросил Леви.

- Дело не в этом, - сообщил офицер №1. На его бейджике была фамилия «Дж. Миллер», а у другого «Дж. Спирс». Леви запомнил их имена, на случай если все полетит к чертям. - Вы должны поехать с нами.

- Могу я узнать, по какой причине?

- Можете. А мы можем не отвечать, - ответил Спирс. - Поехали.

- Я не поеду с вами, если только у вас нет с собой ордера на арест. Если нет, тогда достаньте его. А если есть - покажите мне.

- Мать этой девушки считает, что вы ее похитили. Именно это мы и должны с вами обсудить.

- Я знаю свои права. Вы не можете привезти меня, не арестовав. Вы арестовываете меня? Или видели, как я совершаю преступление?

- Вы женились на несовершеннолетней девушке.

- Законно женился. Ей семнадцать, и если наш брак нелегален, тогда и Судью Дэниела Хедли тоже арестуйте.

Леви услышал, как открывается задняя дверь, и офицер Миллер поднял глаза.

- Сынок, ты в порядке? - поинтересовался Андре с крыльца. Он стоял высокий и гордый, со скрещенными за спиной руками, как солдат по стойке смирно.

- Я в порядке. Я заехал, чтобы вы познакомились с моей женой. Эти офицеры задерживают наш медовый месяц, - ответил Леви.

- Может, всем нам стоит поехать в участок и обсудить это, - предложил Андре. - Ты и я, и твоя новоиспеченная жена, и адвокат. Мисс Тамара говорит, что знает много адвокатов. Очень и очень, и очень много адвокатов.

- Я не поеду с ними, пока они не арестуют меня за преступление, - сказал Леви.

- Если вы не поедете с нами в участок, тогда вы поедете в госпиталь. - Офицер Спирс шагнул вперед.

- А что в госпитале? - спросил Леви. - Кроме симпатичных медсестер.

Офицер Спирс улыбнулся. Это был плохой знак.

- Морг.

Леви видел, как надвигается кулак, но не успел заблокировать или увернуться от удара. Тот угодил ему прямо в лицо. В глазах взорвались красные огни, и все охватило болью, даже те части, куда коп не бил. Он вдохнул и ощутил кровь на языке.

Второй удар последовал за первым и пришелся на ребра. Леви согнулся и закричал. Он мертвец, если начнет отбиваться.

Уголком глаз он заметил, как к нему с дубинкой в руках направляется офицер Миллер. Леви знал, что теряет зрение, и надеялся, что однажды оно вернется.

Он услышал шум и голоса, и подумал, что Андре сделал что-то глупое. Когда его зрение прояснилось, он увидел перед собой белое кружево и принял его за крылья ангела. Если рай был реальным, он будет чувствовать себя настоящим придурком, когда попадет туда.

- Еще раз тронете его, и я лишу вас ваших значков, - выпалила Тамара, и Леви не успел ее заткнуть.

- Тамара, вернись в дом. - Леви сильно закашлялся между словами.

- Я никуда не пойду. - Она стояла перед ним, между офицерами и ним, руки упирались в бока, подбородок высоко поднят, а в глазах горит огонь.

- Мисс, - начал офицер Миллер. - Вам нужно...

- Для вас миссис Леви Шелби. Это мой муж. Мы законно женаты. Я знаю, это мать послала вас сюда. Что же, моя мать больше никак не связана со мной, как и я с ней. Теперь я жена, а не дочь. И когда это у полиции появилось достаточно свободного времени, чтобы бегать по делам дамочек и создавать проблемы? Вы полиция браков?

- Тамара, сию же минуту вернись в дом, - приказал Леви, медленно поднимаясь на ноги.

- Я вернусь в дом, когда они уедут. - Она шагнула вперед, и Спирс с Миллером переглянулись. - Знаю, вы считаете Вирджинию Мэддокс важной персоной. Знаю, вы считаете ее богатой. Но ни одно из этих определений не касается ее. Но касается меня. Теперь, когда я вышла замуж, «Красная Нить» принадлежит мне. Я все унаследовала. Она моя. А не ее. У нее ничего нет. Нет денег. Нет власти. Вы двое болваны мертвой королевы. Может, мне позвонить мэру Бонду? Мой дедушка был собутыльником губернатора Хатчингса. Уверена, они не будут рады слышать, как двое полицейских избили мужа богатейшей женщины в Кентукки. Как думаете, что напишут газеты, когда пойдет молва? И вам лучше поверить, что все это всплывет наружу.

Леви, наконец, удалось подняться на ноги. Он схватил Тамару за руку и задвинул ее за спину, туда, где она и должна находиться. Он был уверен, что ей это не понравилось, но она стояла молча.

- Вы слышали леди, - сказал Леви. - Она не врет. Теперь, когда она вышла замуж, все принадлежит ей. Вы действительно хотите потерять значки из-за какой-то семейной драмы?

Офицеры не казались напуганными, но и уверенными и надменными тоже не выглядели.

Офицер Миллер заговорил первым: - Произошло недоразумение. Нам сказали, что мисс Мэддокс похитили и удерживают против воли. Учитывая обстоятельства, мы поверили вашей матери.

- Какие обстоятельства? - спросила Тамара, выпаливая слова.

- Он говорит о том, что ты белая, а я нет, - ответил Леви.

- Вы достаточно белый, - улыбаясь, ответил офицер Миллер, и Леви захотел исполосовать его лицо кухонным ножом. - Думаю, внешность может быть обманчивой.

- Моя мать выжила из ума, - ответила Тамара.

- Вам следует ей позвонить, юная леди, - посоветовал офицер Спирс. - Прояснить все до того, как она дезинформирует кого-то еще.

- Я ей позвоню сразу же, как вы уедете. - Тамара снова была рядом с Леви. Больше не стояла позади него.

- Тогда мы поедem. - Офицер Миллер заправил дубинку за ремень.

Больше не говоря ни слова, они направились к полицейской машине, сели в нее и уехали. Леви опустил голову на перила крыльца и дышал сквозь последние судороги боли. Он будет испытывать боль, по крайней мере, еще несколько дней, но могло быть намного хуже, и это пугало. Не то, что он получил травмы, а то, что он мог получить их еще больше.

- Леви? - голос Андре проник сквозь пелену боли. - Почему бы вам не зайти в дом, мы поможем привести тебя в порядок.

- Идем, - согласился он и медленно выпрямился.

Когда он потянулся за рукой Тамары, он понял, что та дрожит. Каждая частичка ее тела дрожала.

- Все хорошо, Ржавая, - ответил он, притягивая ее к себе и прижимая ее голову к своей груди. - Они уехали.

- Они тебя избили, - прошептала она. - Нельзя так.

- Ты вошла в черную семью, - объяснил Левию - Что ты думала, будет происходить?

- Ну, ты женился на семье Мэддокс. Такие вещи не происходят с нами. - Тамара осторожно коснулась кровоточащей раны на его лбу. - Они могли тебя убить, - прошептала она.

- Да, они могли меня убить. И никогда не забывай об этом.

Тамара шагнула назад, посмотрела на него и на Андре.

- Если бы они убили тебя, я бы убила их, - ответила она, и то, как она это сказала, почти убедило Леви в ее серьезности.

- Мисс Тамара, вам пришлось бы встать в очередь, - сказал Андре и показал правую руку, которую все это время держал за спиной. В ней он держал пистолет дулом вниз, пистолет, который скрывал.

- Господи Иисусе, - сказал Леви, едва не падая от облегчения, что до этого не дошло.

- Следи за языком. - Андре посмотрел на него. - Твоя тетка сдерет с тебя шкуру, если услышит подобное.

- Простите, - вмешалась Тамара, все еще смотря на Андре. - Я не хотела, чтобы это произошло. Моя мать...

- Я сказал ему выслушать тебя, - сказал Андре. - Но не говорил жениться на тебе.

- О чем я думал? - спросил Леви.

- Лучше спроси, чем ты думал?

- Мы сейчас будем говорить об этом? Да?

Брови Андре поднялись чуточку выше. Мышцы на его челюсти дернулись: - Нет, не будем. Тебе нужен врач, сынок? - поинтересовался Андре.

- Выживу, - ответил Леви. Он тяжело вздохнул, и потер бок.

- Пойдем, - сказал Андре. - Глория накроет ужин.

Андре оставил их одних на заднем дворе. Тамара снова прикоснулась к его лицу, изучая раны.

- Я в порядке, - сказал он. - Ничего не сломано, только синяки.

- Ты уверен, что тебе не нужен врач?

- Уверен.

- Ты можешь есть?

- Могу. Но мы тут не останемся. Нам нужно найти отель или что-то типа того, где твоя мать нас не найдет. Мы можем попасть в серьезные неприятности. Я не могу втягивать Глорию и Андре в них.

Вероятно, им стоит покинуть штат. Сегодня. Они с легкостью доберутся до Огайо или Индианы. Копы Огайо рассмеются Вирджинии Мэддокс в лицо, если она им прикажет привести ее.

- Ты выдержишь долгую поездку? - спросила Тамара. - Несколько часов сегодня, и затем весь следующий день?

- А что? - спросил он и собрался с силами, чтобы подняться по ступенькам крыльца и войти в дом.

- Потому что я говорила тебе, что знаю, куда мы можем поехать. Там, где нас никто не найдет. Там, где никто не будет всматриваться в наши лица, - ответила Тамара.

- Где это? - спросил он.

Ее глаза блестели, как солнечные блики на воде. Она не улыбалась.

- Ты доверяешь мне?

- Больше, чем десять минут назад.

- Тогда доверься мне, мы должны поехать туда.

- Куда туда?

- Место, о существовании которого мать даже не знает.

Леви кивнул.

- Похоже на лучшее место на земле.

Глава 15

Пэрис

- Вы ведь не все мне рассказываете? - спросил Купер МакКуин.
- Почему, что вы имеете в виду? - Пэрис выглядела оскорбленной, невинной. Он не купился на это.
- Есть что-то, о чем вы не договариваете, но что должны рассказать, и сделаете это прямо сейчас.
- Мистер МакКуин, тем, что я не договариваю, можно наполнить бочку с бурбоном.
- Я хочу знать, кто вы. Хочу знать, почему вы здесь.
- А вы думаете, зачем я вам рассказываю эту историю?
- Чтобы пытать меня.
- Ох, хорошо... - ответила она улыбаясь. - Думаю, у девушки может быть несколько причин не спать всю ночь. - Она наклонилась вперед, поставила локоть на колено и оперлась подбородком на ладонь. - Вы боитесь?
- Боюсь? Вас?
- Того, что я рассказываю? Вы боитесь этой истории?
- А должен?
- Какой ваш самый большой страх? - спросила она.
- Потратить жизнь впустую, - ответил он, удивленный тем, что ответ пришел так быстро. - Что, если все, что я сделал, было зря? Что если, все это, - он взмахнул рукой, обозначая комнату, дом, состояние, которое унаследовал и заработал, - бесполезно?
- Что же, тогда, да, - ответила она, и он ненавидел улыбку, которая появилась на ее лице. Это была улыбка женщины, победившей в соревновании, в котором он даже не знал правил, где победитель получал все, а проигравший терял все. - Вам стоит бояться этой истории.
- Продолжайте, - сказал он. - Я не боюсь.
- О, я продолжу. И поверьте, вам будет страшно.

Глава 16

Веритас

- Все, что ему сказала Тамара, это ехать на юг по I-95. И только три часа спустя он понял, что они направлялись в Южную Каролину.
- Ну, конечно же, - сказал он.
 - Все так плохо? - спросила она, указывая на дорожный знак. Он понимал, что они направляются на юг, но не осознавал, что на этот юг.
 - Ты хоть представляешь, сколько кланов в Каролине?
 - Кланов? Типа ККК¹²?
 - Ты знаешь другие кланы?
 - Нет... - Она в панике посмотрела на него. Он снова усмехнулся, не над ней, но и не с ней.

¹² Ку-клукс-клан^[2] (англ. Ku Klux Klan), сокращённо ККК (на английском звучит как КейКейКей) — ультраправая организация в США, отстаивавшая такие идеи, как превосходство белых, белый национализм. В середине XX века ку-клукс-клан выступал также против коммунизма^[3]. С этой организацией связывают появление понятия суд Линча.

- Все хорошо. То есть не хорошо, но и в Кентукки тоже есть клан. Но будь добра, не говори всем подряд о происхождении твоего мужа, я хочу сохранить голову на плечах.

- Сейчас 1980, а не 1880.

- Здесь не 1980. Поверь. Здесь время течет гораздо медленнее. – Печально было, что чернокожие люди здесь, были единственными, кому он доверял, и все же ему стоило их избегать, чтобы никто не узнал правду о нем и Тамаре. Но какова была правда? Правило одной капли крови не имело для него никакого смысла. Если одна капля черной крови делает вас черным, почему одна капля белой крови не делает вас белым? И разве никто не заметил, что кровь у всех была красной? Но такие логические вопросы не возникали у людей, которые надевали белые простыни и называли себя волшебниками. А из всех глупых невежественных вещей висящие черные люди на деревьях были в их понимании самой уместной деятельностью для христианской общины, схожей с посадкой цветов и крещением в реке.

- Если это поможет, мы не к этим людям едем, - сообщила Тамара.

- Что это за место? Пустынный остров?

- Это не пустыня, - ответила она.

- Но это остров? - уточнил Леви.

- Да. Очевидно, тот, на котором мы можем быть одни и спрятаться. Никто нас не потревожит.

- Похоже на «Остров фантазий¹³». Нас поприветствует парень и предложит исполнить все наши мечты?

- Я думала, что уже сделала это для тебя, - сказала Тамара. - Твои собственные конюшни. Твои лошади. Помнишь?

- Ага, помню, - ответил он, пытаясь не вздыхать.

Хорошая мечта, если она осуществится. Он только надеялся, что проживет достаточно долго, чтобы насладиться ею.

Леви не сказал Тамаре, что ему было слишком больно спать, поэтому он вел машину всю ночь, используя боль в ребрах в качестве тонизирующего средства. Приблизительно в четыре утра он достаточно выдохся, чтобы поспать. Он остановился на парковке, запер двери, поднял стекла и откинулся на спину, чтобы пару часов отдохнуть.

Рассвет и мочевой пузырь разбудили его слишком рано, и он обнаружил Тамару, в позе эмбриона, ее обнаженная ступня прижалась к его бедру. Она выглядела слишком юной при этом свете, как подросток, воспользовавшийся его жакетом в качестве подушки и поджавший колени к груди.

Леви осторожно погладил ее голую ногу и прошептал имя Тамары.

- Леви? - спросила она со все еще закрытыми глазами.

- Я готов снова ехать. Тебе лучше поспешить в уборную, если хочешь.

- Не хочу, - ответила она и, казалось, вернулась ко сну, но затем снова заговорила. - Леви?

- Что такое?

- Спасибо, что женился на мне.

Леви только мгновение смотрел на нее, на его маленькую девочку, полусонную и выжившую из ума.

¹³ прим.: *Остров фантазий* - сериал 1977-1984гг. На загадочном тропическом острове странный человек по имени мистер Рорк с помощью своих трех ассистентов исполняет любые, даже самые странные желания и фантазии своих гостей. И все бы хорошо, но исполнение желаний далеко не всегда приводит к тому, что ожидалось...

- Пожалуйста, Ржавая.
- Тебе было страшно? - поинтересовалась она в полудреме.
- Когда?
- Когда те копы били тебя.
- Неа. Мне даже понравилось. Получать по морде за шашни с белой девушкой?

Более чернокожим я себя еще не чувствовал. Я должен получить какой-нибудь сертификат подлинности или знак отличия.

- Ты шутишь. Я знаю, тебе не понравилось.

- Да, я тоже это знаю. - Леви пытался проглотить страх. Он застрял в горле. - Я шучу, когда мне страшно.

- Ты постоянно шутишь.

- Мне постоянно страшно.

- Я защищу тебя, - сказала Тамара. Он бы подразнил ее, но судя по ее тону... он почти поверил ей.

- Не сомневаюсь, - ответил он, и Тамара не ответила. Она заснула.

Леви ехал еще пару часов, пока они не остановились в Эшвилле, Северной Калифорнии, чтобы пообедать и купить одежду для Тамары. Она не собрала чемодан, не взяла ничего, кроме того, что было на ней и сумочки, полной денег, две тысячи наличными. Это заставляло его нервничать, но он нервничал бы больше, если бы их у нее не было. Леви ничего не купил. Он всегда хранил несколько запасных комплектов одежды и пару ботинок у Андре и Глории, и взял это все с собой в старом вещмешке Андре. Это не было похоже ни на медовый месяц, ни на брак.

- Посмотри, - привлекла его внимание Тамара.

Леви взглянул в окно. Флаг Конфедерации, старые звезды и полосы, гордо висел на крыльце белой лачуги с жестяной крышей.

- Я же говорил, - ответил Леви.

Тамара покачала головой и вздохнула: - Невежи, - пробормотала она.

- Так всегда говорила моя мама. Она видела подобное и молилась: «Прости их Боже, за то, что они не знают, что делают».

- Хорошая молитва.

- Да, но... они знают, что делают. Знают.

Леви надавил на газ и поехал, уезжая как можно дальше от дома и флага, как можно быстрее. Даже реактивный двигатель не был бы достаточно быстр для него. Даже ракетный двигатель.

Тамара была штурманом с атласом дорог и направлений на коленях. Она хорошо справлялась, потому что прошло мало времени с тех пор, как они проехали знак «Добро пожаловать в Бофорт».

- Судя по указателям, мы недалеко, - сказала она, глядя на карту на коленях. Леви посмотрел на нее тоже, ладно, больше на колени нежели на карту. Она была в своих новых коротких шортах, которые купила утром, и свободной хлопковой блузе.

- Насколько недалеко?

- Около двадцати миль до острова. Двадцать миль и четыре моста.

- Так что это за место?

- «Остров невесты», - ответила она, убирая в сторону атлас.

- Никогда о нем не слышал.

- На карте он не под этим именем. Его так называют местные.

- Ты уверена, что он существует?

- Уверена. У меня есть направление от кое-кого местного.

- Кого? - спросил он, и свернул на дорогу к архипелагу. Он заметил рукописный знак «Иисус – правитель», и следом за ним «Свежие помидоры».

- Папин знакомый.

- Откуда ты узнала об их знакомстве? - спросил Леви, когда они проехали мимо первого розового дома, который он увидел впервые в жизни. Яркий розовый, но с белой отделкой, а за ним другой – желтый, как солнце. И после него бледно-зеленый, а другой был голубым, как небо. Затем белый дом с оранжевой черепичной крышей. И деревья были какими-то другими. Плющ покрывал стволы деревьев, и испанский мох свисал с веток, коричневый и седой, как борода старика. И пальмы. Высокие и тонкие, с верхушками похожими на зеленые хлопковые шарики. Низкие приземистые со стволами, подобные ананасам.

- Мама сложила все вещи папочки в коробку и отправила ее на чердак в Ардене. Когда ее не было дома, я рылась в них. Однажды я нашла какие-то рабочие бумаги с именем Боуэн Берри. Он какой-то мастер. Именно он рассказал мне об этом месте, о том, как добраться, о доме, в котором мы можем спрятаться.

- Рабочий? На острове есть фабрика? - Он представлял крошечную песчинку посреди залива, недостаточно большую для фабрики.

- Рядом с островом. Бондарня. Там делают бочки.

- Я знаю, что такое бондарня. Поэтому Нэш приезжал сюда работать? Туда, где «Красная Нить» делает бочки?

Тамара кивнула и открутила крышку с банки, в которой была ледяная вода, но сейчас ею можно было принимать ванну. Тонкий слой пота покрывал их обоих, хотя окна в пикапе были опущены.

- Почему он называется «Остров Невесты»? - спросил Леви.

- Не знаю, - ответила Тамара. - Но похоже на хорошее место для невесты, верно?

- А поблизости есть остров под названием «Какого черта я только что сделал»? Отличное место для меня.

- Думаю, это оригинальное название «Острова Невесты».

- О, тогда я лучше поеду с тобой.

Им пришлось останавливаться несколько раз, чтобы сориентироваться и найти дорогу к правильному мосту. Тамара купила корзинку черники у жены рыбака, которая указала им дорогу. Они пересекли два моста и два острова. Мосты здесь не пересекали открытую воду, они пересекали болота. Они повернули туда, куда им указала жена рыбака, и дорога сузилась. Наконец, они доехали до старого моста, бледно-зеленого и ржавого.

- Что же, это не очень хорошо, верно? - спросил Леви.

Перед мостом были ворота. Железные ворота между высокими кирпичными стенами, а на створках ворот висела огромная цепь с огромным замком, и табличка «Не входить. Частная собственность. Нарушители будут преследоваться по закону».

Тамара едва взглянула на ворота и замок и вздохнула. Она порылась в сумочке и что-то вытащила.

- Есть, - сказала она и протянула ему ключ. Леви посмотрел на ключ, посмотрел на нее и покачал головой. Он припарковал машину, подошел к воротам и открыл замок. Ему пришлось сойти с бетона и вступить в грязь, чтобы добраться до замка. Земля была мягкой, и он на полдюйма увяз в ней.

- Где я, черт возьми? - пробормотал Леви и толкнул ворота. Вернувшись в пикап, мужчина проехал через ворота и остановился. Он вышел и запер ворота, не понимая, от кого или чего они скрывались.

Мост пересекал грязную топь, и когда они достигли другой стороны, дорога была одной сплошной твердой грязью. По обеим сторонам узкой дороги росли деревья, деревья и еще раз деревья. Он вытянул шею, следуя за верхушками деревьев,

образующими тоннель. Он не видел и кусочка неба сквозь зеленую завесу. Леви ощущал, будто их поглотил огромный зеленый зверь, и они ехали прямо в его глотку.

И воздух пах соленой водой.

- Ты уверена, что мы должны остаться здесь? - спросил Леви. Это было слишком, ворота, словно принадлежащие плантации, деревья, мох, надпись «нарушители будут преследоваться по закону».

- Да. Мы единственные, кто должен здесь находиться.

- И что это, черт возьми, значит?

- Ты не понимаешь? - спросила Тамара, на ее губах играла улыбка.

- Понимаю что?

- Леви, это наш остров. Мы владеем им.

Леви сделал глубокий вдох.

- Как только завещание вступит в силу?

- Нет, сейчас, - ответила она. - Папа с дедушкой заключили сделку. Папа согласился жениться на маме, и дедушка в обмен за это отдаст ему остров. Мама не знает об этом месте. Папа не любил ее, но и не ненавидел. Он не хотел, чтобы она знала, что единственной причиной, почему он женился на ней - это этот остров. Когда я родилась, он убедился, что остров также будет принадлежать и мне. Ему и мне. Не то, чтобы я знала, что мое имя было в документе. Боуэн Берри рассказал мне, когда я написала ему.

- Значит, он твой.

- Наш, - поправила она. - Мы теперь женаты.

- Я владею островом, - ответил он.

- Не слишком радуйся, - посоветовала она, оглядывая деревья, окружающие их и сжимающиеся все плотнее. - Остров не очень большой.

- Не очень большой остров? Не много ли ты хочешь, Ржавая?

Тамара усмехнулась, и Леви сжал ее колено, затем и свое. Это по-настоящему? Как такое могло случиться? Только в его воображении были такие деревья, такие высокие, горделивые и изящные. Они казались старше самой земли, старше времени. Это было нетронутое место, и Леви ощутил его святость. Он не сказал об этом Тамаре. С ее познаниями в Библии она наверняка считала его дикарем. У древних греков были святые рощи, где они поклонялись Богам. Он не верил в их Богов, но теперь он понимал, почему они выделяли целые леса для своих священных божеств. Какой Бог выберет созданный человеком храм, когда мог сам построить храм из деревьев?

- Черт, забудь о садах. Им стоило назвать это место «Леса Эдема», - сказал Леви.

Тамара ничего не ответила, только указала на поворот. Он повернул направо, на другую дорогу, темнее, уже и еще больше окутанную деревьями, чем первая. Испанский мох касался крыши их пикапа, пока они ехали. Леви не мог ехать быстрее десяти миль в час, потому что дорога была очень запущенной. Ветки деревьев снова и снова загораживали им путь, что ему приходилось или останавливаться, чтобы убрать их с пути, или ехать так медленно, что можно было услышать треск древесины под колесами. Солнце все еще было высоко, скорее всего, но они не видели, откуда исходил свет. Он не знал, где океан, не знал, где материк. Он ощущал головокружение, но не дезориентацию, теплое приятное ощущение, когда бесцельно идешь пьяным утром.

- Приехали, - сказала Тамара, когда они медленно повернули.

Впереди был маленький дом, на первый взгляд не такой впечатляющий как Арден со своим великолепием Старого Юга. Но Леви не сравнивал его с Арденом. Арден, казалось, теперь был в миллионе миль отсюда и всегда будет домом Джорджа Мэддокса, даже если однажды станет собственностью Леви. Но этот мог быть его

домом, и он полюбил его с первого взгляда. Бунгало было выкрашено в белый цвет с бирюзовой отделкой. Леви заметил пол и потолок на крыльце, выкрашенные в такой же небесно-голубой. Крыша была крутой, и с верхнего этажа выглядели два мансардных окна. Повсюду вокруг дома росли полевые цветы, едва не забираясь на крыльцо. Он отказывался думать о них, как о сорняках, даже если они и были таковыми. Они были слишком красивыми, чтобы носить это уродливое название.

Тамара открыла дверь пикапа до того, как он успел обойти его и открыть сам. Она поднялась на крыльцо с пустыми руками. Леви взял сумки и вещмешок. Он поставил их на пол крыльца, который неплохо было бы подмести. Вблизи Леви заметил слой грязи, пыли соляных разводов, покрывающих весь фасад дома. Это его не беспокоило. Они предавали ему чувство назначения. Это был его дом или будет, со временем. Он с удовольствием приведет его в порядок.

Он открыл первую дверь и повернул ручку.

- У тебя есть ключ? - спросил он. Тамара стояла рядом с ним, так близко, что их тела соприкасались. Она вытянула руку вверх к дверной раме, достаточно высоко, чтобы обнажить пару дюймов кожи под рубашкой. Она достала ключ и протянула ему.

- Не хочешь оказать честь? - спросил он. - Я открыл ворота. Ты можешь открыть дом.

Она покачала головой.

- Ты открывай.

- Что не так?

Она выглядела бледнее, чем обычно.

- Ты первый входи, - ответила она. - Пожалуйста?

- Почему? - подразнил он. - Боишься, что там волк, и хочешь, чтобы он меня съел, а не тебя?

- Этот дом... - ответила она.

- Что с ним?

Тамара посмотрела ему в глаза.

- Тут умер папа. Когда он... понимаешь.

Когда он выстрелил себе в голову.

Леви долго и пристально смотрел на нее и нашел лишь честное лицо девушки и искренний страх перед тем, что могло остаться с того дня.

- Поэтому ты не хотела рассказывать, куда мы едем, - сказал Леви. - Ты знала, что я откажусь?

- Я хочу быть здесь. Правда, - ответила она. - Мне необходимо быть здесь. Я... Пожалуйста, не мог бы ты войти первым? Просто на всякий случай?

На всякий случай.

На всякий случай, если в доме осталось что-то от Нэша.

- Хорошо, - ответил Леви. - Жди на пороге. Я посмотрю, нет ли там призраков или волков, или хуже того, тещи. Если я не вернусь через пятнадцать минут, не вызывай копов. Позвони кому угодно, кроме копов.

Сначала ключ не захотел двигаться. Медный замок превратился в зеленый, и Леви поместил в свой список дел починить или заменить этот замок. В этом месте они могут задержаться. И он может оказаться полезным.

Леви вошел в дом и закрыл за собой дверь. На автомате он нашел выключатель, но, когда повернул его, свет не загорелся. Нет электричества. Что же, на сегодня и этого было достаточно. В гостевой было тускло, но не темно. На каминной полке он нашел фонарь и рядом с ним коробку спичек. Он зажег его и понял, что фонарь и спички выглядели новыми, словно кто-то их оставил здесь. Возможно, так оно и было. Подняв

фонарь, Леви обнаружил, что гостевая комната в хорошем состоянии, с белыми простынями. Он стянул одну, освобождая диван такого же цвета, как и крыльцо, с деревянными подлокотниками и ножками, украшенными резьбой в виде бабочек и стрекоз. Подходящее кресло. Дубовый стол. Лампы на стене. Ни одна из них не работала, но когда-то в этом коттедже было электричество. Может, стоит позвонить в энергетическую компанию? Или он сможет найти блок с предохранителями? Камин был пуст, но выглядел чистым. Никакого пепла. Никаких старых бревен. Стены были обиты старыми деревянными панелями, но побелили их не так давно.

Кухня была маленькой, но аккуратной, старомодной. Она однозначно не была похожа на кухню богатого человека. Без микроволновой печи. Без кухонного комбайна. Серый стол из огнеупорной пластмассы и белый холодильник выглядели так, будто их забрали со съемок Оззи и Харриет¹⁴. Большая белая фарфоровая раковина стала домом для паутины, которая растянулась от окна до крана. Леви не был суеверным, но убийство в первую ночь в новом доме казалось неправильным. Он поймал паука в стакан и выпустил его. Когда он повернул кран, сначала пошла бледно-розовая вода, но спустя минута вода была прозрачной. Он наполнил ей сложенные ладони, ополоснул лицо и сделал несколько глотков. Лучше он сразу узнает, пригодна она для питья или нет. Лучше он заболит, чем Тамара. Но на вкус она казалась чистой и свежей после того, как стекла ржавчина из труб.

Шкафчики не были пустыми, но близко к тому. Две тарелки. Два стакана. Один для Нэша Мэддокса, и запасной на случай, если первый разобьется?

Или один для Нэша Мэддокса, а второй для кого-то еще?

Ванная внизу тоже выглядела нормальной. Фарфоровая ванная, должно быть, была яркой в свои лучшие дни, то есть во времена первой мировой войны. На дне покрытие стерлось, но все еще она была неплохой, привлекательной и чистой. Маленькая раковина. Зеркало в белой деревянной раме. Туалет, слава Богу. Месяц или два они могли прожить без электричества, если придется. Но сантехника была необходимостью, особенно, теперь, когда у него была жена

Леви начал подниматься по деревянной лестнице, неся перед собой фонарь. Две спальни на втором этаже, одна слева от лестницы, вторая - справа, сводчатые потолки, деревянные полы. Милое место. Полтора этажа достаточно для двух человек. И обе комнаты были обставлены мебелью, это хорошо, раз он не собирался спать с Тамарой.

Его облегчение странным образом ощущалось, как разочарование.

В большей спальне стояла полноразмерная кованая кровать и бело-синий ковер. Но маленькая комната привлекла внимание Леви. У двуспальной кровати была кованая рама, похожая на раму в первой комнате, но ковер был розовым. Розовым? Не похоже на цвет, который выбрал бы мужчина. Он осмотрелся и обнаружил на полках книги – «Длинноногий папочка», «Таинственный сад», «Черный красавец», «Энн из Зеленых крыш». Книги для детей. Книги для девочек. Розовая ковбойская шляпа, висящая на ручке шкафа. Нет, шляпа ковбойши. И серебряная статуэтка лошади на подоконнике: передние ноги высоко подняты в воздух, развевающаяся грива. Когда Леви повернулся к двери, он увидел деревянные блоки над дверной рамой и нарисованные на них буквы.

T-A-M-A-R-A

Что за нахрен.

¹⁴ прим.: «Приключения Оззи и Харриет» — длинный американский ситком, который транслировался на ABC с 3 октября 1952 года по 26 марта 1966 года, на протяжении четырнадцати сезонов. Шоу рассказывало о жизни семьи Нельсонов, а Оззи Нельсон и Харриет Нельсон исполняли в нём ведущие роли

Отец Тамары заботливо обставил комнату для нее, выбрал книги и ковер, и лошадь. Он планировал привезти ее сюда, но вместо этого покончил с собой. Новость, что Тамара не его биологическая дочь убила его любовь к ней? Нет. Он читал предсмертную записку. Нэш Мэддокс любил дочку до самого конца. Так почему он убил себя вместо того, чтобы привезти ее сюда? Леви знал, что Нэш Мэддокс не интересовался женщинами. Он не понимал этого, будучи любителем женщин, но никогда не осуждал ни мужчин, ни женщин за их постельные предпочтения. Как сказал дядя Андре, когда ему было шестнадцать: «Пока никто не пострадал и не напугал лошадей, делай что хочешь и держи все детали при себе». Хороший совет, которому он всегда следовал. Не похоже, что Нэш Мэддокс пугал лошадей. Тамара говорила, он всегда был хорошим отцом, и она определенно была бы счастливее с ним здесь, чем со своей матерью. Мертвые были хорошими хранителям секретов, и Леви успокоился, не зная ответа. Так ему будет проще. Но сложнее для Тамары.

Леви оставил комнату нетронутой. Тамаре будет больно видеть ее, но любовь причиняет боль, и он не собирался запрещать видеть ей последнее проявление любви ее отца.

Но он не был ее отцом. Они вообще не были родственниками, Нэш Мэддокс и Тамара. Нэш был родственником Леви. Впервые после того, как он узнал, что Джордж Мэддокс был его отцом, Леви осознал, что Нэш Мэддокс был его братом. Теперь покорное принятие жизни Нэша и его смерти превратилось в гнев. Его собственному брату угрожали и втянули в брак с матерью Тамары. Его собственный брат планировал спасти Тамару от плохого влияния матери и дедушки. У его брата не осталось выхода кроме суицида, когда план провалился. Леви позволил себе мгновение скорбеть по сводному брату. Любой мужчина, который мог любить не своего ребенка как своего, был хорошим человеком, и Леви хотел бы знать своего брата, хотел бы спасти его. Но он спас Тамару. Ради его брата он позаботится о своей жене. Он защитит ее от матери так, как хотел Нэш. Он даже защитит ее от себя.

Леви глубоко вдохнул, успокаивая себя, отпуская злость, по крайней мере, сейчас, по крайней мере, ради Тамары. Внизу он проверил последнюю комнату. Похожа на кабинет, маленькая, с деревянным столом у окна, креслом и комодом для документов. Он открыл один ящик и нашел лишь счета, карточки и ящик для алкоголя. Леви нигде не заметил крови или дырки от пули, или чего-либо еще, чего Тамаре не следовало видеть. На деревянном полу под столом было бледное пятно, где должен был лежать ковер. Здесь Нэш и застрелился? Кровь впиталась в ковер? Одно стекло в окне выглядело чище и новее, и ярче остальных. Должно быть, туда угодила пуля. К счастью, кто-то заменил стекло. Они убрали ковер, починили окно и вымыли все. Кто-то подготовил для них дом. Но кто?

Леви открыл ящики стола в поисках запасного ключа. Верхний ящик застрял, и когда он дернул его, из него вылетел листок бумаги, с того места, где тот застрял. Леви повернулся к окну и изучил его на свету.

- Нэш, ты дьявол, - произнес Леви.

Это был полароидный снимок двух мужчин, сидящих на желтом шезлонге в лучах солнца. Один был белым, в котором Леви сразу же узнал Нэша Мэддокса. Рядом с ним сидел чернокожий мужчина, примерно одного возраста с Леви. Нэш выглядел так же, когда Леви видел его в последний раз несколько лет назад. Значит, эта фотография была сделана незадолго до его самоубийства. На фотографии Нэш выглядел хорошо, его черные волосы гладко зачесаны назад, и он широко улыбался. Чернокожий мужчина на фото был красив, как звезда фильмов. У него были раскосые глаза, и он напоминал старые изображения фараонов. Он выглядел подтянутым,

высоким и сильным, его рука небрежно обнимала Нэша за плечи. Оба мужчины на фотографии из одежды имели на себе только улыбки.

Ну надо же, вот почему Нэш уезжал на «Остров Невесты» при каждом удобном случае. Леви не мог придумать никакого другого объяснения, почему они были вместе на этой фотографии и в такой позе. Чернокожие мужчины в Южной Каролине не сидели обнаженные на пляже рядом с белыми мужчинами без веской причины. Если они спали вместе, это была очень веская причина.

Нэш... его брат. Его мертвый брат.

- Зачем ты это сделал, мужик? - спросил Леви фотографию. - Ты выглядишь чертовски счастливым. Что произошло?

Леви не был рад смерти Нэша, но он был рад, что никто не ответил на этот вопрос. Из-за причастности семьи Мэддокс Леви, возможно, и не хотел знать.

Леви думал сжечь фотографию, но передумал. На фотографии были двое мужчин, и пока один из них был мертв и похоронен, второй мог быть живым и, возможно, захочет вернуть ее однажды. Леви нашел тонкую коробку для сигар, полную шариковых ручек, и засунул фотографию туда изображением вниз. Кем бы ни был мужчина на фото, он был важен для Нэша, но Тамаре не нужно было ее видеть.

Проверка закончилась, Леви подошел к крыльцу и открыл дверь.

- Волков нет, - ответил он. - Только один паук, и я уже выпустил его на волю. Хочешь зайти?

Тамара улыбнулась. Она подошла к нему и обняла, чего он не ожидал.

- Спасибо, - сказала она, и он медленно обнял ее в ответ. Поскольку она вцепилась в него мертвой хваткой, он приподнял ее на фут и игриво перенес через порог.

- Дом выглядит хорошо, - сказал Леви. - Нет электричества. Возможно, нужны новые предохранители. Завтра мне придется съездить в город и купить кое-что.

- Мистер Берри сказал, здесь часто перегорают предохранители. Ураганы, плохие линии электропередач и прочее.

- На одну ночь нам и фонаря хватит. Но будь осторожна на лестнице. Спальни наверху. Ванная внизу. - Леви оставил ее с фонарем и занес пакеты и вещмешок в дом. Внизу стояла крошечная тьма. Леви видел только тусклый свет, скользящий вниз по ступеням. Черт. Он хотел предупредить ее, прежде чем она пойдет наверх.

Он поспешил наверх и нашел ее в девчачьей комнате - ее комнате, или комнате, которая должна была стать ее. Ей не потребовалось много времени, чтобы понять, кому она должна была принадлежать. Она села на голый матрас у окна и провела пальцем по носу лошади.

У ее ног стоял фонарь и в мягком свете, в комнате, созданной для ребенка, и ее ногами, едва достающими до пола, она выглядела, как маленькая девочка. На ее щеках были слезы маленькой девочки и слышалась боль маленькой девочки в голосе, когда она произнесла его имя.

Леви подошел к ней, и Тамара наклонилась вперед, обнимая его.

- Он собирался привезти меня сюда? - спросила Тамара.

- Думаю, да.

- Почему он не сделал этого?

- Я не знаю, милая, - ответил он, ласковое обращение слетело с его языка прежде, чем Леви успел остановиться. - Что-то произошло, и он не смог. Но, должно быть, он очень любил тебя, раз обустроил это место.

- Я даже не была его дочерью.

- Но он по-прежнему любил тебя.

Она отстранилась и осмотрелась. Леви протянул ей носовой платок, и она вытерла лицо.

Затем она усмехнулась.

- Что? - спросил он.

- Я не читала эти книги с тех пор, как мне исполнилось десять. И я ненавижу розовый цвет.

Леви тоже усмехнулся.

- Ты можешь занять другую комнату, - предложил Леви. - Она голубая. А я займу твою розовую. Думаю, она мне подходит. - Он взял розовую шляпу и надел на голову.

- Мой цвет, правда?

- Ты похож на Безумного Шляпника, - ответила Тамара. Она встала и сняла шляпу с его головы, и надела ее на себя. - Я буду спать здесь. В конце концов, папа сделал эту комнату для меня.

- Пойдем, Алиса. - Он снял шляпу и бросил ее на комод. - День был долгим. Давай готовиться ко сну.

В обеих комнатах также были масляные фонари. Леви зажег каждый фонарь и свечу, которую смог найти в доме, пока все комнаты, кроме кухни и кабинета, не были освещены мягким светом. Тамара заявила, что ее задача - это застелить кровати и распаковать вещи, очевидно, она из всех сил старалась быть женой. Она прогнала его, пока застилала постели. Страдая от боли после вождения и схватки с бравыми ребятами Кентукки, он принял горячую ванну, выпил Тайленол, чтобы унять боль в боку, и отмокал в воде, пока та не остыла.

Леви надел джинсы и ополоснул свою пропитанную потом майку. Он повесил ее и полотенце на сушилку. Он не хотел надевать грязные джинсы, в которых был еще с прошлой ночи, но и ходить обнаженным по дому в одном полотенце тоже не собирался. Жена или нет, Тамаре не нужно было это видеть. Она была девственницей, семнадцатилетней, скрытной, как монахиня, и он планировал сохранить ее такой, пока она не подрастет.

По дороге в постель Леви задул фонарь внизу и поднялся вверх в свою голубую комнату.

Когда он открыл дверь, то обнаружил Тамару под одеялами.

- Ржавая, разве не ты говорила, что будешь спать в розовой комнате?

- Я забыла, как сильно ненавижу розовый цвет, - ответила она.

- Ладно. Спокойной ночи.

Он повернулся к двери, но Тамара позвала его.

Когда Леви развернулся, Тамара села в постели. На прикроватном столике стояла масляная лампа, и, хотя она расплела свою косу, и длинные кирпично-рыжие волосы укрывали ее, он понял, что она обнажена.

- Тамара, мы не будем этого делать, - сказал мужчина, качая головой. Он должен был догадаться.

- Пожалуйста, - сказала она. - Я хочу быть твоей женой.

- Нет.

- Ты сказал, что тоже этого хочешь.

- Я такого не говорил.

- Говорил, на складе.

- Это было несколько дней назад.

- Три дня.

- В возбужденном состоянии мужчина говорит то, о чем будет раскаиваться, будучи спокойным.

- Ты сверхсексуален, когда говоришь причудливые слова.

- Спокойной. Ночи, - снова ответил он твердо, разделяя фразу на два предложения. Он направился в розовую комнату. Лампа все еще горела. В этом свете он увидел клубничные простыни на кровати, полосатое розово-белое покрывало, лошадь на окне, детские книги и розовую шляпу.

Леви развернулся и пошел обратно в голубую комнату. Тамара все еще сидела на кровати, ждала и наблюдала за тем, как он возвращался. Он прикоснулся к волнам ее волос, которые весь день были заплетены в косу. Медленно он смахнул пряди с ее плеча. С левого, затем правого плеча, освобождая ее наготу. Она смотрела прямо, дыша быстрыми неглубокими вдохами через приоткрытые губы.

- Леви?

- Ты права. Розовый действительно уродливый цвет.

Глава 17

Тамара открыла в голубой спальне окно. Леви слышал шелест ветра и ощущал аромат чистого соленого воздуха с океана. Он был сыном Джорджа Мэддокса. Он владел собственным островом. Этот дом был маленьким и красивым. И он собирался заняться любовью со своей женой.

Адская неделька.

Тамара откинулась на подушки, и Леви сел рядом с ней на кровать. Он обхватил ладонями ее лицо, притягивая для поцелуя. Ее губы дрожали. Он не ожидал девственной стеснительности от Тамары, но ощутил ее напряженность и поклялся действовать как можно медленнее. Сердце трепетало в груди, ее страх опьянял его. Жена или нет, он понимал, что не должен этого делать.

- Скажи мне остановиться, если хочешь, - прошептал Леви.

- Я не хочу останавливаться.

Леви поцеловал ее в лоб. Сегодня ничто не могло остановить этот поезд. Они катились вниз по склону без тормозов, и помощи Господь тому, кто окажется на их пути.

Он привстал, полностью стянул с нее одеяла и осмотрел обнаженное тело. Ее груди были правильного размера, достаточно полные для мужчины с большими ладонями, ее соски были бледно-красными, а не розовыми. Ее пупок был маленькой впадинкой. Бедра не слишком широкими, но талия узкой, создавая форму песочных часов. Длинные ноги и сильные голени, и пальчики ног, покрашенные в фиолетовый, а не розовый. Он прижал ладонь к развилке ее ног и тронул мягкие кудряшки.

- Боишься? - спросил он. Она еще не была возбуждена. Только вредность и смелость завели ее так далеко, он видел это по ее вздернутому подбородку и огню в глазах.

- Нет.

- Да, боишься. Знаешь, Ржавая, тебе можно бояться в первый раз.

- Я не поэтому боюсь.

- Тогда почему, детка?

- Потому что идет дождь.

Это был такой странный ответ, что Леви не знал, что ответить. Он посмотрел в окно и да, начался дождь. Он и не заметил, в отличие от Тамары.

- Хочешь, чтобы я закрыл окно?

- Нет, - ответила она, улыбаясь. - Я люблю дождь.

Давным-давно он усвоил одно - когда женщина в его жизни ведет себя странно, лучшее, что он мог сделать, это раздеться. Леви встал и расстегнул джинсы. Он стянул

их к лодыжкам и отбросил в угол. Когда Тамара не запротестовала, он снова опустился на кровать и оседлал ее талию. Она уставилась в потолок, но в тот момент, когда он взял ее запястья, посмотрела на него.

- Почувствуй меня, - сказал он.

Он прижал ее ладони к себе, обвивая пальцы вокруг члена. Он хотел, чтобы она видела его, чувствовала его, знала во что ввязывается, что будет внутри нее. Сначала она просто держала его в руках, легонько сжимая, словно боялась навредить. Ни единого шанса. Сейчас ничто не могло ему навредить. Он был пуленепробиваемым, неуязвимым. У него был собственный остров. Кто кроме Бога или короля мог похвастаться таким же? Тамара нежно пальцем прикоснулась к головке, провела по всей длине члена. Ничто так не возбуждало его, как ее взгляд, когда она смотрела на него, изучая каждый дюйм, каждую венку, каждый изгиб головки. Пока она ласкала его, он ласкал ее, обхватив обеими руками груди. Он сжимал их, массировал, взвешивал в ладонях. Ее соски затвердели, когда он нежно кружил большими пальцами по ним, и цвет стал намного темнее, как цвет ее кирпично-красных волос.

Тамара отпустила его, но тут же нашла новую территорию для исследования. Она прикасалась к его животу, ее пальцы путешествовали по мышцам. Она поднялась к груди, к плечам и по рукам, пока, наконец, ее ладони не накрыли его, все еще ласкающие ее груди.

- Это не больно, - призналась она. Леви озадаченно посмотрел на нее.

- Сейчас и не должно быть больно.

- Я не знала.

Леви улыбнулся. Он снова взял ее руки и прижал их к подушке по бокам от ее головы.

- Тогда, думаю, я должен научить тебя.

Прижавшись к ней, он опустил рот на ее сосок. Она резко вдохнула, и Леви улыбнулся. Он обхватил пик губами и всосал его сначала нежно, но затем вобрал его глубже. С губ Тамары срывались звуки, мягкие стоны и вздохи. Уделяя внимание другой груди, он прижался бедрами к ее, позволяя ей почувствовать всю его длину между ними. Без просьбы сделать это, она развела ноги, и он расслабился в колыбели ее бедер и обнаружил, что никогда не чувствовал себя так, словно он дома.

В комнате было холодно от ночного ветра, но он ощущал только тепло. Тепло от его тела, тепло от ее. Он целовал дорожку между ее грудей к животу и ниже, и ниже, пока его плечи не заставили ее шире развести бедра. Он целовал ее живот под пупком и над завитками.

- Леви? - Его имя прозвучало испуганно.

- Тамара, всё хорошо, - решительно ответил он, но без холода в голосе. Он не мог обвинять ее в испуге. - Тебе лучше начать привыкать.

- Знаю. - И снова ее глаза посчитали потолок самым интересным местом в комнате. Не желая пугать ее, Леви сел. Он шире раздвинул ее бедра и не ощутил сопротивления. Он раскрыл ее нижние губы и посмотрел на нее, желая узнать, как выглядит его жена и снаружи, и изнутри. Он не многое видел в тусклом свете фонаря, но заметил, что она, наконец, была влажной. Он проник в нее пальцем, и Тамара приподняла бедра на дюйм, казалось, все мышцы в ее теле одновременно напряглись. Но рано или поздно она должна привыкнуть к нему, и вариант «рано» нравился ему больше. Жар внутри нее манил его, но он ввел только один палец. Он ощущал мягкость вокруг, как созревали ее внутренние складочки, набухали, раскрывались для него. Он толкнулся вверх и провел прямую линию от ее входа до преграды в лоне, из-за которой он не мог продвинуться дальше. Он проникал и выходил из нее, и ее бедра

двигались в такт. Возле входа он ощутил тугой узелок сжатых мышц, и когда он потерял его, из горла Тамары раздался звук - полустон, полукрик.

Все еще оставаясь внутри нее, в то время как внимание Тамары было сосредоточено на потолке, Леви снова наклонился к ее завиткам. В этот раз она не запротестовала. Теперь, казалось, она была потеряна в себе и не находила слов. Она пахла зноем, на вкус была как пирог, и ему пришлось остановиться себя, чтобы не погрузиться в нее языком. Без просьбы она притянула колени к груди и оперлась пятками о его спину. Теперь она была открытой, каждая часть обнажена перед ним. Он лизнул красную плоть ее лона, обхватил губами клитор и помассировал языком. Под подушечкой пальца ее узелок внутри пульсировал в такт сердцебиению. Он лелеял это познание, словно тайное сокровище. Никто на земле не знал о нем, даже Тамара.

Леви не знал, стоит ли доводить ее до оргазма или нет. Оргазм может сделать ее еще более тугой, хотя и увлажнит. Он добавил второй палец и затем третий без протестов с ее стороны. Все его тело кричало, хотело быть внутри нее, и слово, которое оно кричало это «Быстрее». Его бедра были словно сталь, а член словно железо. Он был весь твердым, а она, казалось, была открытой и готовой, как и любая другая девственница. Поднявшись, он расположился между ее бедер и обернул ее ноги вокруг себя.

- Со светом или без? - спросил он.

- Без, - ответила Тамара между вздохами.

Леви надеялся на такой ответ. Это было начало, а все стоящее начинается в темноте. Он расположил головку между ее складочек, прямо у входа. Когда он наклонился, чтобы задуть фитиль, то проник в нее.

Тамара ахнула. Леви задул огонек. Комната погрузилась в темноту.

Сначала он не ощущал ничего кроме жара, обжигающего жара, податливого и мягкого, и Тамара полностью окутала его. Он снова услышал звук, похожий на странное рычание, и понял, что это от него. Он обнимал ее за талию, опускал ее на себя и сам подавался вперед. Он раскачивал бедрами снова и снова, медленно и даже медленнее, не спеша и не резко, до тех пор, пока она полностью не открылась.

Леви не знал, открыты ли его глаза или нет. В этой темноте это не имело значения. Ему не нужно зрение, когда у него были прикосновения. Он мог чувствовать ее вокруг себя, мягкая теплота согревала его словно расплавленный свечной воск. Ему необходимо было быть к ней ближе. Осторожно он опустил весь вес своего тела на нее. Его руки скользнули под нее, обхватывая ягодицы, чтобы почувствовать работу мышц.

- Вот так, - прошептал он ей на ухо. Он использовал руки, чтобы научить, как двигаться, как приподнимать и опускать бедра, не вверх и вниз как поршень, а медленным чувственными овалом, который позволял ему достичь каждого дюйма внутри нее. Вскоре его способная ученица не нуждалась в наставлении рук. Он подстроился под ее ритм, проникая в нее, когда она приподнималась, и отстранялся, когда опускалась. Сейчас они были единым целым. Другие части их тел были не важны. Тамара была ненасытна в своих движениях, словно она создана для него, и этот акт, который на самом деле не был актом, был полной его противоположностью. Маски сброшены. Притворство сорвано. От ролей отказались.

- Хорошо, детка? - спросил он, нуждаясь в ее одобрении.

- Этого я и хотела, - ответила она. - В тот день... на мой день рождения... именно этого я и хотела. Не...

- Не чего?

- Ничего. - Тамара приподняла голову и поцеловала его. И он немедленно забыл вопрос.

Пока они целовались, и пока он двигался внутри нее, Леви представил, что она чувствует, и надеялся, что ей так же хорошо, как он себе представлял - проникновение, его толщину, раскрывающую ее, ее горящие легкие, пересохшие губы от быстрого дыхания, ее тяжелые и полные груди, пылающие нервные окончания, и их танец под кожей. Он оставил дорожку поцелуев на ее шее и груди, к соскам, потому что знал, что она хотела, чтобы он их целовал и сосал без напоминания. И когда он достиг их, ощутил, как ее влагалище сжалось в ответ. Ее тело было его телом. Его тело было ее телом. Он увидел себя в ее глазах - старше, больше, красивым для нее тем странным образом, которым девушки считают мужчин привлекательным, и знающим то, что она хотела знать. Она завидовала его свободе, тому, что он был мужчиной и мог делать все, что пожелает с кем пожелает, в то время как ей пришлось выйти за него, чтобы избежать тюрьмы ее жизни и тюрьмы ожиданий всего мира. В другом мире женитьба считалась символом постоянства, контроля над собой, исполнением роли женщины в обществе.

Но не для Тамары. Не для этой Тамары. Ей как-то удалось превратить брак в подростковый мятеж. Какие еще мятежи устроит его избалованная девочка?

Леви оперся на руки. Он толкался в нее сильнее чем должен был, но она приняла его. В темноте он видел очертания ее тела, ее груди двигались с каждым толчком, ее голова была запрокинута назад, и руки впивались в его, цеплялись за него, она стонала и задыхалась с каждым толчком. Она хотела этого так же сильно, как и он. Может, больше, раз она никогда этого не испытывала, и потому что ей было семнадцать, и когда он был в этом возрасте, он бы умер без секса и считал подарком всей жизни, когда девушка отдавалась ему. Поэтому он подарил его Тамаре, потому что она нуждалась в нем, хотя и существовало тысяча причин, почему им не стоило этого делать, но ни одна из них не была достаточно веской, чтобы остановиться.

Зная, что он больше не продержится, Леви перенес вес на одну руку и дотронулся до того места, где они соединялись. Он хотел ощутить момент, когда это произойдет, ощутить его пальцами, ощутить насколько она была мягкой под его твердостью. Он обнаружил ее набухший и пульсирующий клитор и скользил по нему, пока объезжал ее, сосредоточив все внимание на единственной цели - довести ее до оргазма во время ее первого раза. Он должен был. Его самоуважение зависело от этого. Чем больше он скользил по нему, тем сильнее она сжималась и резче дышала, и больше стонала, хныкала и извивалась. Ее пальцы впились в простыни так сильно, что он подумал, что она может их порвать, и ее бедра так высоко поднялись, что она едва не подняла его вместе с собой.

Они оказались там. Вместе. Все остановилось, замерло, напряглось, натянулось, как канат эквилибриста. И они вместе балансировали на грани, держались, не моргали, не видели, слишком туго, чтобы дышать, и они толкали, толкали и толкали друг друга, пока давление стало невыносимым, совершенно, совершенно невыносимым...

...и тогда все случилось. Тамара закричала. Ее спина опала. Ее внутренние мышцы трепетали и дрожали вокруг него, пока он кончал, изливаясь в нее, когда они рухнули друг на друга, вне контроля, извергаясь тысячей маленьких взрывов вдоль каждого нерва в их телах.

И все закончилось. Ничего не осталось кроме отголосков, рваных вдохов, разделения и неизбежного созерцания того, что только что произошло.

Леви обнял Тамару и перекатился так, чтобы он лежал на спине, а она на нем, ее голова на его груди, ее ноги на его ногах. Сейчас все было реально. Они были мужем и женой. Она потеряла с ним девственность. И он утратил кое-что тоже, хотя и не был уверен, что именно, только он не смог бы это вернуть. И сомневался, что будет скучать.

- Значит, так и должно быть, - сказала Тамара, и он ощутил, как ее грудь двигается от его смеха. Пот капал с ее лба на его плечо, и семя вытекало из нее на его бедра.

Это была странная фраза, но он слышал и более странные вещи после секса. Леви пригладил ее волосы, погладил по спине и прижал ближе.

- Так и должно быть. - Он пытался быть зрелым на свой возраст. У него никогда не было такого секса, словно они были одним человеком, одним телом и кровью. Это пугало. Ему это не нравилось, но и в то же время он хотел большего. Заниматься сексом с Тамарой было похоже на кайф и опьянение одновременно. Он задрожал от ночного воздуха, словно человек в белой горячке, и притворился, что ее вызвал холод.

- Тебе страшно? - спросила она. Должно быть, она ощутила его дрожь.

- В ужасе. Ты животное. Я отключаюсь.

Тамара рассмеялась, человеческий звук, нормальный. Он глубоко вдохнул и заставил свое сердце успокоиться, но оно не подчинилось. Ему казалось, будто он проснулся от ночного кошмара - пропитанный потом, с бурлящей кровью в венах и страхом, диким иррациональным страхом. В детстве у него случались ночные кошмары, но несколько лет их не было, и он никогда не просыпался. Сколько бы он ни говорил себе, что все хорошо, с ним все было хорошо, его сердце снова и снова стучало, словно оно хотело покинуть его тело.

- Я не должен был кончать в тебя, - произнес он, найдя источник своего страха. - Я хотел остановиться, но не смог. Ты же на таблетках, верно?

Тамара скатилась с него и от него.

- Нет.

Глава 18

Как только Тамара произнесла это, она поняла, что сказала глупость. Она должна была солгать, но не смогла, не после того, что он сделал с ней. Не после того, что он заставил ее испытать.

- Нет? - повторил Леви. - Нет? Ты позволила себя трахнуть и...

- Мы женаты. Мы должны были это сделать.

- Тебе семнадцать, и я не хочу заводить с тобой ребенка.

Она почувствовала, как прогнулась кровать и обернулась как раз в тот момент, когда Леви надевал джинсы.

- Что значит, ты не хочешь со мной детей?

- Мне не нужны дети. С детьми ты в ловушке.

- Я не пытаюсь заманить тебя в ловушку.

- Почему ты не сказала мне, что не принимаешь таблетки?

- Я не думала, что это так важно.

- Ты не думала, что это так важно? Не важно? Тамара, этот брак не настоящий. Помнишь? Помнишь, почему мы это делаем? Я помогаю тебе получить компанию твоей матери. А я получаю свою конюшню. Помнишь тот разговор?

- Не настоящий брак? - Она натянула покрывало до шеи, и Леви поджег спичку и зажег лампу. Она хотела, чтобы он этого не делал. Теперь она видела его лицо, и она никогда не видела его таким злым. - Мы...

- Мы трахались. Вот и все. На этом все. Я трахался со многими женщинами. И никто не заставил меня жениться на них.

- Но ты женат на мне.

- Ненадолго.

- И что это значит?

- Значит, что мы закончили. Завтра мы убирается отсюда ко всем чертям. Мы вернемся в Кентукки. Я подам заявление на развод. Можешь оставить себе свои деньги, можешь оставить себе конюшню, можешь оставить себе все, потому что больше я не хочу иметь с этим или с тобой ничего общего.

- Но Леви...

Он взмахнул рукой, будто прервал ее слова и вышел из комнаты.

- Мы закончили, - повторил он. - Мне не следовало доверяться проклятой Мэддокс. Ты такая же, как твоя мать.

Он хлопнул за собой дверь.

- Я не Мэддокс! - прокричала Тамара, животный звук, который напугал даже ее, вырвался из ее тела.

Она села и дышала тяжелее, чем когда Леви был внутри нее.

- Я не Мэддокс, - снова произнесла она, в этот раз тише, обращаясь к себе.

Тамара выбралась из постели, морщась при каждом движении. Внутри все болело. Секс с Леви не был болезненным, не таким как она думала. Внутри нее не было боли. Вместо этого она ощущала себя опустошенной, словно он выскреб ее внутренности и открыл те части, которые были обнесены стеной, позволяя свежему воздуху и солнцу проникать внутрь. Она не хотела закрывать эти части, не так скоро после того, как увидела свет.

Когда она встала, то ощутила, как из нее вытекает жидкость, покрывая бедра. Тамара осмотрела комнату и не нашла ничего кроме угла простыни, чтобы вытереться. Вытирая себя Леви с себя, все стало слишком реальным. В голове все так легко было планировать: свадьбу с Леви и беременность, чтобы наказать маму. Но сейчас все было реальным, а не фантазией. О Боже, она могла забеременеть. Она действительно уже могла быть беременной. И Леви уходил от нее.

Она не хотела плакать, но все равно расплакалась, пока надевала сорочку. С того дня, как она встретила с Леви, девушка хотела его, и иметь его было намного лучше, чем хотеть его. Разве он не знал, как ей трудно было позволить ему сделать это с ней? Разве он не знал, что это значило для нее... Нет, не знал. Он не знал, потому что она не рассказала ему. И сейчас она не могла рассказать. Он посчитает, что она солгала, чтобы заставить его остаться с ней. И если он думал, что она врала, так или иначе, это уже не имело значения, потому что она больше не хотела его видеть.

Тамара взяла лампу и вышла из комнаты. Осторожно она спустилась по ступеням, боясь упасть в темноте, боясь пауков, боясь змей. Она сжала крестик на шее и погладила его для спокойствия и на удачу.

- Леви?

Он не ответил. Она снова позвала его. По-прежнему без ответа. Она осветила фонарем гостиную, кухню, ванную комнату. Нет Леви, нет Леви, нет Леви. Она зашла в маленький кабинет, но не смогла переступить через порог комнаты, где папочка покончил с собой. Она по-прежнему шептала имя Леви. Его и тут не было.

Уже рыдая, она поднялась по ступенькам вверх. Дверь в розовую спальню, в ее спальню, была закрыта. Она поставила лампу на пол рядом с дверью. Она подергала ручку и поняла, что та заперта. Леви заперся в ее спальне. Нет. Она была заперта.

- Леви...

- Иди спать, Тамара.

- Я должна поговорить с тобой.

- Иди спать. С разговорами покончено.

- Но...

- Ты больше ничего не можешь сказать, чтобы все исправить. Поэтому мы закончили.

Тамара прижала ладони к двери, словно могла по желанию волшебным образом открыть ее.

Она понимала, что должна уйти. Знала, что должна была его оставить одного, чтобы он остыл. Но внутри нее была его сперма, и они были в доме, где застрелился ее папа, и она была напугана. Она не была такой напуганной или жалкой с той ночи во время наводнения.

- Мама хотела убить Кермита, - сказала Тамара. Она произнесла это тихо, но, должно быть, Леви услышал, потому что через минуту дверь открылась, и она едва не ввалилась в комнату.

- Что ты сказала?

Тамара шагнула назад, боясь сделать еще хуже.

- Мама. В мой день рождения. Я должна была выбрать - или она убьет Кермита, или уволит тебя. Мне пришлось выбирать. Вот что она сделала, чтобы наказать меня за поцелуй с тобой. Твоя работа или моя лошадь.

- Твоя мать сделала это?

Тамара кивнула.

- Что ты выбрала?

- Я должна была выбрать твою работу, но не смогла. И не смогла выбрать Кермита. Я сказала, что заберу тебя и Кермита, и мы уедем, а она может застрелиться. Она ударила меня и ушла. Прости.

- За что?

- За то, что не смогла спасти твою работу.

- Думаешь, я бы выбрал работу, а не твою лошадь? Есть и другие рабочие места.

- Есть и другие лошади.

- Твой папа подарил тебе Кермита.

- Да, подарил.

- Твоя мать злая женщина.

До ночи наводнения Тамара никогда бы так не подумала. Была ли ее мать сумасшедшей? Да, но дедушка всех сводил с ума. И кто мог осуждать ее, когда ее муж покончил собой? И они часто ссорились, она и ее мать. Зачастую она не могла сказать, что любила маму. Но злой? Нет, Тамара никогда бы такого не сказала о маме до той ужасной ночи. Ей стало жаль ее. Даже в том большом доме с большим Кадиллаком и кредитными картами, которые оплачивал дедушка, в ее маме было что-то, что всегда напоминало Тамаре собачку, которую слишком часто пинал собственный хозяин. Но жалость давно исчезла. Ее мать убила жалость.

- Да, думаю она такая, - ответила Тамара.

Леви выдохнул и прижался лбом к дверной раме. С горящим фонарем между ними Леви был похож на приведение, и она представила, что так же выглядит и сама. Их тени вытянулись к потолку. Она никогда не была такой высокой, высокой, как мужчина, высокой, как монстр.

- После того, как твоя мать уволила меня, у меня была эта фантазия, - признался Леви. - Что я вернусь в Арден ночью и постучу в твоё окно.

- Ты знал, где мое окно?

- Последнее окно с боку дома, ближайшего к дороге. Да, я знал, где твоё окно.

Тамара открыла рот, чтобы ответить, но решила промолчать.

- Я бы постучал в твоё окно посреди ночи, и ты бы меня впустила. А потом, на твоей кровати, я бы затрахал тебя. И на следующую ночь сделал бы то же самое. И

следующей. И каждую ночь, пока ты бы не забеременела. А затем знаешь, о чем я мечтал?

- Нет, - ответила она, ее голос едва был громче шепота.

- Я бы бросил тебя. Бросил беременную наедине с матерью, и тебе бы пришлось признаться, что ты беременна, и ребенок от меня и только меня.

- Это была твоя мечта? - У нее тоже была такая мечта. Кроме последней части. Последней части, которая была кошмаром каждой девушки.

Он кивнул.

- Моя фантазия. Моя ужасно уродливая фантазия о расплате за то, что сказала и сделала твоя мать. Я рассказываю тебе не потому, что горжусь этим. Нет. Дядя Андре убьет меня собственными руками, если я сделаю такое с тобой или другой девушкой. Но вот ты, превращаешь меня в человека, которым я не хочу быть. Не делай этого со мной. Делай что угодно, но не это, Тамара.

- Я не этого хотела, клянусь, - попыталась убедить она. - У меня была такая мысль, такая же, как и у тебя. Мама ненавидит тебя больше, чем кого-либо во всем мире. Я, беременная твоим ребенком, доведу ее до безумия. Это ее убьет.

- А ты хочешь ее убить.

- А ты бы не хотел?

- Иди спать, Тамара. Поспи немного. Мы поговорим об этом утром.

- Этом? О чем мы поговорим утром?

- Думаю, о том, что мы собираемся делать.

- Ты разведешься со мной?

- Думаю, в конечном итоге, да. Такова и была цель, верно?

- Да, но это было раньше... понимаешь.

- Понимаю.

- Ты ненавидишь меня?

- Нет, я не ненавижу тебя. Я не счастлив с тобой, но тут мы оба виноваты. Больше я. Я взрослый. А ты нет. Я должен был позаботиться об этом, а не перекладывать все на твои плечи. Это моя обязанность.

Она знала, что он хотел ответить, и это причиняло боль. Она знала, что он имел в виду под «Ты глупый ребенок, и я не должен был доверять тебе». И, может быть, он был прав. Может, ему не стоило доверять ей.

Но она не была глупым ребенком.

- Я пойду спать, - произнесла она. - Если мы должны... Если мы должны пойти к доктору, чтобы разобраться с этим, то сделаем это.

Он медленно кивнул.

- Да, так всегда. Это было всего один раз. Посмотрим, что будет.

- Хорошо, - сказала она. - Посмотрим. - Она посмотрела на него. - Спокойной ночи.

- Верно. Спокойно ночи.

Леви начал закрывать дверь, но остановился.

- Я знаю, ты ненавидишь ее, - начал он. - Я тоже ее ненавижу. Но не порти мою жизнь, пытаясь испортить ее, хорошо?

Тамара сглотнула ком, у которого оказался привкус вины.

- Не буду. Прости.

- Ты не виновата. Не виновата. Я не должен был терять голову. В таких вещах я должен быть главным, понимаешь? Каждая девушка на земле принимает таблетки. Кроме той, на которой мне посчастливилось жениться.

- В то время это казалось хорошей идеей.

Он тяжело вздохнул. Один из старых раздраженных вздохов Леви, которые она обожала.

- Ты правда думаешь, что сможешь справиться с ребенком? - спросил он.

- Что ты имеешь в виду?

- Ты ведь понимаешь, что он может быть темнокожим, верно? Я светлый, но не значит, что и мои дети будут такими. Иногда так бывает. Есть темнокожие женщины такие светлые, что их принимают за белых, и они выходят за богатых белых мужчин, и каждая беременность - это игра в ожидание. Будет ли ребенок белым? Темным? Никогда не угадаешь.

- Ты поэтому не хочешь заводить со мной детей?

- Списком причин, почему я не хочу иметь с тобой детей, можно обклеить весь дом. Но если ты хочешь знать причину номер один - потому что я не хочу иметь детей. Точка. Не в этой жизни, по крайней мере. Я не могу довериться этому миру своих детей. Я знаю, что он делает с такими, как я.

- Но ты достаточно светлый, чтобы быть белым.

- Но я не белый, - ответил он так же, как и она сказала: «Я не Мэддокс». - Я знаю, что ты делаешь мне комплимент, говоря такое, когда это не так.

- Не думала, что ты воспримешь это как комплимент. И не думала, что ты примешь это как оскорбление.

Леви тяжело выдохнул.

- Когда мне было четырнадцать, мы с мамой переехали из Франкфорта в Лоуренсбург. Я пошел в новую школу. Новенький в школе. В большинстве своем белая школа. И так никто ничего не знал обо мне. Я сдал тесты, и меня определили в лучший класс. Девушки флиртовали со мной. Парни хотели сидеть со мной за одним обеденным столом на перерыве. Тренера говорили мне попробовать себя в футбольной команде, раз я на полфута выше, чем остальные в классе. Я был новым человеком, заново рожденным. Эта школа протянула мне ключи от царства. Спустя две недели после начала учебы на родительское собрание пришла мама. И это стало концом Возрождения Леви Шелби. Знаешь, что я больше всего ненавижу?

- Что? - спросила Тамара.

- Те две лучшие недели в моей жизни.

Тамара смотрела на свои белые ступни на выбеленном полу.

- Я так злился на маму за то, что она все испортила, - продолжил он. - Я собирался высказать ей все после школы, сказать, чтобы она больше не приходила в школу. Я пришел домой и увидел ее, она стояла на четвереньках на кухне, оттирала линолеум. Весь день она убиралась в домах и возвращалась домой и убирала наш. Мне было стыдно за себя, так стыдно, что я взял тряпку и опустился на пол рядом с ней. Но я скорее был зол, нежели пристыжен. Эти белые дети заставили меня презирать собственную маму. После этого я не хотел быть одним из них. Моя мама стояла миллион таких, как они. И ты ждешь, что я приведу ребенка в этот мир, который сделает с ним такое? Заставить его ненавидеть собственную маму? Я - семья для тети Глории и дяди Андре. Им все равно, что я как бельмо на глазу на семейных собраниях. Я их кровь. И мой отец дал мне работу выгребать дерьмо за лошадьми из его конюшни. Где же мое приглашение на семейные собрания Мэддоксов?

- Но я видела пару твоих девушек. Ты встречался с белыми девушками.

- Я трахал белых девушек. Вот в чем разница.

- Но почему, если...

- Потому что я трахал их.

Это были самые холодные слова, которые она когда-либо слышала от него. Холодные и медленные.

Потому что. Трахал. Их. Три пощечины.

- Вот почему... почему ты поцеловал меня в мой день рождения?

- Нет, - выдохнул он, потирая лоб. Она с уверенностью могла сказать, что он не хочет этой беседы. - С тобой все было по-другому.

- Почему?

- Потому что ты... милая. Но больше ты не такая милая, верно?

Четвертая пощечина. Пока что самая сильная. Она больше не была милой. Нельзя держать своего дедушку под холодной и мерзкой водой от потопа, пока он не перестал сопротивляться, и все еще оставаться милой. Он тоже отнял у нее это, как и дедушка. Он забрал ее очарование, и она никогда его не вернет. Однажды она признается самой себе, что хотя она и была рада, что он мертв, тот факт, что именно она была убийцей, так и не принес ей счастья.

- Прошлый год я провела, думая о том, как сильно ненавижу свою семью, как сильно хочу навредить им.

- Им? Тамара, их не существует. Все Мэддоксы, кроме меня, мертвы, верно?

- Думаю, да. - Она знала о нескольких двоюродных и троюродных кузенах, но они не были в бизнесе и не были частью линии Джейкоба Мэддокса.

- Что ты собираешься делать? Вернуться в прошлое и убить их всех?

- Хотела бы. - Она так холодно ответила, что Леви немного напрягся.

- Ржавая... что на самом деле здесь происходит?

- Папа, Нэш, не был моим отцом, но он был единственным в семье, кто любил меня. А потом папа убил себя из-за того, что дедушка заставил его жениться на маме.

- Я знаю и знаю, что это неправильно, но теперь они оба ушли, и ты ничего не можешь сделать, чтобы предотвратить то, что произошло с Нэшем. - Леви прикоснулся к ее плечу. Его голос был успокаивающим, а прикосновение мягким. Но она не стала спокойней, это не утешило ее. - Ты не можешь причинить боль людям, которые уже мертвы.

- Нет, - ответила она, шагая от него. - Но я могу попытаться.

На этот раз Леви ничего не ответил. Он только покачал головой.

- Можешь спать в голубой комнате, - наконец сказала она. - Я хочу спать в этой.

- Она розовая, - напомнил он ей. - Ты ненавидишь розовый.

- Папа не знал об этом. Он сделал эту комнату для меня. И я ею воспользуюсь.

- Приятно слышать. - Он направился в голубую комнату.

- Почему ты это делаешь? - спросила она, и Леви остановился.

- Делаю что? - поинтересовался Леви, но у нее было ощущение, будто он знает, о чем она спрашивала.

- Со мной. Почему ты делаешь это со мной? - Тамара ощутила, как к лицу прилил жар. Она хотела потерять девственность, волшебным образом превратиться во взрослую, которая могла говорить о таких вещах, не краснея, как ребенок. Но пока не получалось.

- Обычная причина, по которой мужчина трахает красивую девушку.

- И это все?

- Закончил то, что мы начали на твои шестнадцатилетие. И сейчас мы женаты, верно? Вроде как.

- Мама с папой никогда не спали вместе. Он так написал в предсмертной записке.

- Что же, тогда, Ржавая, вот он. Ты уже переплюнула ее.

- Думаю, да.

- Я собираюсь спать. Если понадобится тебе, ты знаешь, где меня найти. - Леви прошел мимо нее по коридору. Дверь в голубую комнату была в паре шагов. - Но,

Тамара, если ты войдешь в эту комнату, то лучше бы это было по серьезной причине. Лучше это будет змея, медведь или деревенщина с ружьем наперевес. Я серьезно.

- Знаю, - ответила она. - Я не наброшусь на тебя во сне.

- Нет, не набросишься. И я тоже не собираюсь к тебе приближаться. Если мы хотим, чтобы все получилось, не убив друг друга до того, как ты получишь свои деньги...

- Наши деньги.

- Если, - продолжил он, будто она и не вмешивалась, - мы собираемся жить в этом маленьком доме несколько месяцев, пока будем ждать, я был бы признателен, если бы ты...

- Что?

- Просто оставь меня в покое, хорошо?

Леви посмотрел на нее, словно хотел сказать что-то еще. Она ждала.

Но вместо этого он вошел в голубую комнату и закрыл дверь. Забавно, она знала Леви с тех пор, как ей исполнилось тринадцать, и она переехала к бабушке. Он называл ее малой и глупой, и сумасшедшей, и избалованной, и ржавой. Он называл ее грубиянкой, ребенком, хулиганкой, дикой. Он говорил ей вести себя прилежно, исправиться, повзрослеть, вести согласно возрасту, уйти и дать ему работать. И ничего из этого не задевало ее. Ни единое слово, потому что он был не серьезен. Но сказав ей оставить его в покое? Он был серьезен. И это было больно.

Оскорбленная Тамара завалилась в свою маленькую розовую комнату. Ее губы были сжаты в тугую линию напряжения и жалости, когда она стянула одеяло и легла на клубничные простыни. Дождь до сих пор тихо барабанил по крыше. В темноте ночи со звездами, спрятанными за дубами, дождь был похож на рождественскую мишуру, свисающую за окном. Она думала, что не сможет заснуть, но усталость из-за дороги и секса, и ссоры, которая едва не прикончила ее только начавшийся брак, Тамара уснула, как только ее голова коснулась подушки, цвета клубники. И ей приснился сон.

Она в доме, где раньше никогда не была. В нем пахло готовящейся едой и камином. Она стояла на кухне, но та не была похожа на обычную кухню, которую она видела на страницах учебников по истории. В ней не было крана, но была ручка насоса. Не было холодильника, не было тостера, не было большого желтого-и-хромированного миксера «КитченЭйд» на столешнице. Пол был деревянным и устлан плетеным ковриком. Рядом с кладовкой висела ведьмина метла. На кухне было жарко, в доме было жарко, жарко как в аду, без признаков ветерка, просачивающегося через открытую дверь.

На кухне стояла плита, железная дровяная плита. У плиты стояла девушка. Девушка возраста Тамары. Нет, она была чуть младше. Четырнадцать? Пятнадцать. У нее была гладкая темная кожа и большие темные глаза, обрамленные длинными ресницами, тонкими как черное кружево. На ней было серое шерстяное платье и красная лента в волосах. Половицы не издали ни звука, пока Тамара шла от двери к плите, где стояла девушка и что-то помешивала в кастрюле. Словно ее не было там. Не в своем теле. Но что-то в ней все еще было здесь, потому что девушка с красной лентой в волосах смотрела на нее. Тамара увидела, что у девушки были слезы на лице, и слезы капали в дымящийся медный горшок, а девушка все помешивала и помешивала тяжелой деревянной ложкой.

- Что ты готовишь? - спросила Тамара.

- Соленый чай.
 - Готовишь со слезами? - поинтересовалась Тамара.
 - Я все готовлю со слезами.
 - Это вкусно?
 - Нет. Горько. Все что я пробую - горько.
 - Могу я тебе помочь?
 - Как ты можешь помочь? - Девушка с красной лентой отвечала тихо, словно боялась быть услышанной.
 - Тебе и мои слезы нужны?
 - Для чего мне твои слезы? У меня своих достаточно.
 - Что я могу сделать? Позволь помочь. Я уже готовила такой чай.
 - Ты пила свой чай?
 - Дедушка пил. Я заставила его выпить целую реку чая.
 - Я больше не хочу готовить этот чай. Но они хотят его.
 - Кто они?
 - Джейкоб и его жена хотят. Он любит пить мой соленый чай.
 - В этот раз я ему его принесу, - ответила Тамара девушке. - Если ты позволишь мне.
 - Целую реку? - Девушка была такой юной, слишком юной, и красивой, очень красивой. Но Тамара заметила ее округлившийся живот, словно и ее заставили выпить реки соленой воды.
 - Целую реку.
 - Я больше не хочу готовить соленый чай, - повторила девушка с черными кружевными глазами.
 - Как и я. Но я не знаю, как перестать его делать.
 - Твой папа знает, - сказала девушка, глядя в глаза Тамаре.
 - Папа мертв. Так ты перестанешь готовить чай? Умирая?
 - Почему бы тебе не спросить у него?
- Затем девушка окунает черпак в медный горшок, и Тамара видит, что чай ржаво-красного цвета.
Цвета старой крови.
Цвета старого бурбона.

Рывком Тамара проснулась, запутавшись в пропитанных потом розовых простынях. Встав с постели, она закуталась в них и спустилась вниз в темноте, цепляясь рукой за перила и находя опору ногами, поскольку глаза были бесполезны.

Твой папа знает. Почему бы не спросить его?

Она больше не могла ни о чем спросить папу, но все же ей нужно было найти пару ответов. В этом доме папа хранил все свои секреты. Песок... она вспомнила песок в его туфлях, и как он ей подмигивал. Комната наверху, которую он приготовил для нее, потому что планировал привезти сюда. Если он хотел, чтобы они жили здесь, значит, тут он хранил свои секреты.

Дождь, наконец, прекратился, и ее глаза быстро привыкли к лунному свету, наполнявшему кабинет.

Сверху на шкафу стоял еще один шкаф, винный шкаф. Любой другой хранил бы важные документы в одном из ящиков картотеки. Но Нэш был рожден и воспитан дедушкой. Она открыла дверь мини-бара и начала доставать бутылку за бутылкой

бурбона, виски, скотча и содовую. Там сзади за всеми бутылками она нашла визитку. Одну маленькую визитку для одного большого дела.

«Лесоматериалы и древесина Афин, Афины, Джорджия». На карточке был напечатан номер телефона и сзади папиным почерком было написано имя. Тамара улыбнулась. Наконец, река донесла сообщение к папе, и папа нашел способ отправить ей ответ.

Тамара спрятала визитку в шкафчике, поставила в него бутылки и закрыла дверь. Она вернулась в постель и быстро заснула тяжелым сном без сновидений.

Леви сказал, что нельзя причинить боль мертвым людям.

Но, возможно, она сможет.

Глава 19

Пэрис

МакКуин поднялся со своего кресла и взял белую льняную салфетку с барной стойки. Подойдя к Пэрис, он протянул ее ей. Если бы захотела, она бы взяла ее, но он не заставлял.

- Спасибо, - поблагодарила она, принимая салфетку и используя ее уголок, чтобы промокнуть слезы в уголках глаз.

- Соленый чай? - спросил МакКуин.

- Мой самый нелюбимый напиток. Слишком горький.

- Я предпочту бурбон, - ответил МакКуин.

- Не сомневаюсь.

Она слегка улыбнулась, и это преобразило ее лицо. В этой улыбке он увидел настоящую Пэрис, настоящую Пэрис под внешним лоском красного платья, роли, которую она играла, его роковой женщины, его Бриджит О'Шонесси, его Мальтийского сокола¹⁵. Он хотел прикоснуться к ней. Впервые с того момента, как она украла его бутылку, он хотел прикоснуться к ней. Но не смел.

- Возможно, вокруг тебя не каменный забор, - сказал он. – Может, это яичная скорлупа.

- Тебе бы хотелось так думать.

- Да, мне бы так хотелось. Очень.

Он снова занял свое место и ждал, когда она продолжит. Обычно он не из тех людей, которые ждали других. Это другие ждали его. Но ради нее он подождет. Ради нее он мог ждать очень долго.

- Тамара не забеременела, - сказала Пэрис. Она положила салфетку на колени и аккуратно сложила ее. Он наблюдал за тем, как ее пальцы танцуют по льну, и вскоре квадрат превратился в лебедя.

- Уверен, Леви выдохнул с облегчением.

- Еще с каким.

- А Тамара? Расстроилась?

- Нет. Была полна решимости. До сих пор полна.

¹⁵ «Мальтийский сокол» (англ. *The Maltese Falcon*) — дебютный фильм режиссёра Джона Хьюстона (1941), который принято считать первым классическим фильмом направления нуар. Бриджит О'Шонесси - коварная соблазнительница

- Представляю. - МакКуин откинулся на спинку кресла, положил руку на подлокотник и смотрел, как Пэрис превращает своего лебедя обратно в квадрат. - Мне должно быть стыдно за то, что я немного возбудился, слушая об их первом разе?

- Да.

МакКуин пожал плечами. Он таков, каков есть. И не станет извиняться за это. Не в его характере.

- Предполагаю, Леви не исполнил свою угрозу и не отвез их обратно в Кентукки?

- Нет, не отвез. Неделя прошла на острове Брайд. Две. Леви починил блок предохранителей, и в доме появилось электричество, что облегчило ожидание. Каждые пару дней Леви ездил в город и звонил в офис судьи Хедли, чтобы узнать, полностью ли исполнено завещание. Пока нет, отвечала секретарь судьи. На такие вещи нужно время. Поэтому они ждали. И ждали.

- Звучит мило, умиротворенно. Провести лето на собственном острове не так плохо. Я и сам так делал.

- Несомненно.

МакКуин подмигнул. Почему он не мог перестать говорить все эти неправильные вещи этой женщине? Она была минным полем. Он знал это. Так почему он продолжал ходить по нему?

- Тишины и покоя у них было предостаточно. А для Леви слишком много. Но тишину и покой мы всегда должны ценить, пока они есть, потому что, как вы знаете, они не длятся вечно.

- Что произошло?

- У Тамары и Леви появились гости.

- Гости разрушили их тишину и покой. Должно быть, плохие гости.

- Я бы не назвала их плохими, но... что же... Тамаре пришлось убить одного из них. Хотя опять же, я бы, вероятно, сделала то же самое.

Глава 20

Леви сказал оставить его в покое, и Тамара оставила его в покое.

В таком тесном пространстве это на удивление легко было сделать. Хотя дом и был маленьким, всего две маленькие спальни, один маленький кабинет, одна маленькая гостиная, одна маленькая кухня и крошечная ванная, остров сам по себе был достаточно большим, чтобы потеряться на нем на несколько дней. В их второй день на острове Тамара прогуливалась по грунтовой дороге от дома до берега океана и увидела белый песчаный пляж, окутанный солнечным светом Южной Каролины. Как только ее ступни прикоснулись к песку, она поняла, что нашла пляж папочки, тот по которому он ходил и кусочек которого привозил с собой из каждой деловой поездки. Теперь пляж папы был ее пляжем, и каждый день она приходила сюда плавать, загорать и спать под большим бело-голубым полосатым зонтом, который она нашла в небольшом сарае за домом, и привязывала его на ночь к дубу, чтобы каждое утро он ждал ее после завтрака.

Леви не ходил с ней на пляж. Он оставался дома, работал по дому. Он хорошо справлялся, но она ему этого не говорила. Она общалась с ним как можно реже. Три недели она не трогала его, и он платил ей тем же. Она всегда задавалась вопросом, как маме и папе удавалось оставаться в браке, хотя они так редко разговаривали, не спали вместе и не нравились друг другу.

Что же... теперь Тамара знала, верно?

Тамара перевернулась на спину, пытаясь обсохнуть после последнего заплыва в океане. Корабли не приближались ближе, чем на пятьсот ярдов к острову, поэтому она не стеснялась принимать солнечные ванны в одних лишь бикини. Никто не увидит ее, так какая разница? И было так приятно лежать топлесс под согревающим солнцем, когда прохладная вода испарялась с ее тела. Иногда слишком хорошо. Так хорошо, что она вспоминала те вещи, которые не хотела вспоминать, например, ее одну единственную ночь с Леви.

Она ожидала, что ей понравится. Но она не ожидала, что это настолько опьянит ее воспоминаниями о той ночи, что она никогда не сможет протрезветь. Каждый раз, когда воспоминания приходили к ней, ее голова кружилась, и комната кружилась, и весь мир кружился, и ей казалось, что она может слететь с него. Когда солнце опускалось на нее своими мощными лучами, она ощущала вес Леви на своем теле. Когда вода прижималась к ее ногам, она ощущала язык Леви между ее бедер, как он целует те части, о которых она и не подозревала, что они созданы для поцелуев.

Иногда, когда она наносила солнцезащитный крем, она проводила больше времени, чем требовалось, чтобы втереть его в грудь, вспоминая о губах Леви на ее сосках, как он сосал их и массировал языком. И иногда она засыпала в тени своего зонтика и мечтала о том, как Леви снова окажется внутри нее, глубоко внутри нее, не только в ее теле, но и в крови. Когда она просыпалась, она просыпалась будто от кошмара, и тем не менее все, чего она хотела, это уснуть и снова погрузиться в этот сон.

Тамара услышала треск ветки и мгновенно села. Она схватила одежду и повернулась к звуку.

- Прости, - извинился Леви, стоя у края леса. - Не хотел тебя напугать.

- Ты не напугал, - ответила она, ее сердце бешено колотилось в груди.

Девушка хотела спросить у него, чего он хочет, но она пообещала оставить его одного. Она отстала от него, не общаясь с ним, пока он не заговорит первым, никогда не задавала вопросов, никогда не затягивала беседу и позволяла ей угаснуть.

Он пересек пляж, направляясь к ней. Она заметила, что он все еще был в ботинках. Она снова положила свою одежду рядом с собой на полотенце и легла на песок.

- Не знаю, как я отношусь к тому, что ты лежишь топлесс на пляже, - сказал он. - Не уверен, что это законно.

Она ничего не ответила.

- Думаю, никто не видит тебя, если только на корабле нет бинокля.

Скрываясь за солнечными очками, Тамара закатила глаза.

- Я сегодня ездил в город, - продолжил он. - Звонил в офис судьи Хедли.

Тамара молчала.

- Он пытается передвинуть даты заседаний, немного ускорить процесс. Кстати, он передавал тебе привет.

- Привет судье Хедли. - Неважно сколько раз она говорила себе, что судья был ее отцом, она по-прежнему не могла думать о другом мужчине в роли ее отца, кроме папы.

- Он хотел знать, как ты пожимаешь, как себя чувствуешь. Раз ты беременна и все такое.

Тамара вздохнула.

- Я сказал ему, что ты жива здорова. Что тебе тошнит каждый час. Но, учитывая какой толстой ты становишься, скорее всего, это к лучшему. А еще я сказал, что ты пукаешь. Много пукаешь. Так пукаешь, что нам приходится спать в разных домах. Он

выразил мне свои соболезнования, сказал, что беременность - трудный период для женщины, и я должен быть с тобой максимально милым.

Тамара зарылась пальцами глубоко в песок и сжала их в кулак.

- Спасибо за звонок судье Хедли и проверку завещания.

- Ага, - ответил он. - Я и почту забрал. Видимо, твоя мать отправила судье Хедли письмо для нас, а его секретарь отправила его нам. Хочешь сама прочитать его или мне прочесть?

Тамара протянула руку, и Леви отдал ей конверт. Тамара открыла его и изучила. Почерк принадлежал ее маме, адресовано Леви Шелби и Тамаре Мэддокс.

Тамара встала и пошла по песку к кромке воды. Она разорвала письмо надвое, затем на четвертинки и выбросила его в воду.

- Зачем ты это сделала? - спросил Леви.

- Тебя волнует, что моя мать хотела сказать нам? - поинтересовалась Тамара.

- Нет.

- Вот и меня нет.

Она вернулась к своему зонтику, демонстративно игнорируя взгляд Леви, который пристально наблюдал за каждым ее движением. Ему не нужно было знать, что она видит, как он смотрит на нее.

- Кое-что еще пришло по почте, - произнес он, как только она расположилась на своем розовом полотенце.

- Ты загораживаешь мне солнце, - заметила она.

- Солнце уже садится.

- Тогда ты в моей тени.

Леви шагнул на фут вправо.

- Не хочешь узнать, что еще пришло по почте сегодня? - задал вопрос он.

- Не очень, но ты можешь рассказать, если это сделает тебя счастливым.

- Я расскажу. Но сначала скажи мне вот о чем. По шкале от одного до десяти, как сильно ты меня ненавидишь? - спросил он.

- А шкала только до десяти?

- Иисусе, почему я решил, что жениться на подростке хорошая идея? - полюбопытствовал Леви у неба.

- Не знала, что ты веришь в Бога.

- Не верю, но начинаю видеть в этом смысл. Нужно же было что-то сказать о том, чтобы кто-то приструнил одну высокорослую, возбужденную, взявшуюся за старое, избалованную юную невесту, когда она закипает от злости без вedomой причины.

- Моя злость не кипит.

- Ты устроила мне молчаливый бойкот на три недели.

- Я разговариваю с тобой, когда ты того хочешь. И прямо сейчас я не молчу.

- Ну да, я спросил, что ты хочешь не завтрак, и ты ответила, что уже поела. Я спросил, хочешь поехать в Бофорт или Чарльстон, и ты ответила: «Как хочешь». Когда я рассказал судье, что ты пукаешь так, что в стенах дыры образуются, ты поблагодарила меня за звонок судье.

- Ты сказал мне оставить тебя в покое. Ты не можешь жаловаться, когда я делаю так, как ты сказал.

- Черт возьми, Тамара, тыводишь меня с ума.

Тамара встала и подняла сарафан, стряхнула с него песок и надела его.

- Ты был рожден сумасшедшим, - ответила Тамара, и поправила сарафан. - Я просто веду тебя домой.

Она сложила зонтик, взяла его и начала уходить.

- Счет от врача, - сказал Леви. - Вот что пришло по почте. Счет на десять долларов от доктора Джефферсона Гуди за «гинекологический осмотр миссис Шелби и противозачаточные таблетки».

- Я завтра его оплачу, - произнесла она, не останавливаясь.

Леви побежал за ней.

- Ты не планировала сказать мне, что хочешь начать принимать таблетки?

- Нет.

- Могу я спросить почему?

- Ты сказал мне...

- Оставить меня в покое, да. Мне не следовало этого говорить.

- Да, но ты сказал. И я послушалась. Я храню таблетки рядом с фигуркой лошади в моей комнате, о чем ты бы узнал, если бы зашел в мою комнату, но раз ты этого не сделал... - Она замолчала и подняла солнечные очки на голову, чтобы посмотреть ему в глаза, - значит, ты не знаешь.

- Теперь я все понял, - ответил он. Они стояли на краю пляжа, где тот встречается с краем леса, соединяемые одной лишь полосой высокой травы, которая щекотала ее ноги.

- И что?

- Ты наказываешь меня за то, что я ранил твои чувства.

- Я ничего не делаю, кроме того, что ты мне сказал. И если это наказание, может быть, причина в твоих приказах, а не в моих действиях. Ты когда-нибудь думал об этом?

- Я подумал об этом.

- Тогда чего ты хочешь?

- Я хочу заняться с тобой любовью. Вот чего я хочу.

Тамара только пожала плечами.

- Как пожелаешь.

Она пыталась отойти от него, но Леви остановил ее, схватив за руку. Он не просто остановил ее, он остановил ее и притянул к себе, забрав зонтик из ее рук и бросив его на землю. Затем он набросился на ее губы, достаточно жестко, чтобы пробить ее стену безразличия, которую она возвела вокруг себя за последние три недели. Ей нужна была эта стена, чтобы делать то, что она делала. Но сейчас дело более или менее было сделано. Дата была назначена, предложение сделано и принято. Оставалось только ждать, когда подпишут бумаги. Нужна ли ей эта стена сейчас? Хотела ли она ее? Да и да. Но хотела ли она Леви больше?

Да.

Леви держал ее за бедра и прижимал к себе, не отрываясь от ее губ. Руки Тамары безвольно висели по бокам, но теперь она подняла их и обняла его за плечи. Она открыла рот для него, и он проник языком внутрь. Их руки лихорадочно блуждали по телам друг друга. Она обхватила заднюю часть его сильной шеи, чтобы удержать себя, когда он стянул шлейку ее сарафана и обхватил ее грудь. Он уцепился за сосок, не отрываясь от ее губ, перекачивал его и снова щипал. Она застонала от удовольствия и прижалась бедрами к нему, нуждаясь в нем, прямо между ее ног. Он склонил голову и припал к ее груди, вобрав сосок, а пальцы скользнули в ее трусики.

Тамара обвила обеими руками его голову, впила пальцами в волосы, чтобы удержать его у своей груди. Леви проник в нее пальцем, и она ахнула.

- Отнеси меня домой, - прошептала она, когда хотела сказать «давай тут».

Леви отстранился, но только для того, чтобы потащить ее к грузовику. Он открыл пассажирскую дверь для нее и сел за руль. Пока он вел, Тамара думала только о том,

что на острове не было скоростного ограничения, иначе Леви арестовали бы за то, что он немислимо превышал его.

Они добрались до дома за, по ее меркам, рекордное время, если кто-то записывает подобные рекорды. Леви не просто открыл дверь перед ней, он едва не сорвал ее с петель. Он вытащил ее из грузовика и снова взял на руки.

- Не могу дождаться, - сказал он и начал стягивать с нее трусики, затем прижал ее спиной к боку грузовика.

- Остановись, - приказала она, отпрыгивая от него. - Прекрати сейчас же.

- Что? - переспросил он, тяжело дыша.

Она кивнула в сторону дома, где была включена каждая лампа, и кто-то двигался за тонкими белыми кухонными занавесками.

- Здесь кто-то есть, - объяснила она.

- Кто, черт возьми, посмел...

- Мама.

Глава 21

- Нет, - сказал Леви, смущаясь того, что лишь одно ее имя способно внушить ему страх. Он не сомневался, что Вирджиния Мэддокс хотела его смерти из-за женитьбы на ее дочери. - Здесь?

- Кто еще это может быть? - прошептала она.

- Судья клялся, что она не знает, где мы.

Леви начал обходить дом, но Тамара вцепилась в его руку и не отпускала.

- Я проверю, - предложил он. - А ты оставайся здесь.

- Будь осторожен, - попросила она, наконец, отпуская его руку.

Он тихо пробирался по траве и гравию, обходя дом. Он нигде не заметил припаркованной машины. Кто бы это ни был, он, очевидно пришел пешком или его подвезли. Кто? Зачем? Тамара говорила, что сам остров был шесть миль в поперечнике, с несколькими акрами леса и болота. Незнакомец запросто мог прожить несколько месяцев на острове, и никто бы не догадывался о его присутствии, поэтому каждый раз, когда Тамара уходила на пляж, Леви ждал двадцать минут, перед тем как отправиться проверить ее, не попадаясь ей на глаза. Он только начал чувствовать безопасность и уют в этом доме на этом острове. А сейчас какой-то придурок вломился в их дом?

Леви осторожно подошел к задней двери и заглянул внутрь через занавески. На кухне у плиты стоял мужчина. Леви чуть не рассмеялся от облегчения. Мужчина на кухне был темнокожим. Леви нечего бояться.

Леви открыл дверь.

- Здравствуйте? - сказал он.

- А вот и он, - ответил мужчина у плиты. - Ты вовремя. Думал, мне придется выпить все самому. Надеюсь, ты не против, что я сам вошел. Не хотел вести себя, как хозяин. Хотя так и сделал.

Леви потребовалось несколько секунд, чтобы перевести слова мужчины. Он говорил с акцентом с островов Си. «Это» было «тэта», а «я» это «мя», и слова катались на его языке как ириски.

- Боуэн Берри, - представился мужчина. Он протянул руку, чтобы Леви пожал ее.

- А ты брат, который не брат, брата, который не брат, я прав?

Леви потребовалось еще несколько секунд, чтобы понять, о чем говорит Боуэн.

- Да, я сводный брат Нэша, который мне приходится и не приходится братом. Приятно познакомиться.

Мужчина открыто рассмеялся его шутке. Они пожали друг другу руки, и в середине рукопожатия Леви понял связь между мужчиной перед ним и мужчиной, прорабом в кооперативе, о котором говорила Тамара... и мужчиной на фотографии, которую Леви нашел в кабинете Нэша Мэддокса. Осознание того, что Леви видел этого мужчину на пляже, было, по меньшей мере, тревожным. Боуэн явно почувствовал дискомфорт Леви.

- Ты отпустишь мою руку или попросишь выйти за тебя?

- Простите, - извинился Леви, отпуская руку Боуэна. - Я пытался вспомнить, где я мог видеть вас раньше. Мне нужно сказать Тамаре, что это вы. Она думает, это ее мать приехала нас убить. Хотите остаться на пиво?

- У меня есть кое-что получше, чем продукты пивоварения. - Боуэн кивнул на чайник на плите.

- Чай? Ночью? - спросил Леви.

- Это не просто чай. - Боуэн снял чайник с плиты. Из потрепанного старого холодильника он достал пакет со льдом и пластиковый кувшин. Он высыпал лед в кувшин и вылил туда чай. Затем взял бутылку с янтарной жидкостью из ящика для инструментов.

- Что это? - спросил Леви.

- Бурбон.

- Вы добавляете бурбон в чай со льдом?

- Добавляю бурбон в сладкий чай со льдом, дружище. Это моя «Сыворотка Правды». Тебе понравится.

- Сладкий чай и бурбон? Черт, думаю, он уже мне нравится, - ответил Леви. Боуэн улыбнулся и похлопал Леви по плечу.

- Иди за своей женой. А я разолью.

- Ей ничего не наливать. Она слишком молода.

- Она вышла за тебя, ей уже можно всё.

Леви отправился к входной двери и остановился. Он развернулся.

- Я не знаю с чего начать, - признался Леви. - Но пока мы одни... вы должны знать, что я нашел ваш снимок с Нэшем. Я отдам вам его, если хотите, но не хочу, чтобы Тамара нашла что-то подобное. В доме больше нет ничего такого, о чем я должен знать, верно?

Боуэн покачал головой, улыбка не покидала его лица.

- Я все убрал, когда Нэш ушел. А фото, должно быть, пропустил. Но позволь сказать кое-что, друг, единственное, о чем должна волноваться твоя девочка в этом доме - это ты. - Боуэн указал на него.

Леви только рассмеялся.

- Ну, я бы поспорил, но учитывая то, чем мы планировали заняться до вашего появления, я склонен все-таки согласиться.

Они впустили Тамару, и, казалось, она была довольна как слон, увидев Боуэна. Очевидно, они несколько лет были друзьями по переписке, переписываясь об острове, о дубах, о кооперативе, изготавливающем бурбоновые бочки, где Боуэн был прорабом. Хотя Боуэн не называл это кооперативом. Он говорил «купе-ратив», и он бы ни слова не сказал, если бы Леви не произнес его правильно.

- Это и есть смесь с «Красной Нитью»? - Леви сделал второй глоток. Они сидели на крыльце, он с Тамарой на качеле, Боуэн в кресле, закинув ноги на перила, будто там им самое место. Они оставили парадную и заднюю дверь открытыми, чтобы

проветрить дом. Завтра Леви поедет в город и купит пару вентиляторов. Много вентиляторов.

- Нет. - Боуэн поднял руку и покачал пальцем. - «Красная нить» слишком дорогая для моей крови. Я делаю собственный.

- Это ваш бурбон? - уточнил Леви. Тамара взяла бокал из его рук и понюхала, но не выпила.

- Тот новый паренек облажался с бочкой несколько лет назад. Я исправил ее на досуге. Раздобыл кукурузный затор, ячмень... - Он сел и изобразил, как перемешивает кукурузу и ячмень в котле, словно ведьма мешает зелье. - Очень хорошо приготовил его и перелил в бочку. Она стоит в моем сарае уже четыре года. На вкус самое то. Может, даже лучше.

- Вы думали о том, чтобы открыть собственную винокурню? - поинтересовался Леви. - Теперь, когда знаете секрет?

- Этого не произойдет, - ответил Боуэн, достал пачку сигарет из кармана и закурил одну. - Чтобы делать «Красную Нить» должны быть бочки. А эти бочки часть имени. Я делаю их, но не могу купить ни одной. Бюджет не позволяет.

- В год они делают всего лишь тысячу бочек «Красной Нити», - сказала Тамара, возвращая ему Сыворотку Правды. - Они используют обычный белый дуб из Миссури для обычного бурбона, но высококачественный напиток должен быть в бочке отсюда. Редкость повышает цену.

Боуэн указал на лес, окружающий дом, с зажатой между указательным и большим пальцами сигаретой.

- Эти деревья делают эти бочки, - объяснил Боуэн. - Хотите яблоки и лакрицу в бурбоне, значит вам нужны эти деревья. Все хотят эти деревья. - Боуэн снова сел, закинул ногу на другую и сделал большой глоток, перед тем как еще раз затянуться. Он открыл рот и выдохнул дым, как дракон, изрыгающий пламя.

- Что в них такого особенного? - спросил Леви.

- Что в них такого особенного? - ошеломленно повторил Боуэн. - Девочка, ты не рассказала этому мальчику о деревьях?

- Мы не очень много говорили о деревьях, - ответила Тамара, завуалировав «я игнорировала Леви три недели, чтобы наказать его за ослиное поведение».

- Ты знаешь историю острова? - спросил Боуэн Леви, и Леви знал, что Боуэн знал, что тот не знал. «Сыворотка Правды» сделала их болтливыми. - А ты, барышня?

Тамара покачала головой.

- Папа никогда не говорил мне даже название острова.

- Ради вашего же блага, - сказал Боуэн. Если Нэш хотел похитить Тамару у матери и привезти ее сюда, то Тамара лучше было не знать об Острове Невесты, что это за остров и где он, чтобы и Вирджиния Мэддокс не знала о нем. - Думаю, вы двое должны знать.

- Знать что? - спросила Тамара, попав под чары Боуэна и чары его Сыворотки Правды.

- Реальную историю этого острова, - ответил Боуэн. - Если хотите знать. Если думаете, что сможете ее вынести. Она не красивая.

- Я хочу знать. - Тамара наклонилась вперед, на нее было больно смотреть. Она была ребенком, Тамара. Неважно как она себя вела, как она играла, как она играла с ним, в конце дня она была все тем же ребенком, который сидел на краю лавочки и слушал перед сном истории о привидениях.

- Расскажу, расскажу. Позвольте мне лишь немного укрепить свой рассказывающий аппарат. - Боуэн сделал еще один глоток напитка.

В предзакатной темноте белки глаз Боуэна сияли, как два светлячка. Леви положил руку на спинку качели, и Тамара прижалась к его плечу. Так было гораздо лучше, чем молчаливое игнорирование.

- Эта история не для невинных ушек. - Боуэн поставил стакан и глубоко затянулся сигаретой, прежде чем выдуть кольцо из дыма.

- Мои уши не невинные, - заверила Тамара.

- Я говорил о нем. - Боуэн подмигнул Тамаре.

- Думаю, я выдержу, - ответил Леви. Боуэн обновил напиток в их с Леви бокалах из пластикового кувшина. Тамара отпила обычного сладкого чая, кубики льда звенели в стекле стакана.

- Давным-давно остров не был Островом Невесты, - начал Боуэн. - На острове не было ничего кроме болота, ничего кроме жалких маленьких деревцев, медянок, гремучих змей, болотных крыс, аллигаторов и достаточного количества грязи, чтобы в ней могла утонуть лошадь. Место было очень неприятным, не то, что сейчас. - Боуэн указал на Тамару. - Возвращаясь на... сотню и еще много лет назад, богатый француз, конте, что-то вроде графа, а также дворянина, думаю, да пофигу кем он был, - он купил этот остров. Дело вот в чем, у него было три сына.

Боуэн поднял руку и показал три пальца, которые Леви разглядел в свете от сигареты.

- Первый сын, он знал, что получит деньги и титул, когда Папочка Граф умрет, и Сын Номер Один обосновался недалеко от дома. Сын Номер Два сделал то, что всегда делают вторые сыновья - он вступил в армию и стал офицером, и втайне надеялся, что папочка Граф и Сын Номер Один несвоевременно скончаются. Но Сын Номер Три? Никто не знает, что делать с третьим сыном. Пойти в церковь? Пойти в цирк? Нет, Сын Номер Три сделал то, что делают третьи сыновья всю их жизнь - он ушел из дома. Иди на запад, юноша. Он ушел далеко на запад. На запад через весь океан, прямо сюда. Папочка Граф владел кое-какой землей в Новом Свете. Он выкупил ее у какого-то мошенника, который не рассказал ему, что этот выигрышный кусок земли был вонючим грязным болотом. Когда Сын Номер Три через два месяца приплыл на корабле, он был не самым счастливым мальчиком. Что человеку делать на болоте?

- И что он сделал? - спросила Тамара.

- Сын Номер три - Джулиен Сент Круа. Как вам такое имя? Круа значит крест, и, может быть, он был рожден нести такой крест. Но мальчику можно отдать должное, он не поджал хвост и не убежал домой. Земля есть земля, в конце концов, и он знал, что здесь где-то должны быть деньги. Он умный парень. Ходил в школу, знал мир. Он думает, болото... вода... урожай... рис. В Китае на болоте выращивают рис. Почему бы не вырастить рис на болоте в Америке? Так и он поступил.

- С рабами? - задал вопрос Леви.

- А ты как думаешь? - Боуэн указал окурком сигареты в Леви. - Конечно. И Сент Круа сам заработал кучу денег. Но человек не может жить ради одних денег. Человеку нужен наследник. Ему нужна жена. Он пишет домой и говорит папочке Графу сколько денег он заработал и как нуждается в жене, чтобы завести собственных сыновей, которые унаследуют его золотое болото. Он помнит ту девушку, которую любил, будучи юнцом, и гадает, выйдет ли она за него. Папочка Граф отвечает и говорит, что ее семья нуждается в деньгах.

Сент Круа отвечает и предлагает оплатить их долги. Папочка Граф одобряет, но его невеста не приедет в Америку, пока он не построит для нее дом. Хороший дом. Не хижину на болоте. И Сент Круа строит для нее дом, прямо здесь, на этом острове. Большой дом, достойный королевы. Сент Круа пишет и говорит, что он готов для

невесты, и папочка Граф договаривается, сажает девушку на корабль и отправляет ее. Но корабль тонет, и невеста погибает. Тогда такое случилось.

Боуэн покачал головой и изобразил, будто смахивает слезу. Развлекал ли он Нэша по ночам такими драматическими историями?

- Но сделка заключена, - продолжил Боуэн. - Папочка Граф заплатил за невесту, погасил их долги. И они отправили другую дочь. Самую младшую в семье. Единственную дочку, которая у них осталась.

- Насколько младшую? - решила уточнить Тамара. Леви посмотрел на нее и заметил, какими большими и внимательными были ее глаза, любопытными, как у ребенка во время ночных сказок.

- Четырнадцать, - ответил Боуэн. - Они сказали ей, чтобы она говорила, что ей шестнадцать. Будто всех на болоте заботили приличия. Она была ребенком, но она была единственной девочкой, которая осталась у них на продажу. И они были рады избавиться от нее. А для чего еще нужны маленькие девочки, кроме как для выплаты долгов?

- И они отправили ее через океан, чтобы выдать за мужчину, которого она никогда не встречала? - ошеломленно спросил Леви.

- Они продали ее, - ответила Тамара, ее голос был пустым, как сухая бочка.

- Не скажу, что они ее продали, - сказал Боуэн. - Но скажу, что Сент Круа купил ее.

- Что случилось? - спросил Леви. - У девочки получилось?

- Ее звали Луиза, думаю в честь короля, хотя Луиза чертовски забавное имя для короля, верно? Так или иначе, корабль приплыл, и они отправили маленькую лодку, чтобы доставить Луизу к Сент Круа. Говорят, она встала в лодке, когда увидела ожидающего ее мужчину на пляже. Говорят, это была любовь с первого взгляда. Говорят, лодка была в пятидесяти футах от берега, когда она прыгнула с нее. И говорят, что для Сент Круа это не была любовь с первого взгляда, но всё равно что-то было, потому что он побежал в воду, чтобы встретить ее и нести по воде на руках. Правда, красивая картинка?

- Глупая девочка, - пробормотала Тамара, качая головой.

- Глупая и влюбленная. Или, может, ей так надоели лодки, что она решила, что лучше утонуть, чем оставаться в ней еще секунду. Но первая мысль более романтичная. Я романтик.

- Правда? - удивился Леви.

- А так и не скажешь? - ответил Боуэн, улыбаясь, хотя со стороны казалось, он кривлялся. - Теперь вернемся к тридцатичетырехлетнему, может, тридцатипятилетнему парню. Только представьте - Джулиен и его маленькая Луиза. Они поженились в доме Сент Круа в ночь ее приезда, в присутствии рабов и старушки, которая сопровождала Луизу. Луиза была милой девушкой, невинной, с добрым сердцем, и Сент Круа называл ее Лулу, думаете, она не таяла, как масло, когда он так ее называл? Маленькой Лулу здесь нравилось, нравилось солнце и океан. Говорят, когда она улыбалась, то вставало солнце, а на звук ее смеха слетались птицы, и когда она пела, ангелы бросали свои арфы и слушали. А когда она плакала, Сент Круа нес ее наверх, и час спустя они оба улыбались. Видите ли, она была так молода, и никого не было рядом, кто мог бы сказать, что девушки ее возраста не должны наслаждаться такими активными развлечениями. Сент Круа сдувал с нее пылинки, баловал ее. Когда Лулу попросила прораба прекратить бить рабов, Сент Круа остановил его. Когда она попросила найти девушку, чтобы та составляла ей компанию, Сент Круа привел двух леди, маму и ее дочку, из Франции, чтобы они занимались ее волосами, платьями, пудрили ей носик, все, чтобы угодить мужу. И когда однажды он спросил, почему она

грустит и вздыхает, она ответила, что скучает по дубам, как дома во Франции. Она любила океан. Она любила небо. Она даже болото полюбила. Но почему на острове нет настоящих деревьев?

Все на крыльце затихли. Леви слышал только бриз, шум ветра и рев океана вдали. Над ухом жужжала муха, но Леви игнорировал ее. В тонких банках сияли крошечные огоньки - самодельные розмариновые и цитронелловые свечи, чтобы отгонять от дома комаров. Сияние звезд, луны, фонаря и крошечный красный огонек от сигареты Боуэна - идеальное освещение для истории о призраке. А Боуэн с удовольствием рассказывал историю, словно мальчишка, пытающийся напугать своих маленьких братьев. И Леви был напуган, только не знал почему. Может, из-за ухающих сов или веток,двигающихся туда-сюда, когда невидимые животные улеглись спать. Или, может, выражение на лице Тамары, словно она не о ком-то историю слушала, а о себе.

- Сент Круа не собирался давать своей невесте снова грустить, не тогда, когда он мог что-то сделать. Он написал своему человеку и запросил саженцы дуба, самые лучшие, и не жалел средств. Три месяца спустя они приплыли на корабле, две дюжины. Это были самые лучшие деревья, которые можно было купить, крепкие и сильные, из самых густых и зеленых лесов Франции. Редкий сорт французского дуба. Сент Круа посадил дубы, и они прижились. Когда его невеста родила первенца, они выросли на десять футов. Когда их сыну исполнилось пять, деревья были достаточно большими, чтобы ребенок мог на них играть. И они были счастливыми, Сент Круа, его невеста и его мальчик. Богатые и счастливые, эта комбинация встречается гораздо реже, чем мы привыкли думать. Естественно, счастье не может длиться вечно. Океан - да. Деревья - да. Небо - да. Третий сын и его юная невеста счастливые в любви? Не так долго. А как иначе? Бог терпеливый судья, но, когда Он выносит свой вердикт, приговор исполняется немедленно.

Леви стал приятно пьяным, но от этих слов протрезвел. Он притянул Тамару ближе к себе. Ее тело было напряженным, будто она не знала его. Но затем она расслабилась и позволила ему крепко ее обнять.

- В один прекрасный весенний день сын Сент Круа - они называли его Филипп, забрался на самый высокий дуб, под его ногой сломалась ветка и — падай-падай, маленький мальчик. Песок был мягким, но не тогда, когда ты падаешь с тридцати футов. Он был мертв еще до того, как с губ мамы сорвался крик. Сент Круа пришел домой с рисового поля и обнаружил невесту, прижимающую их сына к своей груди. Она не отпускала его. А на следующий день она отнесла его в океан и дала воде забрать их тела. Когда ее труп обнаружили через два дня, доктор сказал, что она была беременна вторым. Тело его сына так и не нашли. Сент Круа сошел с ума, как богатые люди с разбитыми душами, когда Бог смеет им возражать. Он освободил рабов с рисовых полей и заставил их иссушить болота. А после они сажали деревья. Дубы, семена и саженцы дерева, убившего его мальчика. Каждый день на протяжении нескольких лет они сажали эти деревья, ухаживали за ними, выращивали их. Тогда тут стало столько деревьев, сколько мог видеть глаз... Зачем он посадил эти деревья? Кто знает? Может, он делал это потому, что любил свою жену, а она любила деревья. Может, он думал, что может вернуть своего мальчика, если на острове будет достаточно деревьев, чтобы соблазнить его душу. Ох, и вид у него был печальный, у Сент Круа, бродил по острову в грязной одежде, с грязными волосами, небритый, с черными по локти от земли руками. Он тоже сажал. Половину деревьев он посадил сам. И когда на острове не осталось ни дюйма без дерева, он вошел в дом, возведенный для его невесты, вылил каждую бутылку скотча, которую только смог найти, каждую бутылку бренди, каждую бутылку отличного ирландского виски, вылил

их на ковры из Персии, шторы из лучших домов Парижа. Затем он поджег шторы, и он, и дом сгорели дотла. Прощай, третий сын. Прощай, невеста. Прощай, маленький мальчик, который любил лазить по деревьям. От тела Сент Круа не осталось ничего, кроме пепла, а тело мальчика так и не нашли. Только Луиза здесь похоронена. Вышла замуж и похоронена, все на этом острове. И пусть вам будет стыдно, но вот что происходит, когда строишь замок на костях других людей. Сент Круа хотел рая, а этот остров для него стал адом. Твой прапрадедушка, мисс Тамара, Джейкоб Мэддокс, выкупил остров у второго сына папочки Графа, который не хотел иметь ничего общего с местом, сломавшего его брата. И я не могу его осуждать. И с тех пор этот остров был наречён Островом Невесты из-за красивой невесты Сент Круа, а остров Луизы звучало бы немного забавно, согласны? И, конечно, Сент Круа уже было занято.

- Вот так история, - сказал Леви. - И все правда?

- Каждое слово. Понимаешь ли, мой прапрадедушка был тем мужчиной, кто выкопал ей могилу и поливал дубы, посаженные Сент Круа. От этой семьи не осталось ничего, кроме надгробной плиты. А мы? - Боуэн похлопал по своей груди и улыбнулся, как мэр города, перерезающий ленточку. - Мы все еще здесь, живые и барахтаемся. - Боуэн поднял обе руки и ноги и помахал ими. Он определенно был жив и определенно барахтался. А еще был пьян.

- Ее могила все еще здесь? - спросила Тамара. - Могу я на нее посмотреть?

- Она все еще здесь, если найдешь. Понятия не имею, где она. Заросла уже, как и все остальное. - Боуэн пожал плечами и допил бурбон. - Но дом найти легко, если присмотреться. Точнее, его остатки, которых немного. - Боуэн потушил сигарету, хлопнул по бедрам и встал. - А теперь, простите, мне надо домой. С вами было приятно.

- Подождите, а где дом? - спросила Тамара.

Он указал на север и глубоко в лес. Леви увидел, как Тамара смотрит в темноту. Он положил руку на ее колено, внезапно испугавшись, что она пойдет прямо сейчас, и он больше никогда ее не увидит.

- Ты не пойдешь искать дом, - сказал Леви. - Не сегодня.

- Завтра, - ответила она.

- Нет. Пойдешь, когда я пойду, - сказал Леви. - Завтра я пойду с Боуэном в кооператив. Если мы владеем этим островом, я хочу знать все, что нужно о нем знать.

- Я знаю все, что мне нужно знать о нем, - произнесла Тамара.

- А я - нет. А теперь иди в дом. Готовься ко сну.

- Мне обязательно это делать? - поинтересовалась она.

- Да, мэм, обязательно. Я провожу Боуэна домой.

- Я дома, - засмеялся он. Леви посмотрел на него. Боуэн улыбнулся. - Я могу гулять здесь в темноте с завязанными глазами, если заставите.

- Мы будем гулять здесь в темноте вместе. С фонарем.

- Ты скучный, - проворчал Боуэн и закатил глаза. Он сошел с крыльца, покачиваясь, но сохраняя более-менее вертикальное положение, необходимое ему.

- Могу я с вами прогуляться? - спросила Тамара.

- В кровать, - приказал Леви. - Иди спать.

- Но...

- В кровать, живо, - отрезал он. Тамара развернулась и вошла в дом, захлопнув за собой дверь. Леви наблюдал за ней через дверь, наблюдал, как она поднимается вверх.

- Как все плохо, - заметил Боуэн. Леви посмотрел на него и улыбнулся.

- У меня красивая жена, дом и остров. Думаю, это определение «все хорошо».

Леви зажег фонарь, и они с Боуэном вышли на узкую грунтовую дорогу, ведущую к главной грунтовой дороге.

- Если хочешь посмотреть на кооператив, я приду завтра утром.

- Хочу, - ответил Леви.

- Я не подниму тебя рано. - Боуэн подмигнул, его лицо исказилось в свете фонаря. Леви отмахнулся от комара, и огонек всколыхнулся в его руке, отбрасывая желтую ауру на узловатые дубы и свисающий испанский мох. Леви заметил выглядывающую из-за деревьев пару глаз. Енот? Он надеялся, что да.

- Могу я кое-что спросить?

- Можешь. Не могу обещать, что отвечу, - ответил Боуэн.

- Спальня наверху. Спальня Тамары. Нэш хотел привезти ее сюда? – решил выяснить все Леви.

Боуэн остановился. Он посмотрел на просвет между деревьев, где были видны звезды.

- Да.

- Тогда почему он этого не сделал?

- Дом, в котором вы остановились, когда-то принадлежал старине Роберту Мэддоксу.

- Кто это?

- Думаю, он приходился дедушкой Тамаре.

- То есть прадедушкой.

- Верно, - ответил Боуэн. - Роберт построил этот маленький дом в двадцатые годы. Охотничья и рыбачья хижина. Джордж Мэддокс не часто использовал ее в отличие от Нэша.

- Для чего он ее использовал?

- Для другого вида охоты. Для другого вида рыбалки. - Боуэн улыбнулся Леви и изогнул брови - Я был его крупной добычей.

- Понял.

- Я был с ним, когда он приезжал сюда, а он приезжал как можно чаще. Мы хорошо тут обустроились. Здесь было безопасно. Для таких мужчин как мы, безопасность трудно найти. Нэш хотел развестись, хотел начать все сначала. И он хотел Тамару, но знал, что ее мать будет бороться. Но как они говорят? Обладание составляет девять десятых закона. Он собирался забрать Тамару и поселить ее здесь, и бороться за нее в суде Южной Каролины, который выберет его деньги, а не ее мать.

- Если Нэш хотел привезти ее сюда, если хотел развестись и начать с вами... почему не сделал? Почему он покончил с собой?

Они дошли до конца маленькой грунтовой дороги и встали посреди большой грунтовой дороги.

Боуэн скрестил руки на груди и посмотрел на небо. Единственный свет шёл от их фонаря и звезд над головой, выглядывающие сквозь кроны деревьев. Миллионы звезд. Леви редко видел столько звезд. Он знал, что некоторые люди смотрят на простор вселенной, и это заставляет их чувствовать себя незначительными. Но не Леви. Он посмотрел вверх и увидел только красоту и был благодарен за то, что у него есть глаза, чтобы лицезреть это.

- Джордж Мэддокс был твоим отцом, - наконец произнес Боуэн.

- Знаю, - ответил Леви.

- Я бы хотел, чтобы ты этого не знал.

- Сейчас уже слишком поздно. Неведение может быть блаженным, но кто на самом деле хочет быть в неведении?

- Ты, - ответил Боуэн. – Прямо сейчас я тебе говорю, что ты хочешь этого.

- А что насчет Нэша? Он был моим сводным братом. Я хочу знать, почему он умер до того, как я узнал его.

- Тогда тебе стоит знать, что твой отец был плохим человеком.

- Это я уже слышал.

- Он хуже того, что ты слышал. Нэш приезжал так часто как мог, лишь бы быть подальше от жены. Но он начал испытывать вину из-за того, что оставлял Тамару одну, и он собирал вещи и возвращался. Однажды чувство вины довело его сильнее, чем обычно, и он вернулся на день раньше, чтобы удивить Тамару. Но вместо этого он обнаружил свою жену в постели с Большим Папочкой.

- Вирджиния Мэддокс спала с Джорджем Мэддоксом? С собственным свекром?

- Думаю, она мало спала.

У Леви отвисла челюсть.

- Джордж Мэддокс трахал свою невестку.

- Уверен, у него были причины. Но опять же, у них у всех есть причины, верно? Первая причина: я хочу. Вторая? Он был злым человеком. И он знал, что Нэш не прикасался к своей жене во время брака, и Джордж хотел еще одного мальчика. Нэш был не тем мальчиком, которого он хотел. Как и ты. Но если бы у мисс Вирджинии появился ребенок, все бы думали, что мальчик от Нэша. Джордж хотел еще одного сына, и он был способен сделать все, чтобы его получить. Но если Нэш будет мертвым...

- Если бы Нэш был мертв, тогда никто бы не посчитал ребенка Вирджинии Мэддокс от Мэддоксов. Вот черт. - Леви почесал затылок и провел рукой по лицу. - Он вам все это рассказал?

- В письме, которое он мне оставил.

- Он... Он ничего не говорил обо мне, так?

- В письме? Нет. Но он говорил о тебе до того. Он был в курсе. Говорил, что ваш отец нанял тебя для ухода за лошадьми, но Нэш знал о тебе правду. Джордж хотел держать тебя поблизости, чтобы держать Нэша в узде. Ты был планом Зет, знаешь ли.

- Платом Зет?

- Планом А было наследство Эрика. Бланом Б - ребенок Нэша. Ребенком Нэша была девочка, а планом С - мальчик Папочки и Вирджинии. Даже не спрашивай какие планы были от Д до У. Думать не хочу о них.

- И я был планом Зет - последняя надежда.

Боуэн кивнул.

- Именно. Если бы Нэш не делал свою работу, не дал бы Джорджу маленьких внуков, всегда был ты. Джордж не раз угрожал Нэшу, что отдаст все до последнего пенни от «Красной Нити» тебе. Не думаю, что он был серьезен, все-таки это план Зет, но это сдерживало Нэша. Ты был белым, достаточно белым, чтобы сойти за своего. И Нэш знал, что ты любил девушек так же сильно, как он не любил. Он знал, что у тебя не будет проблем с продолжением рода Мэддоксов, о котором Джордж так мечтал.

- Я не был его сыном. Я был ходячей угрозой, и я даже не подозревал об этом. Знаете, Джордж Мэддокс всегда говорил мне, я волен приводить подружек, чтобы они покатались верхом. Я думал, он был вежливым. Оказывается, он хотел, чтобы Нэш увидел своего брата с девушкой.

- Девушкой?

- Хорошо, со многими девушками. - Леви принял предложение Джорджа и привел девушку в Арден, чтобы покатались верхом. Да, это впечатляло девушек, но еще напоминало не по годам развитой красоте - Тамаре, что ее влюбленность в конюха дедушки, была всего лишь сладкой фантазией. Или, по крайней, так было когда-то.

- До меня, Нэш получил свою долю. Этот был остров Файер Айленд¹⁶ Южной Каролины, если знаешь, что это.

- Знаю.

- Вы с Нэшем очень похожи. Теперь я вижу. Он был ласковым вечерним бризом, как и ты. А ты ночной бриз. Бриз, приходящий утром.

- Я был таким. Но сейчас нет. У меня семнадцатилетняя жена, за которой нужно присматривать. Больше никакого бриза.

- Все вернется на свои места, вот увидишь. - Боуэн повернулся и посмотрел на дорогу. - А я прогуляюсь до дома.

- Вы пьяны в хлам.

- Как и ты.

- Вы должны позволить мне проводить вас хотя бы половину пути.

- У меня есть охрана где-то. Куда же пропал этот мальчик?

- Мальчик? - спросил Леви. Вот черт.

Боуэн засунул два пальца в рот и засвистел так громко, что Леви зажмурился. Боуэн сделал это снова, и несколько минут спустя из леса на дорогу выбежала собака. Она была среднего размера, с короткой белой шерстью, треугольными ушами-торчком и нетерпеливой улыбающейся собачьей мордой.

- А вот и он. Иди сюда, Белый пес. - Боуэн похлопал по бедру, и пес побежал к нему.

- Ладно, это белый пес, - сказал Леви, почесывая жесткую собачью шерсть. Он весь состоял из сплошных мышц, хрящей и слепого послушания. - Как его зовут?

- Белый пес, - ответил Боуэн. - Правильно, Белый пес?

- Вы назвали белую собаку Белым псом? А ничего получше придумать не могли?

- Он Белый пес не потому, что он белый пес. Он Белый пес из-за того дерьма, что они кладут в бочки. Его ест белая собака, а на выходе получаем бурбон. Но мы не добавляли Белого пса в бурбоновые бочки уже четыре года. И не будем делать этого, верно, Белый Пес? - Он чесал и гладил пса по голове. Леви только закатил глаза.

- Значит, вы сможете добраться домой с помощью Белого пса? - спросил Леви.

- Через лес и реку. Вот и все. Крепких снов, юноша. Этот дом мой. Присматривай за ним.

- Ваш дом? Я думал, Нэш оставил остров Тамаре.

- Он оставил ей остров. А мне оставил дом. Но можете оставить его себе. Я его не хочу.

- Вы серьезно? Мы за него заплатим.

- Будешь работать на меня в кооперативе - это и будет платой. По правде говоря, даже если ты мне заплатишь, я не смогу спать в том доме. Там слишком много призраков.

- Я не верю в призраков.

- Поверишь, если будешь долго находиться на острове. Ты поверишь во что угодно.

Боуэн пьяно отсалютовал ему и пошел по грязной дороге. Он и Белый пес, они не сделали и десяти шагов, как Леви позвал его.

- Как бы то ни было, мне жаль, - произнес Леви, когда Боуэн оглянулся.

- За что?

¹⁶ Коса вблизи Лонг Айленда. В 1940-х годах на Оушен-бич, а затем на Черри-Гроув и в Пайнсе геи создали секретные поселения, тесно связанные с яркими огнями Манхэттена, но все же достаточно удаленные от них. К середине шестидесятых годов на Файр-Айленде созрело гей-сообщество, состоявшее в основном из белых представителей среднего класса.

- Не знаю. Из-за Нэша. Из-за вашего дома, где мы с женой остановились, а вы там больше не живете.

- Иди домой, - посоветовал Боуэн. - Иди домой к жене.

- Еще один вопрос.

Боуэн уставился на него.

- Прекрати задавать вопросы, - ответил Боуэн. - Тебе не понравятся ответы, которые ты однажды получишь.

- Вы любили его? - спросил Леви. - Я о Нэше.

Боуэн прищурился на него.

- Почему тебя это волнует?

- Потому что он был мне сводным братом, и я никогда его не люблю. Его жена его не любила. Его отец его не любил. Надеюсь, хоть кто-то его любил.

- Я любил его, - ответил Боуэн. - Я бы хотел не любить, но любил. Говорят, семья Мэддоксов проклята, и я верю в это. И как только ты прикоснешься к одному из них, проникнешь внутрь, проклятье тоже проникнет внутрь. Однажды ты будешь жалеть о браке с этой семьей, бриз.

- Я был в ней рожден. Если она проклята, то и я тоже.

- Ты проклят.

- А вы пьяны.

- Это сдерживает проклятье, - ответил Боуэн. - Это сдерживает все.

Боуэн пошел по темной дороге, и через десять шагов он стал невидимым, от него ничего не осталось кроме его свиста, а Белый пес шел рядом.

Леви поправил фитиль в фонаре и направился к дому. Он не винил Боуэна за то, что тот считал семью Мэддоксов проклятой, но Леви не мог поверить в такое суеверие. Проклятья не были настоящими. Проклятья были черной магией. Любое невезение в семье Мэддоксов они навлекли на себя сами. Эрик Мэддокс сбежал и вступил в армию во время войны, вместо того чтобы пойти в колледж или вступить в Национальную гвардию, как и остальные состоятельные сыновья. Нэш покончил с собой, когда, вероятно, должен был убить отца, их отца. И Тамара... она не Мэддокс по крови. Если и было проклятье, у нее к нему иммунитет. И Леви рос вне семьи, вдали от Джорджа Мэддокса. Нет, они с Тамарой будут в порядке.

Пока он поднимался в дом, Леви позволил себе улыбнуться, снимая грязные ботинки и оставляя их на крыльце. Остров Невесты. Сент Круа. Луиза. Маленький мертвый Филипп. Иисусе, Боуэн почти его убедил. Но история была хорошей. Настолько хорошей, что почти заставила Леви поверить, что этот остров был проклят, и семья была проклятой, и все, к чему прикасались Мэддоксы, было проклятым.

Он не был проклятым. Боуэн просто хотел его напугать. Но Леви не боялся. На самом деле, Леви был дома. Именно здесь, на острове, он был дома. И никакого проклятья на горизонте.

Райский сад Эдем, вот чем был этот остров. Его Эдем. И его Ева ждала его в эту секунду в кровати.

Леви открыл дверь и обнаружил Тамару в гостиной.

- Леви, не двигайся, - приказала Тамара, держа в руках пистолет, направленный прямо на него.

Глава 22

- Тамара... - Кровь Леви превратилась в лед и застыла.

- У твоей ноги, - сказала Тамара. - Не двигайся.

Леви посмотрел вниз. Свернувшись на полу, застывшая в тугом узле, там была медноголовая змея. Если бы Леви выставил ногу, он мог бы дотронуться до ее головы пальцем ноги.

- Леви, отойди, - попросила Тамара. - Очень медленно.

- Не могу. - За ним захлопнулась дверь. Ему нужно или переступить через нее или обойти, чтобы открыть дверь. Змея смотрела прямо на него, и сердце Леви грохотом отдавалось в горле. Он знал, если пошевелится, хотя бы одним мускулом, рептилия бросится вперед и вцепится в его ногу или голую ступню, и он понятия не имел, где был ближайший госпиталь, но он был недостаточно близко.

- Я не могу ее пристрелить, когда ты там стоишь, - объяснила она. - Я могу попасть в тебя.

Или если она промахнется, змея кинется вперед, испуганная звуком.

Леви оставил фонарь на крыльце. Иначе он бы бросил его в змею. Все, что он мог, это стоять там, потеть и считать биение сердца в ушах.

- Она двигается. - Тамара опустила ствол и направила его на змею.

Она двигалась, но не в том направлении, которое хотел Леви. Ее голова поднялась, глаза все еще изучали Леви.

Ноги Леви прилипли к полу. Он был в пяти секундах от гипервентиляции. Он пытался сосредоточиться на Тамара, стоящей там в ночной сорочке кукольных размеров с ружьем в руках, о котором он не знал. Но все, что он видел, это шестифутовая медноголовая, ползущая в его сторону.

- Принеси метлу, - сказал Леви.

- Она слишком близко к тебе. У нас нет времени.

Тело Леви так сильно тряслось, что он слышал, как стучат зубы. Тамара сделала крошечный шаг вперед, и Леви ощутил, как напряглась змея. Она свернулась туже, подняла голову выше. В этот момент его посетила безумная, плохая мысль. Тамара собиралась его убить? Разве не чудесно было бы, если бы ее новый муж умер так внезапно, так трагично, будет ли трагедией, когда она унаследует каждый пенни?

Когда он посмотрел на нее второй раз, он заметил, как дрожит ее палец на курке.

Она собиралась его убить. Такое миниатюрное создание как она не могло справиться с таким большим ружьем. Отдача заставит ее взлететь. Ее руки едва могли его держать. Она целилась ему в ноги, а выстрелит в грудь. Но, может, именно этого она и хотела.

- Тамара, не стреляй.

- Леви, я должна. Она шевелится.

- Нет. Ты заденешь меня.

В доме воцарилась тишина, как в морге. Было слышно только его дыхание, ее дыхание и шелест змеи по полу. Треугольная голова змеи поднялась с пола на дюйм или два, и ее длинный черный язык щелкал, пробуя воздух, пробуя страх Леви.

Тамара шагнула вперед, и пол скрипнул.

- Тамара?

- Тихо.

Леви замолчал.

Тамара постучала ногой по полу.

Казалось, змее это понравилось. Она повернула голову в ее сторону. Медноголовая отползла от Леви и поползла в ее сторону. Леви протянул руку назад и открыл дверь так медленно и осторожно как мог, не желая напугать змею.

- Беги, Тамара, - приказал Леви, когда дистанции между ним и змеей было достаточно, чтобы говорить. - Беги наверх. Беги сейчас же.

- В Библии есть стих, - начала Тамара, ее голос был тихим, будто лился издалека. - «И смогут они брать змей голыми руками, и, если выпьют они смертельный яд, это не причинит им вреда». От Марка, глава шестнадцать, стих восемнадцатый.

- В Библии много чего говорится, - ответил Леви. - Мы не должны всему верить.

- Что если это правда?

- Это не правда. Это все ложь. Не было Адама. Не было Евы. Не было ковчега и потопа, и ты не можешь взять медноголовую и не быть укушенной.

- Потоп был, - сказала она. - И он убил нечестивых. И не убил меня.

- Ты не особенная, Тамара. Я уже говорил это. Ты можешь умереть, как и все остальные. Даже не думай об этом.

- Мы все умрем, - заметила Тамара. - Так чего бояться?

- Для начала, этой гребаной змеи.

- Я не боюсь.

- Я боюсь. А теперь делай, что тебе говорят. - Змея остановилась в двух футах от Тамары. От голых ступней Тамары, ее голых ног. На Леви были джинсы, что нельзя было назвать защитой, но между ней и медноголовкой ничего не стояло.

- Стреляй, если хочешь стрелять, - приказал Леви. - Но не смей...

Тамара сделала шаг вперед и нагнулась. Все произошло быстро, но Леви видел все как в замедленной съемке, один кадр в секунду. Она схватила змею за шею, прямо под головой и побежала с ней, ступая босыми ногами по полу. Затем она выбросила ее на землю снаружи дома и отвернулась.

Бам, бам, бам.

Она выстрелила три раза.

Леви побежал за ней, поднял ее на руки, унося от укуса, если бы та могла ее укусить. Он отнес ее на крыльцо и опустил на ноги.

- Она тебя укусила? - спросил Леви, блуждая руками по ее рукам в поисках точек укуса. Тамара не отвечала. Ее глаза были большими, зрачки оставались неподвижными. Он легко похлопал ее по щеке, поцеловал пальцами перед носом. - Тамара Шелби, она тебя укусила?

Она медленно покачала головой, все еще находясь в тумане.

- Она мертва? - прошептала она.

Леви оглянулся. Ничего кроме содрогающегося змеиного хвоста не осталось. Голова была начисто снесена с шеи.

- Она мертва.

Тамара кивнула.

- Хорошо. - Она выпрямилась. - Это хорошо.

Тогда она не выглядела как ребенок или девочка. Нет, она выглядела как какой-то ангел, какая-то богиня, с сияющим позади нее фонарем, превращающим ее волосы в языки огня. Она взяла медноголовую голыми руками, затем тремя идеальными выстрелами снесла ей голову. Кем была эта девушка?

Его жена, вот кто она. Он заметил, как она дрожит, трясется, не как демон или ангел, или богиня, а как обычная девушка. Девушка, заглянувшая смерти в лицо и державшая ее в руках. Леви поднял ее на руки и отнес в дом. Он усадил ее на диван, поцеловал в макушку, затем ушел, чтобы закопать рептилию. В сарае он нашел ржавую лопату и выкопал ею яму в мягкой земле на краю леса. Лопатой он забросил

голову змеи в яму. Ее пасть была открыта, клыки обнажены, глаза открыты с пристальным и осуждающим взглядом. Леви мало-помалу закапывал ее. Затем он взял длинное тело и швырнул его глубоко в лес. У какого-то животного будет неплохой полуночный перекус, возможно, у другой змеи.

Когда змея была мертва и похоронена, Леви оперся на лопату и дышал.

Что с ним не так? Как он на долю секунды мог подумать, что Тамара собиралась его убить? Это все Боуэн с его историями о призраках и его разговоры о проклятиях, могилах и предупреждении никогда не любить Мэддоксов. Она спасла ему жизнь, а он переживал, что она уничтожит его. Леви чувствовал себя самым большим дураком на планете, считая, что эта маленькая девочка задумала какую-то зловещую схему за его спиной. Он должен ползать у ее драгоценных ног и целовать розовые пальчики за то, что она его спасла. А затем свернуть ей шею за то, что взяла ядовитую змею голыми руками.

Он вернулся в дом и захлопнул дверь.

- Тамара! - позвал он ее в десять раз громче, чем требовалось. - Где ты, черт возьми?

- В ванной, - донесся тихий испуганный голос. Ему было все равно, чем она там занимается. Он распахнул дверь и обнаружил ее у раковины, оттирающей пальцы лавовым мылом.

- Тамара? - спокойнее спросил он.

- Я думала, она будет скользкой, - ответила она, ее голос дрожал как ложка в кружке. - Но она не была скользкой. Она была гладкой и ровной. Как мышцы. И слишком сильной. Я до сих пор чувствую руками, какой сильной она была.

- Тамара... - Леви подошел к раковине и забрал кусок мыла из ее пальцев. Слезы покрывали ее щеки, и ее волосы прилипли ко лбу. Он включил холодную воду и смыл мыло с ее рук. - Тамара, тебе не стоило брать в руки эту змею.

- Знаю, - глухо прошептала она. - Я думала, если промахнусь, то задену тебя. И если промахнусь, то змея испугается и укусит тебя. Также при промахе она могла укусить меня, и тогда у меня бы не было второго шанса. Я не знала, что делать. И я думала... - Леви смахнул волосы с ее лба и поцеловал его.

- О чем ты думала? - прошептал Леви. - Расскажи.

- Я люблю тебя, - ответила Тамара, глядя ему в глаза. - То есть я ненавижу то, как люблю тебя. У меня не было причины брать эту змею, если бы только я не любила тебя, верно? Или я сошла с ума, или влюблена. Лучше быть влюбленной.

Ее глаза выглядели безумными - широко распахнутые, со зрачками, уставившимися на него, будто слепой пытается вспомнить каково это - видеть.

- Ты была напугана, вот и все. Страх заставляет нас совершать безумные вещи. Андре долгое время водил грузовик. Большегруз. Какая-то пьяная девушка выехала на красный и врезалась в него, ее машина загорелась. Андре вырвал дверь ее машины и вытащил ее. Он не мог этого сделать. Человек не может сорвать дверь с петель, но он это сделал. Страх дает нам силы, о которых мы и не подозревали. И любовь. Иногда они одно и то же.

- Я любила тебя до потопа. И любила после него. Ты единственный, кого я до сих пор люблю со времен «до потопа». Ты единственный, кого я люблю, кого всегда любила. - Она прижала ладонь ко лбу. - Я не хотела, чтобы ты проходил через все это.

- Ты всегда можешь говорить мне это. - Леви обхватил ее лицо ладонями. - Можешь мне говорить все, что хочешь. Бог Свидетель, именно это ты и делаешь. - Он улыбнулся ей, пытаясь связаться с той Тамарой, к которой он привык. Она была где-то там.

- Когда ты занимался со мной любовью, я чувствовала себя как до потопа. Я не ощущала этого.

- Что ты ощущала?

- Будто я должна делать то, чего не хочу. Будто обязана.

- Обязана делать что, детка?

Леви обнял ее, ее голова покоилась на его груди.

- Есть вещи, которые Бог хочет, чтобы я сделала, и я иногда не хочу их делать. А иногда хочу.

- Что это? Что ты хочешь сделать?

- Я хочу убить свою мать. - Ее голос был холодным как сталь и низким. Она говорила серьезно. Это не было подростковым преувеличением, связанным с гормонами. Она хотела убить мать. Она хотела сделать это сама.

Леви поцеловал ее в макушку. Если он сможет рассмешить ее, это будет подобно пламени внутри нее, и он сможет найти по нему настоящую Тамару.

- Если ты хотела разозлить свою мать, выйдя замуж за темнокожего парня, тебе стоило найти кого-то потемнее меня.

Плечи Тамары затряслись. Вот он, смех. И вот она, вернулась. Теперь он видел ее.

- Я не говорила тебе, что она сделала со мной, - прошептала Тамара. - Я не рассказывала тебе.

- Что? Расскажи, что она сделала с тобой.

- Она... сказала, что меня нужно поставить на место. Так она сказала бабушке. Она...

- Тамара, твоя мать тебя ударила? Расскажи мне правду, сейчас же.

Леви изучал ее лицо, но Тамара не могла на него смотреть. Это был ответ, который так ему нужен.

- На следующий день у меня были синяки, - ответила она. - По всему телу. Я едва могла двигаться. Даже на ступнях были синяки.

- Иисусе.

- Та ночь была самой страшной для меня. Змея ничто, Леви. Ничто.

Тамара снова посмотрела ему в глаза.

- Ты не оставишь меня одну? - попросила она, ее голос был испуганнее чем, когда змея была у его ног.

- Нет, малышка, я никогда не оставлю тебя одну.

- Пожалуйста, будь внутри меня. Я не такая безумная, когда ты внутри меня.

Она поцеловала его, и Леви ответил ей. Он почувствовал себя таким же безумным, как и она, чокнутым и диким от страха и облегчения, чокнутым и диким от злости, вызванной тем, что мать била Тамару за преступный поцелуй с ним. Что ж, они покажут ей, верно?

Леви сдернул ее трусики, стянул сорочку и опустил свои джинсы до лодыжек. Он поднял ее на руки и вонзился в нее прямо там, в ванной. Она закричала, когда он глубоко вошел в нее. Она была легкой, и опускать и насаживать ее на себя снова и снова с неистовой необходимостью, с безумием, не составляло труда. Ее спина была прижата к раковине, и удивительно как они не оторвали ту от стены. Она была такой горячей и влажной вокруг него, сжимающей его член словно рукой, крепко, но в то же время легко. Он погружался в нее, впившись в бедра, вколачиваясь так сильно, что испытывал боль. Он и представить не мог, как больно было ей. Но она хотела этого, хотела большего. Ее руки обвились вокруг его шеи, и она выгибалась навстречу ему, безумно двигая бедрами, извиваясь как самка в течке. Она кончила со стоном, и ее

ногти вонзились в его спину достаточно сильно, чтобы повредить кожу. Он опустил ее ноги на пол и развернул ее, наклоня над раковиной.

Леви снова погрузился в ее влажную глубину и трахал, дергал на себя и вколачивался. Это было грубо, и ей нравилось. Это было грубо, и ему нравилось. Безумие, казалось, длилось вечность. Она снова кончила с ахом, который больше был похож на стон боли. И когда он больше не смог сдерживаться, он ухватился за ее плечи и объезжал ее, вколачивался, использовал ее ради своего удовольствия, не обращая ни на что внимания, кроме своего оргазма, и, когда он кончил, оргазм был бесконечным, он опустошал себя, не страшась опасности, последствий и обещаний, данных себе. Сейчас не время для здравомыслия. Сегодня вечером он мог умереть. Сегодня вечером она могла умереть. Ничего бы не имело значения, если бы их не стало.

Когда он закончил, то не вышел из ее тела. Он положил голову между ее лопаток и дышал. И медленно покинул ее.

- Я чувствую себя грязной, - пробормотала она. - Я хочу принять горячую ванну.

- Мы примем ее вместе. Хотя и не сейчас. Стой там, где стоишь.

Леви схватил ее за талию и снова вошел в нее. Он даже не хотел кончать. Он не этого хотел. Он просто хотел побыть в ее теле еще мгновение. Тамара, должно быть, чувствовала то же самое, потому как прижалась спиной к нему, и, когда он обвил руками ее талию, она положила руки на его. Если он потеряется в ней, то всегда сможет найти обратную дорогу.

- Ты спасла меня, - сказал Леви между медленными сладкими поцелуями. Все было медленным и страстным в душной комнате, которая пропахла сексом и потом страха.

- У меня кроме тебя никого нет. Больше нет. И ты всегда был добр ко мне.

- Я был груб с тобой.

- Даже когда ты был грубым, ты был добрым. Ты давал Кермиту морковку, и ты помнил его кличку и подстригал гриву и хвост. Помнишь тот день, когда я упала и вывихнула лодыжку? Ты поехал искать меня и привез обратно в своем седле. Я чувствовала себя принцессой, а ты был моим принцем. Ты отпускал грязные шуточки, чтобы отвлекать меня от того, как сильно болела моя лодыжка.

Сердце Леви сжалось. Бедная маленькая богатенькая девочка - дразнил он ее однажды. Но не сегодня. Вместо этого Леви набрал ванну, и они оба легли в нее. Леви вымыл ее длинные волосы, а она намыливала его грудь и плечи. Они не говорили о змее, о том, как она взяла ее голыми руками, не говорили о Боуэне или Острове Невесты, или о побоях ее матери. Они вообще ни о чем не говорили. Им не нужно было, слова не сделали бы хуже или лучше.

Как только они были чистыми и спокойными, то отправились в постель, смотря под ноги. Сегодня он оставил на полу фонарь, и фитиль горел, отпугивая других животных. Завтра и каждый день после, они будут следить за тем, чтобы вторая дверь была закрыта, даже ночью. Они легли в мягком свечении фонаря, и Леви занялся с ней любовью еще раз, и в этот раз он впервые ощутил это, именно любовь, а не просто трах. После она плотно к нему прижалась, ее голова покоилась на его груди, и ее рука и нога обвили его тело.

Все было мирным, и все было правильным. Он поцеловал Тамару в макушку, сказал ей, что она была хорошей женой, что заставило ее улыбнуться с закрытыми глазами.

Когда Леви заснул, он почувствовал такое умиротворение, что забыл спросить Тамару, почему она взяла с собой ружье и где так научилась стрелять.

Глава 23

- Поджигай.

- Немного стыдно ввязываться в такую проблему только ради того, чтобы поджечь ее, - признался Леви, глядя на дно бочки.

- Ты должен обжечь эту чертову штуковину, - объяснил Боуэн. Леви привык к музыкальному акценту островитян, но, когда Боуэн говорил «тэту чертову ковину», он слышал "эту чертову штуковину", как и должен был. - В этом и есть чертов смысл.

- Ну, раз вы так говорите, босс, - улыбаясь, ответил Леви. Он толкнул бочку над камином и опустил мачту. Сухое гнилое дерево с легкостью загорелось, и пламя поднялось до самой вершины. Обжигание новой бочки было простым, проще, чем остальной процесс, нужно было только раскрыть древесину и пробудить танины, сахар и пшено, чтобы бурбон впитал ароматы. Леви пришлось признать, что превращение белого чистого дуба в пепельно-черный было забавным. И в своей тридцатилетней душе он все еще был подростком, который наслаждался игрой с огнем.

Последний месяц он был учеником Боуэна в кооперативе. Он попросил Боуэна не говорить остальным рабочим, что Леви владеет островом, что он владеет деревьями, которые они используют. Не то чтобы он не хотел, чтобы к нему относились как к боссу, просто немного неразумно признавать, что он унаследовал это место, всего лишь женившись на дочке босса. Парни были тут хорошие, молчаливые и грубые, и Леви улыбался при мысли, что скоро новым владельцем «Красной Нити» станет семнадцатилетняя девушка. Он надеялся быть рядом, когда рабочие услышат эти новости.

Строительство бочек было элементарной работой. Дубы росли на земле и ветру, и доски были выставлены на открытом воздухе до тех пор, пока они тщательно не просохнут. И когда просыхали, бочки обжигали огнем и герметично запечатывали. Для изготовления идеальной бочки требовались навыки в деревообработке, металлообработке, грубая сила и предельная аккуратность, и Боуэн был так хорош в этом, что Леви снимал шляпу перед ним. Боуэн мог насвистывать во время работы, даже когда работал пилой с бочарными клепками, делая надпилы от руки и на глаз так хорошо, что он мог делать это и с закрытыми глазами, и был таким сильным, что мог перебросить бочку через озеро, словно потрепанную корзину.

Когда бочка была тщательно обожжена, Леви снял шлем и вытер лоб носовым платком.

- Вот это работа, - сказал он.

- А ты думал, чем мы тут занимаемся? Делаем игрушки для Санты?

Леви рассмеялся.

- Вы заслужили мое уважение. Раньше по выходным я строил каркасы домов, и это ничто по сравнению с бочками.

- Завтра мы пойдем рубить деревья. Это легче.

Леви поморщился.

- Нам обязательно это делать?

- Чертов хиппи, - улыбаясь, ответил Боуэн. - А ты думаешь, откуда взялся твой дом? Он сделан из карамели, Гензель? Мы сажаем новые деревья. Мы всегда сажаем деревья. Нет деревьев - нет древесины - нет бочек - нет работы. Мы сажаем новые деревья.

- Знаю, знаю. Но это мои деревья, - ответил Леви, прикасаясь к груди.

- Эти деревья Бога, а ты простофиля, раз считаешь, что Он позволяет нам одалживать их.

- Бог любит бурбон, верно?
- А кто не любит? - спросил Боуэн.

Они делали бочки для бурбона, но на работе никто не пил. Даже если и хотели, Боуэн не позволил бы им. Все ходили по струнке. Одно неверное движение, и бочка за тысячу долларов станет кучкой дров. В первую неделю Леви испортил одну, забыв пропарить дерево. Когда он начал надевать обруч на верхушку, то сломал доски, вместо того, чтобы согнуть их. Боуэн вложил топор в руку Леви и отправил его сломать ее. Пока он это делал, Леви чувствовал себя собачонкой, чей хозяин тыкал её носом в собственное дерьмо, чтобы наказать. Июль в Южной Каролине. Кому, черт возьми, могут понадобиться дрова для камина?

С тех пор Леви был осторожен, чтобы не совершать смертельных ошибок. Практически любая дыра могла быть закупорена, любой недочет мог быть исправлен, если знать, что делать, а Боуэн определенно знал. Десять человек в кооперативе делали десять бочек в день, а кооператив работал шесть дней в неделю. Более трех тысяч бочек в год, что было не так много в целом, но они поставляли каждую бочку для производства высококлассного бурбона от «Красной Нити», и остаток продавали за хорошую цену виноделам из Франции. «Красная Нить» получала бочки для общедоступного алкоголя из Миссури. Но эти бочки были особенными, и Леви старался изо всех сил, чтобы не испортить их. После магической сборки бочки Боуэном, у Леви больше не возникало желания замахиваться топором на них. Уж лучше он помочится на картину Пикассо.

Леви был на середине процесса замачивания бочки, когда его похлопали по плечу.

- Доставка, - сказал Боуэн. Он указал на окно, у которого был припаркован грузовик.

- Наконец-то, - улыбаясь, произнес Леви.
- Что у тебя там?
- Подарок для Тамары.
- С виду чертовски большой подарок. Ты купил ей пикап?
- Другой вид транспорта.

Леви стянул перчатки и бросил их на скамью. Боуэн последовал за ним из мастерской к грузовику. За грузовиком был прицеп для перевозки лошадей. А внутри прицепа была лошадь.

- Ой... это так мило, - заметил Боуэн. - Ты купил миссис пони.
- Это не пони. Это конь. Теннессийский прогулочный, и он не дешевый.
- Красивый парень. Как его зовут? - спросил Боуэн, глядя сквозь решетки на черно-белого мерина.
- Рекс. Если Тамара не захочет назвать его по-другому.
- Когда собираешься ей его вручить?

- Сейчас. - Леви дал водителю чаевые и открыл прицеп. Водитель передал ему седло, которое он купил вместе с лошастью, английское седло, подержанное, поношенное и удобное. Идеальное для сладкой задницы Тамары, которая уже долгое время не сидела верхом. Леви не терпелось вернуться верхом домой и удивить ее. Был уже конец рабочего дня, поэтому Леви оседлал Рекса и направился к мосту, ведущему домой.

Дом. Он полюбил это слово. Будучи ребенком, понятие дом было условным. Иногда они с мамой жили в пансионате или съемных квартирах. Чаще всего они жили с его бабушкой или с Андре и Глорией. У них никогда не было собственного дома, только съемные, только одолженные. Даже во время жалкого брака мамы с мужчиной, который дал ему фамилию Шелби.

В эти дни ничего не делало Леви счастливее, кроме «дороги домой» и осознания, что там был дом, и его ждала жена.

Рекс хорошо слушался. У него была плавная покачивающаяся походка, с которой мог справиться даже самый неопытный наездник. Леви выбрал его, потому что он был красивым конем с мягким характером, но достаточно большим и сильным, чтобы Тамара не оскорбилась. На строительство загона и заготовку сена уйдет не больше недели. Леви мог взять пару отгулов на работе, чтобы сделать это или работать по вечерам. Строительство небольшого сарая со стойлом может занять немного больше времени, но коню и снаружи будет хорошо. Пространство возле дома было затененным и прохладным, и у Леви было достаточно овса и сена, чтобы прокормить Рекса две недели. Тамара обучит его всем необходимым упражнениям.

Леви вел Рекса по узкой пыльной дороге к дому. Он услышал то, что не ожидал услышать. Машину или пикап. Какой-то работающий двигатель. Рекс испугался внезапного звука, и Леви ускорил его шаг. Звук приближался, а Леви увел Рекса в лес и остановился под тяжелыми ветками высокого дуба. Мимо проехал пикап, большой дизельный монстр, и Леви прочитал слова написанные на боку машины – «Лесоматериалы и древесина, Афины, Джорджия».

- Какого черта? - спросил Леви, и длинные черные уши Рекса напряглись в ответ. Леви прихлопнул Рекса по бокам и тот поскакал к дому так быстро, как мог. Они прибыли вовремя, чтобы увидеть, как Тамара исчезает в лесу.

Зная, какая густая растительность в этой части острова, Леви понял, что должен как можно быстрее идти за ней или потеряет ее из виду. Он привязал Рекса к ветке и побежал за ней. Он услышал шелестящие звуки и пытался следовать за ними, но деревья были лабиринтом, и на каждом углу он боялся минотавра - еще одну медноголовку, пуму, яму, в которой он мог попасть и сломать ногу. Сколько раз он говорил Тамаре не ходить в лес одной?

Леви услышал треск и повернулся на звук. Он заметил проблеск белого и следовал за ним до кустарниковой травы и к белому песку пляжа. Вот она, стоит у кромки воды, в белом сарафане и босиком.

- Тамара! - позвал он ее, она повернулась и помахала ему.

- Что ты здесь делаешь? - невинно спросила она.

Он подошел к ней, что было не так-то просто в сыпучем песке.

- Что я здесь делаю? Что ты здесь делаешь?

- Ничего. Гуляю.

- Я вернулся домой, чтобы удивить тебя, и увидел, как по моей дороге едет пикап лесозаготовительной фирмы. Какого черта лесозаготовительная фирма делает на нашем острове?

В глазах Тамары вспыхнуло удивление.

- Ты их видел?

- Я их видел. А теперь отвечай. Какого черта здесь происходит?

- Эти деревья стоят целое состояние, Леви. Ты знаешь это.

- Знаю. И что?

- И мы можем их продать и заработать целое состояние.

- Можем. Мы многое можем. Мы даже можем продавать свои тела на улице или отрезать руки и ноги, чтобы стать цирковыми уродами, но мы не делаем этого.

- Мы унаследуем Арден, «Красную Нить», все. Нам не нужен этот остров.

Леви уставился на нее с высоко поднятым подбородком и яростью. Он мог кричать или шипеть, так он был зол.

- Ты продашь этот остров чертовой лесозаготовительной фирме только через мой труп.

Тамара указала на деревья.

- Я продаю их из-за трупа папы. Он продал свою душу за этот остров и умер здесь. Думаешь, я хочу жить здесь вечно?

- Ты, может, и нет, но я хочу. Это тебя не волнует?

- Меня волнует то, что я должна делать.

- Я остановлю тебя, даже если это будет стоить мне жизни. - Леви отвернулся, он был слишком зол, чтобы смотреть на нее. Он покачал головой, пнул песок. - Черт подери, чего ты еще хочешь от жизни, Тамара? У нас есть дом. Мы есть друг у друга. У нас есть целый гребаный остров, похожий на рай. Мы счастливы здесь. У нас здесь друзья...

- Это не то, ради чего я здесь.

- Тогда какого черта ты здесь делаешь?

- Я должна выполнить работу, Леви.

- Здесь стоит только два человека, и только у одного из них есть работа, попытайся еще раз.

- Я должна завершить то, что я начала в ночь потопа.

- Довести меня до психушки? Эту работу ты должна завершить? Кстати, ты отлично справляешься.

- Леви, я спасла твою жизнь. Ты жив и будешь очень богатым из-за меня.

- Спасла, и я благодарен. Но не настолько, что отвернусь и позволю тебе продать этот остров за моей спиной. Я никогда не любил что-то так сильно, как люблю это место.

- Любишь? Это болото, Леви. Оно должно быть болотом. Мужчина купил маленькую девочку, женился на ней и иссушил болото, потому что сошел с ума после ее смерти. Они держали рабов на этом острове. Откуда, по-твоему, у меня идея о вырубке деревьев? Это папина идея. Нет деревьев, нет «Красной Нити». Вот почему он хотел получить этот остров от дедушки. Спроси Боуэна. Именно Боуэн рассказал мне об этом.

- Возможно, у него и была идея, но он этого не сделал.

- Только потому, что покончил с собой. Он собирался это сделать. Он хотел наказать дедушку, и это был лучший способ. Он хотел все сделать правильно.

- Сделать все правильно? Все правильно? Тамара, ты не можешь сделать все правильно, вырубив сотни акров леса.

- Если бы ты знал, каким человеком был дедушка, ты бы понял.

- Ох, я знал, каким человеком он был. Человеком, который трахал девочку только ради того, чтобы та забеременела и родила ему сына. Вот каким человеком он был. Не надо говорить мне, что я не знаю, каким он был. Я знаю это лучше тебя. Спроси меня, имеет ли это значение? Нет, не имеет.

Глаза Тамары стали большими, огромными, как небо.

- Ты знаешь, что сделал дедушка?

- Конечно, знаю. Уже давно знаю.

- Ты знал и не рассказал мне?

- Я знал, и мне было плевать. Абсолютно, - ответил Леви. Вирджиния Мэддокс утратила всякое сострадание в тот день, когда Тамара сказала ему о том, как мать избила ее. Со слов Боуэна, Джордж Мэддокс даже не заставлял ее спать с ним. Должно быть, она делала это ради денег.

- Знаешь, - повторила Тамара, ее голос казался таким далеким, что он едва его слышал. - И тебе наплевать.

- Меня волнует остров. Меня волнуют деревья. Меня волнует план, который мы разработали, который, кажется, ты совсем забыла, потому что так одержима мстью матери и дедушке.

- Твоему отцу, - ответила она. - Не моему дедушке. Твоему отцу. - Эти слова были самыми жестокими, которые она могла сказать ему, и сказала их.

Тамара отвернулась от него и уставилась на океан.

- Тамара... посмотри на меня.

Она шагнула к воде. Леви схватил ее за руку, дернул на себя, внезапно охваченный страхом, что она может наказать его, бросившись в океан.

- Тамара.

Она посмотрела на него. Все упрямство покинуло ее глаза. Все упрямство и огонь. Ушли. Тамара больше не была дома.

- Тамара?

Она отошла от него, и он отпустил ее руку.

- Тамара, куда ты собралась? Мы еще не закончили.

- Мы закончили.

Он продолжала идти.

- Тамара, не смей...

Но она посмела.

Леви побежал за ней, и она остановилась, подняв перед собой руку. Он остановился в двух футах перед ней, задыхаясь от ярости и страха.

- Тамара?

- Оставь меня в покое.

Глава 24

Тамара не знала, как долго она шла. Несколько часов? Может, дней? Она не знала, и ей было все равно. Ей было не все равно ровно столько же на то, как давно она ушла и где она была, насколько Леви переживал о том, что сделал с ней дедушка.

Ни на йоту.

Откуда Леви узнал? Она никому не рассказывала. Это мать ему рассказала? Может, они каким-то образом причастны к этому? Может, мать нашла Леви и сказала ему жениться на Тамаре и присматривать за ней? Может, Леви был шпионом её матери. Это имело бы смысл. Да... мать подкупила Леви. Именно это и произошло. Леви замешан. Мать первой добралась до него. Леви женился на Тамаре, чтобы унаследовать деньги, а затем убедиться, что она утонет в океане, а он получит все, вот почему он хотел осесть здесь, на острове Невесты. Вот почему он так сильно хотел этот остров, потому что собирался похоронить ее здесь и забрать деньги.

О, они были великолепны. Какой замечательный план. Хотела бы она придумать его первой.

Тамара посмотрела вверх. Даже в тени дубов солнце безжалостно пекло в голову. Мозоли покрывали ее пятки в тех местах, где натирали задники туфель, потные, скользящие при каждом шаге. Время от времени один из этих волдырей лопался, и по стопе текла жидкость. Мухи жужжали вокруг в поисках крови и мозольной жидкости, и она позволяла им пировать ею.

Она остановилась возле дерева и перевела дыхание. Прошлой ночью она спала на пляже. Она знала. Она знала, что прошла вся ночь, с тех пор как Леви сказал, что ему все равно, ему плевать. Когда в последний раз она пила воду? Вчера вечером? Да, в доме. Мужчина из «Древесины Афин» пошел позвонить, и она подала ему чай, пока он

перечислял даты, когда они начнут вырубку, сколько времени уйдет, сколько акров они могут вырубить за неделю, сколько денег они предложат за древесину. Сумма была больше, чем она представляла. Но опять же она не представляла сумму, потому что вырубала деревья не ради денег. Деньги ничего не значили. Деньги не имели для неё совершенно никакого значения.

- Вы уверены, что хотите сделать это? - спросил лесоторговец. Он посмотрел на нее, как отец смотрит на дочку, которая собирается выйти не за того парня. – Я имею в виду, что вам больше никогда не придется волноваться насчет денег, если вы согласитесь, но мы можем срубить половину и посадить новые, если хотите. Вы по-прежнему будете богатой и жить на прекрасном зеленом острове.

- Забирайте их, - ответила она. - Забирайте все.

Он ответил, что если это именно то, чего она хочет, то они будут более чем счастливы забрать их у нее. Он пообещал выслать кое-какие бумаги ей по почте. Единственной загвоздкой было ее владение островом. Неважно, сколько раз она говорила ему, что весь остров принадлежал ей, только ей, лесозаготовщик хотел и подпись Леви. Он сказал, что ему достаточно судебных баталий. Нет, спасибо. В эти дни их было предостаточно. «Мой муж подпишет контракт, обещаю», - ответила Тамара. Она пила чай, последний напиток, прежде чем она ушла от Леви. Солнце было примерно в том же месте на небе, как и вчера, когда лесозаготовщик из Афин уехал. Она хотела пить и устала. И у нее было ужасное ощущение, что и деревья работали на ее мать.

Тамара хотела сесть, но тоненький голос в голове предупредил, что, если она сядет, то перестанет двигаться. Она навсегда перестанет двигаться. А это плохо. У нее все еще были дела. Она пока не могла перестать двигаться. После завершения начатого, она вернется сюда, ляжет среди леса и больше не пошевелится. Потом.

Но не сейчас.

Она прижала лоб к стволу дерева. Кора царапала кожу. Она потерла лоб и смахнула муравья с лица.

- Я устала, - призналась девушка. - Я хочу домой.

Дом. Был ли у нее когда-нибудь дом? Она не могла вернуться в дом, который почти два месяца делила с Леви. Он знал, что дедушка пытался изнасиловать ее, чтобы она забеременела, и ему наплевать. Как он посмел оставаться равнодушным?

Арден тоже не был ее домом. Даже, если унаследует его, она не могла там жить. Каждую ночь, которую она провела в том доме, ей снилось наводнение, дедушка, то, от чего спасло ее наводнение, то, что могло произойти не будь его. Дом ужасов, вот чем был Арден. То место было куплено на кровавые деньги, и она не могла там оставаться.

Ей нужен новый дом.

Ее собственный новый дом.

И где-то там, там был другой дом. Боуэн рассказал ей.

Тамара оттолкнулась от дерева и снова начала идти. Сердце пульсировало в ушах. Мозоли на ногах заставляли морщиться при каждом шаге. Она переступила через корень дерева, но нога не послушалась, и она споткнулась, жестко приземлившись на правый бок.

Она услышала страшный звук, похожий на рычание животного, и поняла, что это она его издала.

Ее руки тряслись, пока она становилась на колени. Слабая лодыжка, которая так и не восстановилась после первого растяжения связок, снова вывихнулась. Она что-то порвала. Она ощущала боль в ноге.

- Мама... - закричала она, забывши в замешательстве и агонии, что она ненавидела Вирджинию Мэддокс. Грудь потяжелела, и она поняла, что ее сейчас вырвет. Но если она поддастся позыву, это будет конец. Ни еды. Ни воды. Она не могла потерять еще одну каплю жидкости.

Где-то заиграла музыка.

Музыка?

Крепко ухватившись за корень, о который споткнулась, Тамара медленно поднялась на ноги. Ее правая лодыжка пульсировала, и она не могла перенести на нее вес. Но она нашла толстую ветку и использовала ее как трость, пока пробиралась вперед через лес к источнику музыки. Музыка означала людей. Люди означали воду. Она найдет людей и выпьет воды, а затем снова отправится на поиски дома, который, как она верила, находился где-то на острове. Она будет жить в доме Жюльена Сент-Круа, построенном для его маленькой жены. Она умерла, верно? Его жена, Луиза? Сент-Круа, должно было, быть так одиноко без жены. Она знала, что и ей будет одиноко на этом острове.

Она найдет Жюльена, и он влюбится в нее с первого взгляда. Он попросит выйти за него, потребовать, потому что люди его времени не просили, а брали. Нет, нет, нет, она не вышла бы за него. До тех пор, пока он не освободит своих рабов. Ужасный мужчина, ему ли не знать. Ужасный мужчина, ему стоит знать, что нельзя торговать людьми. Она бы заставила его их отпустить. И он бы подчинился, потому что очень сильно любил ее, любил с первого взгляда. Он бы любил ее, и она любила бы его, и когда бы они ругались, он бы отводил ее в самую роскошную спальню в их роскошном доме, и час спустя она бы спускалась с улыбкой на лице.

Она не могла дожидаться встречи с ним, с будущим мужем. Их свадьба состоялась бы в доме. Они и сегодня могли пожениться. И вскоре она бы родила ему сына. И они бы называли его Филиппом, в честь короля.

Разве не здорово выйти замуж за сына графа? Даже третий сын графа был лучше партией, чем никакой сын графа. Кем бы она была? Леди Тамарой. В этом что-то есть. Леди Тамара Сент-Круа, графиня острова Невесты.

Свадьба была бы такой красивой.

Тамара посмотрела вниз. Идеально. Она уже была в белом платье. Безусловно, Жюльен не против того, что она уже была замужем. Брак был не настоящим, сказала бы она. Леви не был ее настоящим мужем. Он был шпионом, нанятым мамой. Жюльен защитил бы ее от них обоих. Вот почему он высадил все эти деревья на острове. Они были для нее. Эти деревья защищали дом от шпионов. Никто не мог найти дом среди леса. Никто кроме нее, и только потому, что ей здесь было место. Здесь с ее мужем.

- Бог мой... - прошептала Тамара и вышла на поляну. Вот он. Дом. Дом Жюльена Сент-Круа, построенный только для нее. Он был красивее, чем она смела представить. Он был похож на замок из серого камня. В северном и южном крыле были башни. Ох, и там был сад, вокруг которого находился цветник. Парадная дверь была из тяжелого дуба, конечно же. Теперь она узнавала дуб. Она различала его с первого взгляда. А из чего же еще могли быть сделаны двери? Из пихты? Тамара поковыляла к дверям, и они открылись. Пожилая дама в черном платье с белым передником, ее темные волосы были убраны под белый чепец, спешила к ней по коридору, заламывая руки.

- Леди Тамара, вот вы где. Мы думали, вы сбежали от нас. Вы опоздали, - сказала прислуга. - Опоздали на собственную свадьбу.

- Простите, - извинилась она. - Я отправилась на прогулку и заблудилась. Я грязная? Мне нужно переодеться?

- Ох, нет... - Прислуга шагнула назад, посмотрела на Тамару и улыбнулась. - Вы так красивы.

- Милорд сердится на меня за то, что я заставила его ждать?
- Он будет ждать вас вечность. Вы это знаете. Но гости беспокоятся, и ваш отец протоптал дырку в ковре.

- Папочка здесь?

- Думаете, ваш отец пропустил бы вашу свадьбу? Пойдемте, поздороваемся с ним. Он вас ждет.

- Отведи меня. Отведи сейчас же. Я не знала, что он придет на свадьбу.

- Ни за что на свете не пропустил бы, сказал он. Даже из-за собственной смерти.

Тамара последовала за служанкой по коридору. Она поняла, что может нормально идти, без боли. На самом деле, она могла бежать почти вприпрыжку, желая как можно скорее увидеться отцом. А вот и он, красивый, каким она запомнила его, величественный как король, с темными вьющимися волосами и сияющими темными глазами, в темных сапогах на сильных длинных ногах, вытаптывающих дыру в красном ковре.

- Папочка! - Тамара бросилась в его объятия, и он крепко обнял ее, так крепко, что она еле могла вздохнуть. Но ей не нужно было дышать. Ей просто нужен был папа на ее свадьбе.

- Вот моя красавица. - Он раскачивал ее в объятиях.

- Не думала, что ты приедешь.

- Я приехал, ангел. Не мог допустить, чтобы ты вышла замуж без меня. - Он отстранился и держал ее за плечи. - Ты такая красивая.

Она снова посмотрела на себя. Он прав. Она была красивой. Она увидела свое отражение в зеркале в коридоре. Платье мерцало как полная луна в ясную ночь, наподобие серебристо-белого цвета, который она видела только во сне. И ее рыжие волосы струились густыми волнами по спине. Белая фата покрывала волосы, и, когда придет время идти по проходу, она закроет ей лицо, но только для того, чтобы муж ее поднял, как только он станет ее мужем.

- Я не хотела заставляя тебя ждать, - сказала она. - Я... - Она остановилась. - Не помню. Я гуляла, и я не помню.

- Ты здесь. И это единственное, что имеет значение. Ты готова?

- Да, - ответила она. - Если ты готов, то и я тоже.

- Ты любишь его? - спросил папа. Он был таким красивым в сапогах до колена, начищенных до зеркального блеска, и черных брюках, черном жакете и шейном платке.

- Я буду любить его всю свою жизнь.

- Тогда да, я готов. - Отец широко улыбнулся и опустил фату на ее лицо. Затем он кивнул лакею, который открыл дверь. Музыку, которую она слышала, исходила отсюда, из бального зала. Струнный квартет, две скрипки, альт и виолончель играли негромкий свадебный марш, и на мгновение его заглушило шуршание ног многочисленных гостей в нарядах, которые обернулись посмотреть на юную невесту Жюльена Сент-Круа, идущую под руку с ее привлекательным отцом.

Ох, как они ахнули при виде нее. Она услышала их вздохи, хотя не видела их лиц. Фата мешала, и все, что она видела, это тени.

- Я не вижу, папочка. Не дай мне упасть.

- Никогда, мой ангел.

- Это правда? Мужчина, за которого я выхожу, сын графа?

- Барона, любовь моя. Он барон. Для тебя только лучшее.

- Разве дедушка не барон?

Отец не ответил. Может, он не услышал ее из-за музыки. Шагая под руку с отцом, Тамара шла к концу прохода, где ее ждал жених.

Отец остановился, и она остановилась. Вот и все.

- Будь хорошей девочкой с твоим мужем, - прошептал ей на ухо отец, затем поцеловал в щеку через фату.

Время пришло. Фата была поднята, и она улыбнулась мужчине, который будет ее мужем.

Улыбка покинула ее лицо.

- Леви?

- Ржавая, ты прекрасно выглядишь.

- Нет, - ответила она, мотая головой. - Я не могу выйти за тебя. Я тебя ненавижу.

- Не прилично говорить такое своему мужу.

- Я не выйду за тебя. Я никогда не выйду за тебя.

- Слишком поздно, - заметил он. - Мы уже женаты.

- Как? Я не... Когда? - Тамара осмотрела комнату, сканируя лица, высматривая друзей, отца, который исчез.

- В свадьбе нет необходимости, - донесся голос из-за спины. Тамара развернулась, и из толпы гостей вышла женщина в красном платье. - Ты уже его. Кровь его крови. Плоть его плоти.

- Мама?

- Тебя купили и за тебя заплатили, - сказал Леви над ее плечом. - Ты моя.

- Нет. - Покачала она головой. - Нельзя продавать людей. Больше нельзя продавать людей.

- Конечно, можно, - ответил Леви, дьявольски улыбаясь, именно эту улыбку она любила, но сейчас ненавидела. - Мы постоянно это делаем.

- Ты продала меня, мама... - Она смотрела на маму, которая улыбалась в триумфе и славе. - Почему ты меня продала?

- А на что еще способны девочки? - спросила мать. - В любом случае, это все, на что я способна.

- Девочки способны жить, - ответила Тамара, вглядываясь в пустые лица, смотрящие на нее, будто она с другой планеты. - И девочки способны сжигать дотла дома.

Тамара толкнула тумбу со свечами, и красный ковер, по которому она шла, загорелся.

Прежде чем кто-либо успел ее остановить, она выбежала из комнаты, из дома, со свадьбы, от матери и мужа, за которого ей не стоило выходить.

Она выбежала в сад и увидела дом в огне, прекрасном изумительном огне.

- Вот на что способны девочки, - произнесла она, улыбаясь. Она нашла в саду каменную скамью и села наблюдать, как дом пожирает пламя. Он так быстро разгорелся, будто стены были пропитаны виски. Кирпичная кладка превратилось в ярко-желтую и красную и рухнула на ее глазах, став мягкой серой золой. С крыши упала дымовая труба. Красные бархатные занавески трепетали в огне и свернулись как свитки. Звуки были похожи на скрежет камня, пока дом поглощал себя и раскалывался на кусочки, словно башня, построенная из детских кубиков, слишком высокая, чтобы стоять, она могла только падать, падать и падать...

Чтобы сгореть дотла потребуется много времени. Ей стоит отдохнуть. День был таким длинным. Она легла на бок на каменную лавочку и закрыла глаза. Она поспит и затем, когда отдохнет, снова будет идти, пока не найдет новый дом. Пошел небольшой дождь, она ощущала его на лице, но игнорировала. От дома не осталось ничего кроме кучи дымящихся кирпичей, все внутри погубили и исчезли. Небольшой дождь не поможет и не навредит. И она очень хотела пить. Она перекатилась на спину и открыла рот. Хлынул поток воды, и она начала захлебываться.

- Сядь, Тамара. Давай же.

Она ощутила под собой сильную руку, заставляющую ее сесть.

- Я сплю.

- Не спи. Ты не захочешь просыпаться. Давай же.

Она жадно пила воду, желая большего. Наконец, она открыла глаза.

Перед ней на коленях стояла мужчина. Она узнала лицо, хотя не могла вспомнить имя.

- Я тебя знаю, - сказала она.

- Тебе ли меня не знать, - ответил он. - Мы женаты.

- Разве я не сожгла тебя дотла?

- Ты определенно пыталась, Ржавая.

Ржавая... как только он произнес это слово, она поняла кто перед ней.

- Леви.

- Это я. Ты знаешь, кто ты? - спросил он, поднося бутылку воды к ее губам. Она пыталась забрать ее из его рук, но поняла, что ее руки слишком сильно дрожали.

- Позволь мне. Ты даже не можешь поднять руки.

- Я могу. - Ее голос был тихим и изможденным. Она держала бутылку ровно для того, чтобы доказать, что может, и делала большие глотки. Медленно она пришла в себя, будто вырвалась из сна и не была до конца уверена, что было реальностью, а что сном.

- Леви, - сказала она, поставив бутылку на каменную скамью рядом с собой. Только это была не скамья, а валун.

- Так меня зовут. Ты знаешь свое имя?

- Тамара.

- Тамара?

Она посмотрела ему в глаза и увидела в них злость, а под злостью был страх.

- Мэддокс, - добавила она.

- Почти.

Тамара прижала руку к голове и заставила себя вспомнить то, что она не хотела помнить. Ее звали Тамара Белль Мэддокс. Ей семнадцать. Она замужем за Леви Шелби. Она не... Нет, она определенно не вышла за Жюльена Сент-Круа. Это всего лишь сон.

- Тамара, ты хоть представляешь, как сильно меня напугала?

- Я напугала тебя? Забавно. - Она пьяно усмехнулась, будто выпила бутылку бурбона, а не воды.

- Ты знаешь, сколько тебя не было?

Она покачала головой.

- Два дня, Тамара. Целых два дня я бродил с Боуэном и Белым псом, пытаюсь тебя найти. Боуэн пошел в полицию.

- Нет. Не надо полиции. Они позвонят маме.

- Думаю, это наименьшая из проблем.

- Она самая большая наша проблема.

Тамара потерла лоб, где пульсировал узел боли.

- Два дня, Тамара. Ты слышишь? Тебя не было два дня. Тебе повезло оказаться живой.

Она посмотрела на себя, свою лодыжку, красную и опухшую, порезы и царапины на ногах от лодыжки до колена. Руки были грязными, грязь под ногтями и кровь на ладонях из-за царапин, когда она пыталась подняться после падения. Леви осторожно прижимал носовой платок к ее лицу, и она заметила, что тот покрыт кровью.

- Я?

- Тамара, с тобой все в порядке? - спросил Леви. Он обхватил ее лицо обеими ладонями и посмотрел в глаза, будто искал следы повреждения.

- Нет.

- Не думаю. Пойдем, доставим тебя в больницу.

- Мне не нужна больница.

- Ты только что сказала...

- Мне не нужна больница. Мне не нужен доктор. Мне нужно...

- Что тебе нужно? Ответь. И я достану это для тебя.

- Мне нужно, чтобы ты меня не ненавидел.

Леви отшатнулся и прищурился.

- Почему ты считаешь, что я тебя ненавижу?

- Потому что тебе плевать на меня. Ты сам так сказал.

Леви тяжело вздохнул и встал. Ей не нравилось сидеть, когда он стоял. Его размеры пугали ее. Он, если захочет, мог с легкостью причинить ей вред, особенно здесь, в глуши. Кстати, где она? Она осмотрелась и увидела поляну, огороженную дубами, увидела линию черных кирпичей, остатки каменной тропы.

- Мне не плевать на тебя, - ответил он. Его руки были скрещены на груди, его большие руки, его широкая грудь.

- Ты сказал, что знаешь о дедушке, о том, как он пытался завести сына.

- Да, знаю. Боуэн рассказал. Тамара, послушай, то, что твой дедушка делал с твоей мамой, было ужасно. Но это не повод вырубать весь остров. Я слышал о взрывном характере, но твой не имеет равных.

- Что ты имеешь в виду, говоря о том, что делал дедушка с мамой?

- То, о чем я сказал два дня назад. - Он нахмурился и снова посмотрел на нее, будто ей не хватает винтика в голове. Может, так и было. Она была уверена, что он сказал, что знает, и ему все равно, что дедушка пытался изнасиловать ее и обрюхатить. Но он говорил не о ней. Он говорил о маме?

- Что дедушка сделал с мамой?

- Я думал, ты знаешь. Ты вела себя так. - Он пожал плечам и опять вздохнул. - Боуэн говорит, из-за этого твой папа и покончил с собой. Он вернулся домой из деловой поездки и обнаружил жену в постели собственного отца, моего отца.

- Мама и дедушка? - Ее разум пришел в хаос.

Леви медленно кивнул.

- Очевидно, он хотел мальчика. На тот момент у него было трое сыновей - один мертв, второй не интересовался продолжением рода, третий от черной мамы. Поэтому он спал с твоей матерью, пытаясь заделать ей своего ребенка, чтобы все думали, что он от Нэша. Учítывая, какой женщиной была твоя мать, полагаю, она согласилась на это предложение ради того, чтобы остаться в милости дедушки. И, скорее всего, из-за денег.

Мама... Он говорил о маме. Ее мама и дедушка. Вот что знал Леви, и ему было плевать.

- Тамара, ты знаешь, что мне не плевать на тебя. Знаешь, верно? - Леви снова опустил перед ней на колени. Он обхватил ее лицо ладонями. - Ты должна знать.

- Я не знала.

- Я женился на тебе, чтобы уберечь от свадьбы с другим чокнутым старикашкой, который использовал бы тебя и делал больно, и обращался с тобой как с собственностью. Ты казалась такой решительной и такой...

- Глупой?

- Юной.

- Я не такая юная, как выгляжу.

- Нет, но ты не настолько взрослая, как думаешь. Я не хочу становиться в позу, но должен, если ты пытаешься продать этот остров лесозаготовительной фирме, чтобы позлить мать и деда, который вертится в своей могиле, пока мы говорим.

- Я делала это не просто назло им.

- Тогда почему? Почему я должен отступить и позволить тебе срубить все деревья до одного? Потому что, не знаю как ты, но мне вроде как нравится здесь. Это первое место, где я жил и ощущал, будто оно мое, и тут мой дом. Если ты хочешь, чтобы я отступил и смотрел, как ты его разрушаешь, тебе лучше назвать вескую причину.

- Папа собирался сделать это.

- Нет, Нэш не собирался. Нэш думал об этом, и Боуэн его отговорил. Вместо продажи острова он решил оставить его и привезти сюда дочку, жить с ним и...

- И Боуэном.

Глаза Леви вспыхнули.

- Ты знаешь об этом.

- Я знаю больше, чем ты думаешь. Я знаю больше тебя.

- Ну, тогда почему бы тебе не начать перечислять все, что ты знаешь, а я не знаю. Как думаешь, справишься? Думаешь, сможешь рассказать мужу о том, что с тобой творится? Потому что я, Тамара, пытаюсь быть хорошим мужем. Я стараюсь изо всех сил. Если завещание окажется не в нашу пользу, у меня есть работа. Я откладывал деньги. И отвалил приличную сумму, чтобы купить тебе этого парня. - Он указал на дерево, где стоял привязанный черно-белый конь, отмахиваясь от мух хвостом.

Тамара выпрямилась: - Это мой конь?

- Да.

Она начала подниматься, но Леви подхватил ее и заставил снова сесть.

- Сиди, - приказал он. - Ты можешь позже поиграть с конем.

- Он... такой красивый. Не могу поверить, что ты купил мне коня. - Тамара не могла оторвать от него глаз. Она больше не ощущала порезов на руках и боли в лодыжке. Леви купил ей коня. Это было так мило, что она почти ощутила нежность.

- Да, я купил тебе коня. Глупый влюбленный идиот, я купил тебе коня, чтобы компенсировать потерю Кермита. Так что вот он.

Тамара снова пыталась встать, но не смогла. Она покачнулась, и Леви ее подхватил.

- Ты больше никуда не пойдешь, - заявил он и опустил ее на землю.

- Прости. Я хотела его погладить.

- Оставайся здесь. - Леви указал на нее.

Он подошел к дереву, отвязал коня и подвел его к ней, держа за уздечку.

- Рекс, познакомься с Тамарой. Тамара, это Рекс, Тенниссийский прогулочный.

- Привет, Рекс. - Тамара подняла дрожащую руку и прижала ее к бархатному носу коня. Так приятно было гладить его нос и скользить по длинным ушам. - Привет, дружок. Ты до ужаса хорошенький.

- Не говори ему такое. Он парень, а не девочка. Он симпатичный.

- Привет, симпатяга. - Рекс уткнулся носом в ее ладонь, держа голову опущенной, чтобы она смогла дотянуться до его морды и ушей. - Ты хороший парень, верно?

- Самый лучший, которого я смог найти. Его последним владельцем была юная девушка. Она поступила в колледж в Калифорнии, и поэтому ее родители его продали. Он потерял свою девочку, а ты потеряла своего коня. Подумал, вы подойдете друг другу.

- Мы подойдем друг другу. - Тамара улыбнулась. Она обернула руки вокруг шеи Рекса, и конь поднял голову, а она поднялась на ноги.

- Тамара...

- Все хорошо, - заверила она. - Я могу стоять.

Она не могла перенести вес на правую ногу, но могла стоять, пока Рекс стоял на месте и позволял ей прижиматься к себе. Она провела пальцами по его черной гриве, расчесывая густые волосы, распутывая узлы. Муха села на его ухо, и она смахнула ее.

- Леви, ты веришь в зло?

- Я верю в свободу воли.

- Это не ответ.

- Ответ, если подумать.

Она подумала. Может, это и ответ. Может, это единственный ответ.

- С девочкой однажды произошло зло, - начала Тамара, ковыляя вокруг Рекса, хлопая его бока, поглаживая длинную спину. - И она была не очень старой, всего пятнадцать или около того. И в этом доме она была заложницей.

- Заложницей?

- Они использовали слово «рабыня», но какая разница? Разве не так ты бы назвал это, если бы кто-то украл меня, запер в доме и не отпускал? Верно?

- Продолжай, - попросил Леви. - Расскажи мне об этой девушке.

- Мужчина, удерживающий ее в заложниках, насильничал ее, и она забеременела. И когда его жена узнала, что девушка носит его ребенка, они продали ее за тысячу долларов. И мужчина взял тысячу долларов и открыл собственную винокурню.

- Кто-то знакомый? - спросил Леви, глядя на нее поверх спины Рекса.

- Веритас. Так ее звали, но они звали ее Вера. И Джейкоб Мэддокс, дедушка моего дедушки, изнасиловал ее, и его жена ее продала.

- Отец моего дедушки. Не твой. Мой.

- Теперь ты знаешь, почему я была так счастлива узнать, что я не настоящая Мэддокс.

- Теперь ты знаешь, почему я был так зол, узнав, что им был я.

- Леви... если расскажу тебе кое-что, ты поверишь мне?

- Постараюсь. Все, что я могу, это стараться. Что же это?

- Думаю, она говорит со мной.

- Кто?

- Вера.

- Вера? Вера, которая умерла лет сто назад?

- Думаю, я видела ее в ночь наводнения. И потом она иногда приходила ко мне во сне. В ночь... после нашего первого раза она мне снилась. И она сказала мне, что папа знал. Я проснулась и спустилась в кабинет, где нашла визитку лесопилки Афин. Я думала, она говорила мне, что я должна продать деревья, что это собирался сделать папа. Звучит дико, верно? Теперь, когда я сказала, понимаю, как безумно это звучит.

- Это не кажется безумием.

- Нет?

- Кажется... милым. Как бы.

- Милым?

- Ржавая, не знал, что у тебя такое нежное сердце. Особенно к чернокожей девушке, жившей сто лет назад до нашего рождения.

- Сто лет - это не пустяк, Леви. Сто лет - это вчера. Если бы с тобой произошло то, что произошло с ней, сто лет - не пустяк.

- Ты хочешь уничтожить деревья на острове из-за того, что они сделали с маленькой девочкой?

- Людей нельзя продавать, - ответила Тамара. - Нельзя. А они продали. «Красная Нить» существует потому, что они ее продали. Знаешь, это забавно. Говорят, в крови

Мэддоксов бурбон. Но это неправда. Вот что правда - в нашем бурбоне кровь. Ее кровь. - Она посмотрела на Леви и обнаружила, что он смотрит на нее. - Хочешь продолжать продавать ее кровь? Вот чем мы занимаемся. Варим её, дистиллируем, выдерживаем, разливаем и продаем с красной ленточкой на горлышке. Красная лента, как та, что она носила каждый день, такую же Генриетта Мэддокс сорвала с волос Веры и оставила себе, чтобы показать, что она сделала. Красная лента, как та, что он носил на пальце назло жене. Знаешь, у нас до сих пор хранится та красная лента. Она на бутылке в Ардене. Я ее видела. Она реальна.

- Я верю, что она настоящая. Была настоящей. Сейчас она мертва, и ты не должна принимать приказы от мертвых.

- Что бы ты сделал, если бы это была я?

- О чем ты говоришь?

- Что бы ты сделал, если бы меня изнасиловали и продали? Ты бы любил эти деревья так же сильно? Ты бы продолжал производить «Красную Нить»?

- Тамара, это было сотню...

- Это было вчера, - ответила она.

- Ты хочешь мести. Вот в чем дело. Месть за то, что они сделали с ней.

- Месть за то, что они сделали с нами.

- Они мертвы. Мэддоксы, сделавшие с ней это, мертвы. Как ты собираешься мстить мертвым людям? Откопаешь их и проткнешь сердца?

- Я задавала себе тот же вопрос и думаю, нашла ответ. Ты уничтожаешь то, что они любили, и ты любишь то, что они уничтожили.

- Значит, мы уничтожаем «Красную Нить»?

- И любим друг друга, - Она смотрела на него и ждала, ждала и молилась. Если он станет на сторону «Красной Нити», ничего другого не оставалось, ей придется уйти от него, ради папы, ради Веры и ради себя.

- Ладно, - ответил Леви. Он подошел к Рексу и поправил удила.

- Ладно? Что значит ладно?

- «Если ты не можешь принять прошлое и его бременя, у тебя нет будущего, ибо без одного не бывает другого». Роберт Пенн Уоррен сказал это, и, вероятно, был прав. Когда ты сказала мне, что Джордж Мэддокс был моим отцом, я был в пяти минутах от того, чтобы поджечь весь штат, как же я могу утверждать, что ты ошибаешься в своем желании вырубить эти деревья? Но если все сказанное тобой правда, если ты утверждаешь, что моя семья поступила так с ней, вырубки деревьев недостаточно. Если мы обязаны ей за то, что сделали с ней, тогда мы должны заплатить сполна, а не частично. Мы закроем компанию. Не продадим ее, просто закроем. Свернем производство. Прекратим продажи алкоголя, всего алкоголя. Так мы оба выиграем, я получу остров, а ты заставишь каждого Мэддокса в могиле вертеться, как волчок целую вечность. Как тебе такой план?

- Ты серьезно? - Она не могла поверить его словам.

- Безусловно, серьезно. Мне не станет лучше, зная, что деньги делаются на крови той девушки. Если мы выиграем в деле, у нас будет предостаточно денег на жизнь. Если проиграем, ну и ладно. У меня есть работа, мы подождем, пока тебе не исполнится двадцать один. Не думаю, что мы умрем от голода. Я уже выживал в нищете. Быть на мели на острове в красивом доме лучше, чем быть нищим и жить на чердаке конюшни.

- Ты серьезно?

Леви дьявольски улыбнулся, от этой улыбки у нее всегда подпрыгивало сердце.

- Черт, ты говорила, у судьи Хедли есть деньги. Мы скажем, что ты его дочь, и он будет платить нам за молчание.

Тамара рассмеялась.

- Не смей. Он мне очень нравится.

- Просто говорю, что хорошо иметь запасной план. У меня есть определенный образ жизни, к которому я привык. И я хочу обеспечивать свою жену. Брендowymi «Фростет Флейкс». А не дешевым заменителем.

- Стой, где стоишь, - приказала Тамара.

- Где?

- Там, где стоишь. Стой там.

Леви поднял две руки в защитном жесте.

- Я стою. Не знаю, что ты задумала, но я стою на месте.

Держась за спину Рекса, Тамара поковыляла вперед, пытаясь не обращать внимания на боль. Она подошла к Леви и обернула вокруг него руки, и позволила ему обнять ее.

- Спасибо, Леви, - прошептала она.

- Ты моя жена. Мы связаны друг с другом. И должны сделать все возможное.

- Я хочу сделать все возможное, - заверила она.

- Я расскажу тебе, что Боуэн рассказал Нэшу, когда Нэш был одержим мыслью сжечь дотла остров назло... нашему отцу.

- Что?

- Боуэн сказал, что быть счастливым - это лучшая месть. Нет никакого способа заставить такого человека как Джордж Мэддокс быть счастливым, ни с женой в доме престарелых, ни с сыном на кладбище и вторым сыном, влюбленным в чернокожего бондаря. И если Нэш хотел мести, он должен быть счастливым, а не пытаться сделать жалким и так жалкого человека. И Нэш решил поступить именно так. Вот почему он хотел привезти тебя сюда, чтобы ты жила с ним. Потому что он любил тебя, и ты делала его таким счастливым.

- Хотела бы я, чтобы папа был жив.

Если бы папа до сих пор был жив, она жила бы с ним здесь. Если бы папа до сих пор был жив, она была бы далеко от Кентукки, когда произошло наводнение. Если бы папа до сих пор был жив, ей бы не пришлось никого убивать, ненавидеть мать, уничтожать «Красную Нить». Она была бы все той же милой девочкой, если бы папа был жив. Сейчас она скучала по нему как никогда сильно.

- Знаю, детка. Я тоже хочу. Мне так и не удалось познакомиться с братом. Я всегда хотел брата или сестру, а здесь у меня был один, и я не знал о нем. А сейчас слишком поздно.

- Ты, правда, думаешь, что мы можем быть счастливыми? После всего, что произошло?

- Можем. Если это то, чего ты хочешь, мы справимся. Мы будем счастливыми.

- Ты сказал, мы связаны. - Она улыбнулась ему. - Значит ли это, что ты меня любишь?

- Я этого не говорил.

- Определенно, ты именно так и сказал. Я слышала.

- Ты получаешь сообщения из потустороннего мира во сне. Я более чем уверен, что это ставит под вопрос твои чувства.

- Очень мило, когда ты так забавно говоришь.

- Я очень милый.

- Можешь отвезти меня домой? Мне нужно принять ванну.

- Ты можешь ехать верхом? Я могу вести Рекса, если ты сможешь сидеть верхом. А если нет, придется вернуться за грузовиком. Мы в пяти милях от дома.

- Я могу ехать.

- Хорошо, но сначала я должен кое-что сделать.
- И что же?
- Я должен поцеловать тебя как целуются в «Молодых и дерзких».
- Могу я в этот раз быть дерзкой? - спросила она.
- Ты можешь быть, кем захочешь, Ржавая.

Она прижалась к его телу и подняла голову для страстного крепкого поцелуя. Однако это было не то, что она получила. Он целовал нежно, мягко сжимая ее руки, ее спину, и на ее губах были мягкие губы, и мягкие вздохи смешивались с ее мягкими вздохами.

Леви прижался лбом к ее лбу.

- Ты напугала меня до чертиков, Ржавая, - прошептал он. - Два дня. Я искал тебя два дня и был готов вырубить под корень весь остров голыми руками, чтобы тебя найти.

- Прости. Мне, правда, жаль. Очень сложно довериться... кому-то.

- Ты можешь доверять мне. Ты должна мне доверять. У нас никогда ничего не получится ни через день, ни через год, ни спустя целую жизнь, если ты не сможешь мне доверять.

- Я постараюсь.

- Хорошо.

- И ты мне доверяй, - попросила она.

- Это я могу. Я буду доверять больше, когда ты перестанешь вонять болотом.

- Отведи меня домой и положи в ванную.

- Сию секунду, - ответил он. - Иди сюда, я тебя подсажу.

Он встал на каменную плиту, на которой она спала, когда он ее нашел. Она осторожно поднялась, морщась, когда вывихнутую лодыжку прострелило болью от малейшего прикосновения. Следующую неделю она проведет в постели. Если все пойдет по плану, Леви проведет эту неделю с ней.

- Але-оп, - сказал он, что он всегда говорил, когда помогал ей оседлать лошадь. Было больно и трудно, но он надежно усадил ее в седло. Она уселась, поправила седло и потянулась к поводьям.

- Нет, мэм. Ты сидишь. Я веду, - ответил Леви. Тамара ухватила за переднюю луку седла. - Так-то лучше. Готова вернуться домой?

- Более чем.

Леви щелкнул языком, и Рекс поднял голову. Леви повел коня, Тамара посмотрела вниз и увидела контур слов, глубоко вырезанных на плите, на которой она лежала. Одно слово «Луиза». Грязь и мох поглотили остальные, но Тамара поняла, что нашла надгробие Луизы Сент-Круа. И это место могло стать ее могилой. А там, где линия черных кирпичей, сгоревших до шлака, был фундамент дома Сент-Круа.

- Леви?

- Что такое, Ржавая?

Тамара рассказала ему об увиденном, о найденном. Но когда она посмотрела вверх, на мгновение она увидела девочку, красивую девочку с черными густыми ресницами, выглядывающую из-за дерева. Она улыбалась, будто пыталась разыграть кого-то и пряталась. Тамара улыбнулась в ответ, той же улыбкой по той же причине.

- Леви, спасибо, что нашел меня.

- А для чего еще нужен глупый влюбленный муж?

- Я так и знала, что ты меня любишь.

- Ржавая, кто-то же должен. Может быть, даже я.

Глава 25

Пэрис

Где-то между полночью и рассветом Пэрис выпрямила свои длинные ноги, встала софы и взяла бутылку «Четыре Розы» из бара. МакКуин положил руку поверх бокала, когда она поднесла бутылку к нему.

- Мне больше не нужно, - ответил он.

- Для того, что я собираюсь рассказать дальше, еще как нужно. - Пэрис посмотрела на него, а он на нее, если бы они перетягивали канат, в ее руках оказался бы он весь, а на его руках - лишь мозоли.

- Но они были такими счастливыми, - заметил он. Пэрис с жалостью посмотрела на него. Он знал этот взгляд. Таким же взглядом одарила его дочь, когда узнала, что Санта Клауса не существует.

МакКуин убрал ладонь с бокала, и она налила.

- Удвой порцию.

Глава 26

Веритас

Тамара выглянула в окно спальни и увидела на заднем крыльце мужа, уткнувшегося носом в книгу.

Неприемлемо.

Она могла простить ему чтение книги, если бы это не был субботний вечер, такой прекрасный, как сегодняшний, и она могла простить ему чтение, если бы он был в рубашке, но нет. На нем не было ничего кроме потертых джинсов, солнечных очков и серьезного выражения на лице, как будто он размышлял о тайнах Вселенной. Ему следовало созерцать тайны ее Вселенной. Тамара открыла окно и наклонилась, чтобы сказать ему это.

- Хватит читать, иди в постель, - крикнула она ему.

- Исчезни, шлюшка, - ответил Леви и как ни в чем ни бывало перелистнул страницу. - Иди и пристрой свою распутную промежность в другом месте. Я пытаюсь здесь кое-чему научиться. Твои безумные похотливые женские желания удовлетворили дважды прошлой ночью и, пока ты не вычистишь от навоза стойло Рекса, тебя больше не обслужат.

- Ты читаешь Шекспира?

- Несомненно. Как ты узнала?

- Угадала.

- Я читаю Антония и Клеопатру, - уточнил Леви и, приподняв очки на голову, помахал ей книгой. - Мужчина влюбляется в женщину. Настоящая трагедия.

- Шекспир скучный. Почитай что-нибудь получше, например, Джеки Коллинз.

- Я учусь у Шекспира. И учусь большему, чем женитьбе на деньгах.

- Чему ты научился у Шекспира, кроме того, как разговаривать, как идиот из высшего общества?

- Я много узнал из Антония и Клеопатры. Я узнал, что не стоит жениться на племяннице императора и спать с царицей Египта. А еще стоит избегать морских сражений, когда моя армия разгромлена. Сухопутные сражения, Тамара. Помни это. Слушай предсказателей и веди только наземные битвы.

- Звучит сексуально. Почему бы тебе не вернуться в постель и не рассказать мне об этом поподробнее?

- А ты за тридцать секунд вычистила стойло Рекса?

- Ну... нет.

- Тогда, прости. У меня свидание с Нилом.

- Леви Шелби, ты самый подлый из всех живущих мужчин на свете. Ты усложняешь мне жизнь.

- Тамара Шелби, в Иране американских граждан держат в плену. Иди и расскажи им, как сложна твоя жизнь. А я не хочу это слышать.

Тамара закричала.

Леви повернул голову и посмотрел на нее, подняв бровь до самых небес.

- Ты закончила? - спросил он.

- Думаю, да.

- Вот что я скажу, сегодня ты убираешь в стойле Рекса, и ночью... ночью я отведу тебя в нашу спальню и...

- Да? - спросила Тамара с неумным желанием узнать о своем вознаграждении.

- И мы поиграем в Четыре в ряд¹⁷. Очевидно, я буду играть черными.

Леви опустил солнцезащитные очки на глаза, открыл книгу и вернулся к игнорированию ее и ее необузданной женской похоти. Если Шекспир был бы жив и жил в их доме, она бы убила его, ударив лопатой по голове. Она винила его в том, что он интереснее, чем ее тело. И она винила Леви за то, что он был Леви, который предпочел бы смерть, чем заниматься тем, что Тамара хотела от него, то есть «заниматься Тамарой».

Она еще раз высунула голову из окна розовой спальни.

- Я должна рассказать тебе секрет, - крикнула Тамара.

- Я и так знаю все твои секреты, - ответил Леви.

- Этот ты не знаешь.

- Секрет в том, что тебе жаль, что ты такая испорченная и сводишь меня с ума, и обещаешь больше не прерывать меня, когда я читаю? Это и есть твой секрет?

- Нет.

- Тогда оставь его при себе.

Тамара фыркнула и захлопнула окно. Затем она снова открыла его и выглянула. Будь проклят этот мужчина. Ей следует запретить ему работать с Боуэном. До их приезда на Остров Невесты у него было красивое тело, подтянутое и стройное, когда он работал у бабушки, ей нравилось наблюдать, как он без рубашки чистил стойла. Через два месяца работы в кооперативе Острова Невесты, перетаскивания бревен, поднятия бочек, обрезки и шлифовки, выполнения всей тяжелой работы, плечи Леви стали шире, его живот стал более плоским, бицепсы были именно такими, какими хотела жена от мужа. Даже его ладони были другими, огрубевшими, особенно на кончиках пальцев, и, когда он изнутри прикасался к ней, происходило волшебство. Она сама хотела сдаться и сотворить некое чудо, когда ее поглощало вдохновение.

Тамара спустилась вниз, проверила пол на наличие змей, пересекая кухню, что стало привычкой, выбежала через заднюю дверь на солнечную террасу, которую Леви и Боуэн построили на прошлой неделе.

¹⁷ прим.: игра для двоих, в которой игроки сначала выбирают цвет фишек, а затем ходят по очереди, роняя фишки в ячейки вертикальной доски. Цель игры — расположить раньше противника подряд по горизонтали, вертикали или диагонали четыре фишки своего цвета

- Наконец, она подняла свой зад, чтобы прибраться, - съязвил Леви, когда Тамара прошмыгнула мимо него, притворяясь, что игнорирует его, несмотря на то, что хотела погрузиться в его полуобнаженное тело, как Марк Спитц¹⁸ в бассейн.

- Я не собираюсь убираться. Я еду кататься, - ответила Тамара, прыгнула с террасы на землю и побежала.

Леви прокричал что-то в ответ. Она услышала слова «ленивая» и «задница» и оба проигнорировала. У него была сумасшедшая идея, раз они с Боуэном построили конюшню, то она была обязана убирать ее. Разве лошади Чинкотиг Айленда не бегают на свободе? Им не нужны стойла. Им не нужны люди, чтобы менять солому. Эти аргументы не убедили Леви, и он отметил, что Рекс был Теннессийским прогулочным, а не Чинкотигским пони, если она хотела пони, она может поехать и сама поймать его. А он будет стоять рядом с каретой скорой помощи и священником, чтобы совершить последний обряд, когда ее попытка обуздать одного из диких животных неизбежно провалится. Леви сказал, что он будет по ней скучать. Они похоронят ее на Острове Невесты, и он с Рексом будет навещать ее могилу дважды в год, на Пасху и Рождество.

Ну, сказала себе Тамара, в том, что она вышла за самого подлого мужчину в мире, стоит винить только себя.

Но в эту игру могли играть двое. Она могла не быть Мэддокс по крови, но была воспитана ими, и, если и было, что Мэддокс знали, как делать, так это как быть чертовски жестокими.

Тамара взяла Рекса под уздцы и повела в стойло. Оно было небольшим, не больше роскошной пристройки, но оно сохраняло его и овес сухим, когда наступали ливни и шли дважды в неделю. Она любила эти ливни, особенно когда они шли всю ночь. Воздух наполнялся электричеством, и волосы на руках вставали дыбом, а кожу покалывало, и, когда гремел гром, он будил Леви, и чем еще могли заняться муж и жена среди ночи во время грозы, кроме как друг другом?

В данный момент не было никакого шторма, но кожа у Тамары все же приятно покалывало, она ощущала волнение и нервозность, понимая, как ей не хватало веса тела мужа сверху и внутри нее. Теплый летний бриз щекотал руки, спину и живот, земля под босыми ступнями была мягкой и упругой, из-за чего она хотела бежать быстро и прыгать высоко, и валяться в грязи, как дикое животное. Рекс чувствует то же самое перед ливнем? Сегодня они не ждали дождя, значит, Тамара сама устроит дождь.

Пока Тамара седлала коня, она поняла, что улыбается от уха до уха и так сильно, что заболело лицо. Хорошо быть снова счастливой. Она снова была собой, прежней, до потопа. Только после потопа жизнь стала лучше, так как Леви больше не был конюхом дедушки. Он был ее мужем, ее любовником и источником всего хорошего в ее жизни. Вот почему она не могла перестать прикасаться к нему и почему была так решительно настроена вернуться в его объятия как можно скорее.

Именно в эту секунду.

Тамара пришпорила Рекса, они вышли из конюшни и подошли к террасе.

Леви не смотрел на нее. Даже ухом не повел.

- Муж? – подала голос Тамара и направила Рекса вдоль террасы. - Не правда ли хороший день для конной прогулки?

- Уверен, так и есть. - Леви перелистнул страницу. - А еще день хорош для чтения.

¹⁸ прим.: Марк Эндрю Спитц — американский пловец еврейского происхождения, один из пяти 9-кратных олимпийских чемпионов в истории спорта

Его глаза были спрятаны за темными солнцезащитными очками, и прядь волос ниспадала на лоб. Его волосы нуждались в стрижке, но она надеялась, что он пока этого не понял. Она любила подлиннее и растрепаннее. Он предупреждал ее, что благодаря семье мамы его волосы будут виться, как у Ширли Темпл, если станут слишком длинными. Тамара хотела увидеть это своими глазами.

Тамара повела Рекса вокруг дома и снова прошагала мимо террасы.

- Однажды я читала книгу, - начала Тамара, благодарная Рексу за его мягкую походку.

- Молодец, детка. А теперь иди и прочитай еще одну.

- Я не закончила. Однажды я прочитала книгу о леди, чей муж был грубым и ужасным.

- Она называлась «Автобиография Тамары Шелби»?

- Могла бы. Эта леди была зла на мужа, потому что он обложил налогом бедных людей в городе. Обложил до смерти. Она умоляла мужа снизить налоги, а он был таким злым и сказал, что сделает это, только если она проедет обнаженной по городу верхом на лошади. Не могу вспомнить ее имя. Ты не помнишь?

Леви захлопнул книгу.

- Ржавая, я пытаюсь читать...

Он снял очки и уставился на нее.

- Леди Годива, - ответила Тамара, ровно сидя обнаженной на коне. - Вот как ее звали. Вспомнила.

- Тамара. Ты голая.

Она улыбнулась.

- Солнышко сияет. Приятный бриз. Отличный день для прогулки нагишом.

- Я только вчера отполировал седло.

- Я отполирую его снова, - пообещала она и поерзала в седле. Рекс фыркнул, и девушка не поняла от смущения или смеха. Леви выглядел немного напуганным, что было одним из его обычных выражений, и одним из ее любимых.

- Сейчас же слезь с коня, иди в дом и оденься, черт возьми.

- Почему? - спросила она, снова прищипывая Рекса, и тот неспешно пошел по двору. - Здесь никого нет кроме тебя. И тебе разве не все равно обнажена я или нет? Ты уже все видел. Это никак на тебя не повлияет, верно?

- Ни на йоту, - подтвердил он, пялясь на ее грудь.

- Кто-то собирается прийти? Боуэн? Ему наплевать на обнаженных девиц.

- Мне плевать, что ему плевать. Мне не плевать. Только трем людям позволено видеть мою жену обнаженной - мне, опять мне и снова мне.

- А как же мой врач? А?

- Врачи не люди. Они врачи. А теперь слезай с коня, иди в дом и оденься.

- Или что?

- Или я стащу тебя с коня и перекину через колено.

- Тогда я выберу второй вариант.

Она на самом деле не думала, что он сделает это. За все время, что он угрожал перекинуть ее через колено, он ни разу не осуществил угрозу. И все же она занервничала, когда Леви отбросил книгу, подошел к ней и стащил с седла.

Несмотря на то, что он грубо с ней обращался, Тамара по какой-то причине не могла перестать смеяться. Смеяться и извиваться, пока Леви нес ее к террасе и толкнул на шезлонг. Тамара перевернулась и встала на четвереньки.

- Я готова, - сказала она.

- К чему? Получить солнечный ожог на заднице?

- Ты сказал, что отшлепаешь меня, - напомнила она, сев на пятки и перебросив волосы через плечо.

Он начал укладывать ее на спину, ее самую любимую позу, когда они слышали громкий хруст и треск, которые говорили о приближении большого грузовика по гравийной дороге.

- Черт. Вот почему мы не должны бегать тут голышом. Иди, - сказал Леви, садясь на колени, чтобы выпустить из-под себя Тамару. Она побежала через заднюю дверь в ванную, где оставила одежду. Она натянула джинсы и любимый радужно-полосатый топ, завязала волосы и ополоснула водой пылающие щеки. Когда она снова прилично выглядела, то вышла на переднее крыльцо и обнаружила там Леви и Боуэна.

- Что случилось? - спросила Тамара, присаживаясь на качели на крыльце.

- Пришло письмо, - ответил Леви. - Тебе.

Боуэн протянул конверт.

- Доставили вчера в магазин. Мисс Тенди оставила его на моем столе.

- От судьи Хедли, - сказала Тамара. Они с Леви переглянулись, один был испуган, вторая взволнована.

- Ну же. Давай посмотрим, что в нём, - поторопил Леви.

- Мне уехать? - поинтересовался Боуэн.

- Можешь остаться, - ответил Леви, скрестив руки на груди и прислонившись к стене дома. Руки Тамары тряслись, когда обе пары глаз уставились на нее. Конверт был не обычного для письма размера, он был большим. Она слышала, что хорошие вести приходят в маленьких конвертах, но не знала, относится ли это к почте Америки. С комом в горле Тамара оторвала угол конверта. Что-то упало ей на колени.

- Ключи, - озвучила она, смотря на Леви.

- Ключи? От чего? - Леви взял связку, на кольце должно быть было полдюжины ключей.

Тамара достала из конверта свернутую записку, распрямила ее на бедре и начала читать.

- Поздравляю. Вы теперь почетные владельцы винокурни, дома Арден и кучи денег. Возвращайтесь домой и подпишите бумаги. У меня есть шампанское. Подпись: Дэниел Хедли.

Внизу был постскриптум, который Тамара не прочитала вслух.

Твоя мать отказалась от возражения, и суд по наследственным делам закрыл дело. Но я буду присматривать за Вирджинией. В конце концов, в аду не знают жалости.

Тамара посмотрела на Леви. На его лице была маска шока в комедийных пропорциях. Рот открыт, глаза распахнуты, руки тянут волосы так сильно, что он выглядел на пять лет моложе.

- Вот черт, - ругнулся Боуэн. - Думаю, вы пропустите барбекю у меня на следующей неделе. Все хорошо. Я заверну остатки.

- Это произошло, - наконец произнес Леви. - Я почти перестал об этом думать. Но это произошло.

- Это произошло, - повторила Тамара.

Леви держал перед собой ключи.

- Ключи от состояния, - сказал Боуэн. - Должно быть здорово. Оставлю вас двоих отпраздновать это событие. Просто не забудьте обо мне в своем завещании. Я не о многом прошу. Только оставьте мне кооператив и любые лишние миллионы, которые вам достались.

- Ты. - Леви указал на Боуэна. - Мы с тобой сегодня напьемся. Мы празднуем. А после этого собираем вещи. Мы возвращаемся завтра. Верно?

Тамара не ответила. Она не могла говорить. Она могла только смотреть на письмо на коленях. Один листок бумаги... его мог сдуть небольшой ветерок, и никто бы его не увидел. Она почти хотела этого. Именно этого они и ждали. Вот почему они с Леви поженились. Вот почему она сделала то, что сделала, чтобы они получили это письмо, в котором говорилось, что «Красная Нить» принадлежала ей, все чего она хотела. Это произошло - победа, триумф, кульминация ее работы и планов, ее надежд.

Она посмотрела на Леви.

- Леви, я не хочу возвращаться.

- Завтра?

- Никогда.

Глава 27

- Что, черт возьми, значит, ты не хочешь возвращаться? - спросил Леви после того, как Боуэн оставил их, чтобы собрать необходимое для празднования.

- Я не знаю, - ответила Тамара. - Я просто... я не хочу уезжать отсюда. Я боюсь.

- Боишься чего?

- Говорю же, не знаю. - Тамара и Леви стояли в противоположных концах гостиной. Она прижалась лбом к камину, пока разжигала огонь. Он сидел на подлокотнике дивана и смотрел на нее, будто у нее выросла вторая голова.

- Из всего, что ты делала и говорила - это полная бессмыслица, полнейшая бессмыслица, которую ты когда-либо говорила. Тамара, по этой причине ты и вышла за меня. По этой причине ты заставила меня жениться на тебе.

- Я не заставляла тебя.

- Ты угрожала выйти за другого старого придурка.

- И, если бы тебе было наплевать на меня, ты бы не стал волноваться, если бы я так и сделала.

- Мне не наплевать на тебя. Я заботился и забочусь о тебе. Но ты иногда швыряешь меня к стене, а потом к другой, и, клянусь, сейчас я смотрю на тебя с потолка. Какого черта ты имеешь ввиду, говоря, что не хочешь больше этого? Миллионов долларов и компанию, которую поклялась закрыть. Ты хочешь ее вернуть?

Тамара повернулась и подняла руки вверх.

- Леви, ты представить не можешь, как хорошо быть здесь с тобой. Как мне хорошо. Я думала, что больше никогда не почувствую себя нормальной, как до наводнения, а этот последний месяц. Он стоит любого состояния.

- Для меня тоже, детка. Нет ничего важнее твоего счастья. Но, кажется, ты думаешь, что возвращение на две недели для подписания бумаг заберет это счастье. Только если ты позволишь этому произойти. Нам не нужно оставаться там навсегда.

- Я не доверяю маме. Нет.

- Я тоже ей не доверяю, но что она нам сделает?

- Она не знает, где мы. Но если мы вернемся, узнает. И попытается забрать все у нас. Она уже забирала тебя у меня, и я уверена, попытается снова.

- Ну так пусть попробует. Мы ей не позволим.

Леви встал и на мгновение посмотрел в потолок. Она знала, что он пытался успокоиться ради ее же блага. Он подошел к ней и взял ее за руки.

- Давай расскажу, что произойдет, если мы вернемся, - начал Леви, массируя ее нежные руки своими загрубевшими ладонями. - Мы соберем чемоданы и сядем в

грузовик. Мы проедем целый день, чтобы добраться туда и проведем ночь в отеле в Луисвилле. Следующим утром мы пойдем в офис судьи. Мы подпишем те бумаги, а затем вернемся в отель. Я позвоню, кому должен позвонить, и скажу, что «Красная Нить» закрывается. И всем рабочим предоставим полугодовое выходное пособие. Никто не станет жаловаться. Люди будут не рады, но какая семнадцатилетняя девушка хочет возглавлять крупную компанию? Неделью или две это будет новостью, затем перестанет быть ею. Мы поедем в Арден, и ты соберешь вещи или же можешь все продать на блошином рынке. Одному Богу известно, мне плевать. Пока мы там, твоя мать будет иногда показываться. И она скажет тебе, что я трахал ее в конюшне. Или что я крал деньги из дома. Или однажды пытался ее убить. И ты ей не поверишь. А когда ты ей не поверишь, она скажет мне, что ты сумасшедшая. Она скажет, что врачи хотели упечь тебя в психушку, потому что ты больная на голову. И скажет, что ты лгала о девственности и лгала о заточении в доме с телом дедушки во время наводнения. Она скажет, что ты однажды пыталась убить всю семью. И я не поверю ее лжи о тебе, как и ты не поверишь ее лжи обо мне. Она даже может послать за мной копов, но все будет в порядке. Это проникновение на частную собственность, и мы вызовем копов для ее ареста и увезем ее. А затем мы поедем на ферму, куда отправили Кермита, и я выкуплю его, если найду. А потом поужинаем с Андре и Глорией и останемся в их доме на ночь, и попытаемся не долбить кроватью в стену, чтобы не разбудить их. А потом мы пригласим их погостить здесь, обнимем их на прощание и вернемся сюда, ты, я и Кермит. Надеюсь, Рекс любит «Маппет шоу» так же, как и ты. Единственное плохое, что произойдет, пока мы будем там подписывать бумаги, это то, что Боуэн убьет меня, когда я скажу ему, что нам придется вырубить деревья и построить настоящую конюшню для этих чертовых лошадей. Хорошо?

Руки Леви лежали на ее плечах, удерживали ее. Она посмотрела на него и кивнула.

- А как же Чарльстон? - спросила она.

- А что в Чарльстоне?

- Мы можем жить здесь. Мы можем продать, не знаю, половину острова лесозаготовительной компании. У нас будет достаточно денег и без возвращения. Мы можем переехать в Чарльстон и быть вместе, как были тогда, на той неделе. Можем?

Чарльстон. Они поехали туда на неделю после того, как Тамара оправилась от двух ночей в лесу. Он сказал ей, что она заслужила настоящий медовый месяц, и Тамара поняла, что он хотел отвлечь ее от их ссоры, от гнева на мать. Он хотел нового старта, поэтому потратил все свои сбережения на четыре ночи в старом особняке, превращенном в гостиницу, предположительно с привидениями, как и любой другой особняк в Чарльстоне. Они носили лучшую одежду и ели в прекрасных ресторанах, катались в карете по городу, посещали старинные дома и сидели снаружи своей роскошной комнаты на своем роскошном балконе, и пили вино и чай. По ночам они едва спали в антикварной кровати времен короля Людовика на шелковых простынях от того, как сильно хотели друг друга. В последний вечер они заметили грозное облако на темнеющем небе, и, ударил такой сильный шторм, что обесточило весь город. Хозяин гостиницы дал им масляную лампу для освещения, и под аккомпанемент грома и молний и барабанившего по крыше и стенами дождя они с Леви делали друг с другом такое, о чем можно думать только свихнувшись. Она говорила такие слова, о существовании которых в своем словаре и не подозревала, а он делал такое, что она и не думала, что люди делают подобное друг с другом. Она провела полночи уткнувшись в подушку пытаясь заглушить свои стоны и крики, пока Леви выворачивал ее наизнанку. Следующим утром она проснулась с болью во всем теле, покрытая достаточным количеством любовных меток, что ее можно было принять за

ягуара. Когда она упрекнула Леви за ее смешную походку, он все отрицал и настаивал, если ее развращали и оскверняли ночью, должно быть это было привидение гостиницы, потому что он спал всю ночь, как младенец. Тамара ответила, что, если с ней сделало это приведение, она останется еще на одну ночь.

В ту ночь они изучали друг друга.

И Тамара узнала кое-что о себе. Каждый раз, когда они переступали порог их роскошной гостиницы, портье или администратор говорил ей: «Доброе утро, миссис Шелби» или «Доброго вечера, мистер и миссис Шелби». За эти четыре дня ей до смерти надоело обращение миссис Шелби от этих милых старомодных южан с их старомодными южными манерами. Весь день и каждый день слышалось: «Сегодня у нас прекрасная погода, верно, миссис Шелби?», и затем приподнималась шляпа и «Миссис Шелби, не смейте поднимать чемодан, он в два раза больше вас. Позвольте мистеру Шелби нести его или подождите портье».

Миссис Шелби. Первые десять раз это звучало забавно, когда незнакомцы обращались к ней, следующие десять были не столь забавными. К концу путешествия Тамара Мэддокс давно ушла, и никто ее больше не увидит. Если она не была миссис Шелби, она была никем. И миссис Шелби хотела оставаться миссис Шелби. Она не собиралась быть притворяющейся женой, прожигающей жизнь на семейные деньги и кататься от Майорки до Рима. Она хотела быть настоящей женой для него до конца своих дней.

- Тамара?

Она посмотрела на Леви.

- Я просто... Я не хочу тебя потерять. Я, наконец, ощутила, что мы женаты. А не, понимаешь, из-за денег.

Тамара прижалась к нему, и Леви ее обнял.

- Ты не потеряешь меня из-за того, что мы вернемся домой на пару недель. Твоя мать не Господь Бог. Она злая женщина, и, поверь, теперь ты знаешь, как справляться со злыми женщинами.

- Ты не позволишь маме сделать что-то с нами? - спросила Тамара. - Я знаю, она попытается вбить между нами клин.

- Думаешь, я переметнусь на сторону женщины, натравившей на меня копов?

- Нет. Но я все равно боюсь.

- Знаю. - Леви выдохнул, ее голова двигалась в унисон с его грудью. - Я не скажу, что в восторге от увольнения всех работников «Красной Нити» и остальных разборок. Но мы просто сделаем это. Мы сорвем пластырь и покончим со всем как можно скорее, чтобы вернуться сюда и начать нашу жизнь. Затем у нас будут все необходимые нам деньги. Мы можем купить дом в Бофоре. Можем превратить остров в парк. Или просто оставить его для себя. И Боуэн будет очень рад делать бочки для вина, а не для бурбона. Говорит, с ними намного веселее, потому что их сложнее делать и надо говорить постоянно по телефону с французами. Он убежден, что во Франции живет влюбленный в него виноторговец, и он готов поехать туда и найти его.

Тамара рассмеялась и обняла Леви за талию.

- Видишь? - сказал Леви. - У нас все идеи хорошие. Просто не волнуйся. Твоя мать не навредит нам, если мы ей не позволим.

- Хочется верить. - Она сцепила руки на его поясице и прижала его ближе. Она хотела сказать Леви, как сильно его любит и как сильно нуждается в нем, но он все это знал, и повторение не сделает это еще более реальным. Но в такие моменты она ощущала, будто они были рождены вместе, и, если они не будут вместе, она умрет.

- Что бы ни произошло на нашем пути, мы найдем способ перенести это. Мы женаты. Мы семья. Мы вместе. Верно?

Тамара медленно кивнула.

- Верно.

- Хорошо. Безусловно, я прав. Я всегда прав.

Она ущипнула его. Сильно.

- А это было неуместно, - заметил Леви.

- Ох, это было уместно. Как и это. - Она снова ущипнула его.

- Ржавая, ты напросилась. Однажды....

- Что? Ты, наконец, перекинешь меня через колено? Однажды?

- Нет. Я перекину тебя через колено сегодня. Прямой сейчас, и тебе ничего не поможет.

Он забросил ее на плечо, визжащую и смеющуюся, и отнес в спальню. Она называла его всеми бранными словами, пока он нес ее - монстром, грубияном, животным и чудовищем, и даже исчадием ада, а он, казалось, принимал все как комплименты. Он стянул ее джинсы к лодыжкам, перекинул через колено и шлепнул по заднице так сильно, что она завизжала. Было так больно, смешно и громко одновременно. Будто ее щекотали тысяча рук. Затем он перевернул ее на спину и закончил то, что они начали днем до того, как Боуэн так бесцеремонно прервал их, сказав, что они получили свои миллионы.

Пока они лежали в постели, полуобнаженные и уставшие, они приняли решение.

Леви был прав. Бегство в Чарльстон или куда-либо еще не решит проблем. Что бы их мать не швырнула в них, они поймают. Они не позволят этому встать между ними. Не позволят навредить. Они будут умными и не подпустят ее близко к себе. Они приедут и уедут как можно быстрее. Они подпишут бумаги и наймут хорошего адвоката, чтобы тот разобрался с закрытием «Красной Нити» навсегда. И, возможно, пока они будут там, Тамара, наконец, наберется смелости и расскажет Леви всю правду.

А потом, пообещал он, они вернутся на Остров Невесты.

Тамара растянулась на Леви и гадала, как он воспримет новости, когда она поведает ему, что утаила.

- Обещай, что ничто не встанет между нами? - попросила Тамара, вычерчивая сердечко над его сердцем. - Несмотря ни на что?

- Ржавая, ничего не произойдет. И да, обещаю. Но, знаешь... на всякий случай...

- Что?

- Возьми ружье.

Глава 28

«Никто не делает это лучше»¹⁹ - вещало радио, и Тамара включила громкость на максимум, откинулась на спинку сидения и позволила ветрам шоссе обдуть ее лицо.

- Эта песня обо мне, - сообщил Леви, когда свернул на шоссе I-75, ведущее на север. - Я просил Карли не писать, что то, что произошло между нами, должно остаться между нами, и, если она напишет обо мне песню, женщины до конца моих дней будут обивать мой порог. Послушала ли она? Нет, мэм. Она не послушала.

- Не хотелось тебе говорить, но песню написал мужчина, - ответила Тамара.

- Ладно, значит она не обо мне.

- Хотя могла бы. - Она повернула голову и улыбнулась. - Никто не делает это лучше тебя.

¹⁹ Песня «Nobody does it better» by Carly Simon

- Высокая похвала от бывшей девственницы.

Тамара рассмеялась.

- Если мне не с чем сравнивать, это не значит, что я не знаю, что ты лучший.

Леви улыбнулся, обнажая белые зубы.

- Не заставляй меня останавливаться.

- Следующий привал в сорока семи милях. - Тамара прочитала знак на обочине дороги.

- Не соблазняй меня. Мы хорошо проводим время.

- Веди, - сказала Тамара. - Мы почти на месте. Я могу потерпеть до Луисвилля.

- Может, и можешь.

Тамара сжала его колено и снова повернулась к окну. Прошлой ночью они загрузили вещи в грузовик и с первыми лучами солнца выехали. Если они сведут остановки к минимуму, то доберутся к офису судьи Хедли к пяти вечера и успеют подписать бумаги. Страхи Тамары о возвращении домой держались до того момента, как они пересекли границу Теннесси и Кентукки. Затем, словно по волшебству, страх испарился как лужа на горячем тротуаре. Чего она боялась? Это ее дом. Дорога петляла и огибала углы, и куда бы Тамара не глянула, везде были высокие деревья и спрятанные среди них фермерские дома. Пока они ехали на север, лес превратился в пастбища, маленькие фермы превратились в большие. Белые конюшни с красной отделкой. Белые конюшни с зеленой отделкой. Белые конюшни с черной отделкой. Белые заборы, простирающиеся на мили. И лошади, лошади и еще лошади, пасущиеся и скачущие, делающие весь мир декорацией летней сцены из календаря Currier and Ives.

- Ржавая, ты улыбаешься.

- Я счастлива, - объяснила она. - Здесь так красиво. Я и забыла, как тут красиво.

И пахнет хорошо.

- Здесь точно не пахнет солончаком. И опять видим холмы. Хорошо вернуться.

- Здесь как дома, - ответила Тамара. - Для тебя здесь тоже дом?

- Безусловно. Родился и вырос. Здесь похоронена мама. Здесь моя семья.

- Я здесь.

- Я так и сказал.

- Знаешь, мы могли бы купить дом в Луисвилле, - предложила Тамара. - Я любила наш дом в городе. Он не был похож на Арден. Тот дом был нормальным. Только четыре спальни, а не десять.

- Нормальным? Поэтому ты его любила?

- Он папин, и он делал его домом. Там у меня были друзья.

- Скучаешь по друзьям?

Тамара выдохнула и пожала плечами.

- Сейчас я чувствую себя чужой для них. Были пижамные вечеринки каждую пятницу и дни рождения, и по воскресеньям мы катались верхом. Но Кэрл и Кэти пошли в колледж, а Билли переехала в Огайо работать на дядю. А я...

- Вышла за старикана?

- Молодая жена.

- Если хочешь, ты можешь пойти в колледж, - ответил Леви. - Я никогда не стану запрещать тебе учиться или работать.

- Мама хотела учиться. Но не смогла.

- Семья не позволила?

- Она забеременела мной. И это стало концом всему.

- Ржавая, говоря о беременности... Не хочется говорить тебе, но твой живот плоский, как блин. Будешь носить подушку под платьем, когда увидишься с судьей?

- Я надену что-то свободное и заставлю себя опорожнить желудок на твои туфли. Как тебе?

- Похоже на план. Могу надеть новые туфли.

- Знаешь, что?

- Что?

- Теперь мы можем их себе позволить.

Он поцеловал ее ладонь и продолжил рулить. Окна были открыты, но даже с продувающими ветрами августовская жара была душной. Ноги Тамары прилипли к виниловым сидениям, отчего остались маленькие квадратные следы на коже. Ей стоило надеть брюки вместо платья. Воздух был тяжелым от жары. Леви выпил до дна Tab²⁰, чтобы оставаться бодрым, а Тамара смотрела на амбары и пастбища, и лошадей и не понимала, что скучала по ним, пока снова не увидела их.

На часах в банке было 4:37 вечера, и они поехали в центр Луисвилля в офис судьи Хедли. Он не ждал их до завтра, но, казалось, не был против того, что они появились на день раньше.

- А вот и моя девочка, - сказал судья Хедли, обнимая ее. - Теперь ты такая же загорелая, как и твой муж.

Но Тамара только закатила глаза на его шутку и утонула в крепких объятиях Хедли. Этот мужчина был ее отцом. Ее обнимал отец. Он не чувствовал себя отцом, и никто кроме папы не смог бы это чувствовать, но понимание того, что она была от этого хорошего мужчины, у которого были такие сильные и нежные руки, немного успокаивало ее.

- Моя девочка, - поправил Леви. - Но я одолжу вам ее для объятий.

- А ты щедрый, - засмеялся судья, пожимая руку Леви с неподдельной любовью. - А теперь, надеюсь, вы двое не слишком устали с дороги. Мне нужно, чтобы вы подписали сотню бумажек. Готовы?

Тамара посмотрела на Леви, который размял костяшки пальцев так громко, как смог.

- Я приму это, как да, - ответил судья Хедли.

- Это да, - подтвердила Тамара. - Давайте покончим с этим.

Они подписывал до тех пор, пока ее подпись не стала похожа на «Тамми Шелли», и Леви не была похожа на «Л», и «Ш» и длинное «лби» в одну линию. Все это время судья Хедли постоянно болтал о процессе, и какой была вся эта долгая грязная битва, пока три недели назад Вирджиния Мэддокс не встала и не вышла из боя.

- Она просто ушла? – не поверил Леви. - Не похоже на нее.

- Она не казалась счастливой. Но она выбросила полотенце на ринг и сказала, что вы можете все забирать. Она говорила серьезно. Она съехала из Ардена. Она остановилась у друга в Лексингтоне.

- Пока она держится от нас подальше, это все, что меня волнует, - ответила Тамара, надевая колпачок на ручку и бросив ту на стол.

- Почему она сдалась? - спросил Леви, и Тамара хотела, чтобы он этого не делал. - Что она сказала?

- Ума не приложу! - Хедли собрал бумаги, дело и уведомления о переводе денег в одну аккуратную кипу и начал сортировать их. - Но это облегчило нашу работу. Мы продвинулись, завершили начатое, и теперь у вас есть вся жизнь, чтобы наслаждаться друг другом. И вам больше не о чем беспокоиться.

²⁰ Tab- аналог диетической колы

Тамара наклонилась вперед и снова его обняла. Она могла обнять весь мир. Судья Хедли хотя бы представлял себе, как приятно ей это слышать, никогда больше ни о чем не беспокоиться? Последние полтора года она только и делала, что беспокоилась. Неплохо бы провести долгий отпуск без беспокойства? Лучше, чем путешествие на лодке любви.

Когда все завершилось, Тамара сказала Леви, что устала, и спросила, не мог ли он подъехать к зданию. Он не был против. И она это знала. Он пожал руку судье Хедли и оставил их.

- Спасибо, - поблагодарила Тамара. - Спасибо за помощь. Знаю, вам пришлось столкнуться со многими неприятностями из-за меня.

- Ангелок, ты для меня как семья. И ты это знаешь. Мы с твоим отцом и Эриком поклялись, еще будучи мальчиками, что всегда будем братьями, хоть и не по крови. Не могу поверить, что тех мальчиков больше нет, но есть ты. И для меня ты всегда будешь дочкой. Даже когда ты делаешь нечто сумасшедшее, например, выходишь замуж и заводишь ребенка до того, как станешь достаточно взрослой, чтобы голосовать. Когда должен родиться ребенок? В декабре?

Тамара проглотила ком в горле.

- Да. Или в январе, может быть. Иногда трудно сказать точно.

- Леви счастлив?

- Он действительно счастлив. И я тоже.

- Это хорошо. Малыш может называть меня дедушкой, если захочет.

- Говоря об этом...

- О чем? - спросил он, складывая все бумаги в папку.

- О моем дяде.

- Эрике? А что с ним?

- Вы были на прощальной вечеринке перед его отплытием, верно?

- Дай подумать. Да, заскочил ненадолго. А почему ты спрашиваешь?

- Просто интересуюсь. Слышала, вечеринка была дикой.

- Я бы не сказал. Я был там десять минут, а потом мне пришлось вернуться домой. Ту ночь мама выбрала, чтобы упасть на льду и разбить голову. Она позвонила в Арден, и мне пришлось уйти немедленно и отвезти ее в больницу. Я даже не успел снять пальто.

Тамара уставилась на него.

- Вы уверены, что это было именно той ночью?

- Как никогда. Я помню, как проклинал мать на чем свет стоит, не в лицо, конечно же, за неподходящее время. Она так сильно плакала на похоронах Эрика, будто хоронила собственного сына. Ей было совестно за то, что вытащила меня с его вечеринки, поскольку это был последний раз, когда его видели живым. Только твой отец плакал сильнее.

Тамара опустила в кресле.

- Тамара? Все хорошо?

- Я в порядке, - заверила она. - Просто голова немного закружилась.

- Бывает, - ответил он. - У Марианны все время кружилась голова с нашим первенцем. Знаешь, мне показалось, ты начнешь рожать прямо сейчас. Должно быть, все из-за платья.

Тамара посмотрела на свой свободный сарафан. Он облепил ее живот, который был, как назвал Леви, плоским как блин. Пока что.

- Просто платье, - ответила она. - Я больше не могу носить джинсы.

Судья Хедли прикоснулся к ее лбу. Его кожа была мягкой, не мозолистой, как у Леви.

- Дорогая, ты немного вспотела. Не напрягайся до конца дня.
- Постараюсь. - Тамара вспотела. Она ощутила холодный пот и дрожь до самых костей. Ее губы дрожали, а во рту пересохло. Она хотела пить, много ледяной воды. Судья Хедли посмотрел в окно.
- Пойдем. Я провожу тебя до выхода. Вероятно, твой муж гадает, где ты.
- Он взял ее за руку и провел к парадной двери. Леви припарковался у самого тротуара, и судья начал открывать для нее дверь.
- Подождите. - Тамара взяла судью Хедли за руку. - Вы сказали, что не доверяете маме. Почему? Думаю, той ночью на вечеринке что-то произошло.
- Должно быть, что-то произошло. За день до вечеринки твоя мать сказала мне, что влюблена в Эрика. Затем, два дня спустя, она объявила о свадьбе с Нэшем. Трудно доверять женщине, которая говорит одному, что любит его, и выходит за его брата две недели после того, как тот вступил в армию. Но мы все были молодыми и глупыми. Да и с кем не бывает в таком возрасте? Она не плохая женщина. Просто... может, не самая хорошая женщина.
- Он поцеловал ее в лоб и открыл дверь грузовика.
- Готова отправиться на поиски отеля? - спросил Леви. - Как думаешь, будут номера в «Голт Хаусе»? Может, мы могли бы снять номер для молодоженов. - Он подмигнул ей.
- Арден, - ответила она. - Поехали в Арден.
- Арден? Ты уверена?
- Мама уехала. Почему бы нам не поехать?
- Причин нет, - ответил Леви и влился в поток. Тамара увидела реку вдалеке, коричневую и сияющую. - Ни одной причины нет.

Глава 29

- Час спустя они остановились на круговой подъездной дороге перед Арденом.
- Ты только посмотри, - сказал Леви.
 - Боже мой. Это моя машина. - Тамара подалась вперед. Ее голубой «Триумф Спитфайр» был припаркован перед домом. - Думаю, я была права. Полиция нашла ее и позвонила маме.
 - Кажется, он в хорошем состоянии. - Леви припарковал грузовик прямо за ним. - Не похоже, что твоя мать использовала бейсбольную биту.
 - Тамара выскочила из грузовика еще до того, как Леви успел открыть для нее дверь. Она побежала к машине и обнаружила, что двери не заперты, а ключи в замке зажигания.
 - Как мило с ее стороны, - пробормотала Тамара. - Интересно, машина взорвется, если я ее заведу?
 - Леви улыбнулся.
 - Ты пересмотрела фильмов о Джеймсе Бонде. Но на всякий случай я первым заведу машину. Готова войти?
 - Могу я войти одна? Ненадолго?
 - Леви смотрел на нее долго и пристально.
 - Думаешь, это безопасно?
 - Да, - ответила она. - Не против? Мне нужно всего пару минут.
 - Иди, а я раздобуду ужин и вернусь. Если в этом доме и есть еда, то она, скорее всего, отравлена. - Он подмигнул ей. Тамара улыбнулась, потому что понимала, что должна улыбаться.

- Хорошо. Идеальный вариант. Спасибо.

Леви наклонился и поцеловал ее в губы.

- Я скоро вернусь, - пообещал он.

Тамара кивнула. Она взяла с собой только небольшой чемодан и сумку, поэтому сама отнесла их к парадной двери. Ключи были в ее сумке, и, хотя этот дом юридически принадлежал ей, она чувствовала себя взломщиком. Тамара взглянула через плечо на ожидающего Леви и махнула ему. Он помахал в ответ и уехал.

Воздух в доме был спертым, но чистым, будто кто-то использовал целую бутылку лимонной полироли две недели назад, и аромат все еще пронизывал воздух.

Тамара поставила чемодан и открыла его. Из-под кучи аккуратно сложенных рубашек она достала ружье, которое забрала из кабинета дедушки в ночь наводнения. Ее руки дрожали, пока она заряжала его. Обучение стрельбе требовало практики, и, поскольку у нее не было учителя, в процессе она едва не попала в себя пару раз. Все, что она могла сделать, это уехать в никуда и целиться пистолетом по банкам, расставленным на бревне. Самой сложной частью было сопротивление отдаче. Как только она привыкла к пистолету и ужасному запаху, то поняла, что была неплохим стрелком. Не отличным, но ей не нужно быть отличницей. Она не снайпер. Она хотела защитить себя, ведь все знают, что самые отъявленные враги – это друзья и близкие.

- Здравствуйте, – подала голос Тамара, блуждая по первому этажу - по гостиной дедушки с большим дубовым баром и большой латунной лампой. Его большая коробка сигар исчезла. Они были разрушены наводнением, и Тамара была рада их отсутствию. Если они исчезли, значит, и он исчез. Исчез навсегда. Ковры на полу были испорчены тоже, но эти новые ковры были красивее предыдущих. Персидские ковры с переплетающимися узорами из цветов и виноградных лоз в оттенках красного, зеленого и золотого. Мужские цвета, но ее мать выбрала их. Для кого? Все мужчины Мэддокс были мертвы, кроме Леви, и ни за что на свете ее мать не постелет красную ковриковую дорожку или любой другой ковер для него. Должно быть, она сделала это по привычке, покупку новых ковров дедушка бы одобрил. В этом и была вся жизнь ее матери - делать все ради одобрения мужчин.

Тамара отправилась в столовую и осмотрелась. Китайский сервант полный китайского фарфора. Стол на десятилетиях из красного дерева. Буфет. Занавески. Ничего порванного. Ничего распоротого. Ничего сломанного. Все осталось в идеальном состоянии. Тамара ожидала, что мать разобьет каждую тарелку в доме и разрежет каждый кусочек ткани. Тамара ожидала всего от матери, поэтому хотела войти в дом сама, без Леви.

Но все было в порядке. Пока в порядке. Как мог судья Хедли стать ее отцом на прощальной вечеринке дяди Эрика, если он не пробыл там достаточно долго, чтобы снять пальто? Простой ответ. Он им не был. Она подумала, что он мог сделать это накануне ночью. Мог сделать ночью позже. Но как же влюбленность мамы в дядю Эрика? Она никогда не слышала этой истории. Была ли это безответная любовь. Эрик не был призывником. Он вступил в армию добровольно. Какой влюбленный мужчина поступил бы так? Влюбленные мужчины так не поступают. Значит, не о чем было волноваться.

Тамара забрела на кухню. Здесь было то, о чем стоит волноваться. На столе лежал конверт. Спереди было написано маминым почерком «Тамаре и Леви», и Тамара рассматривала его, как змею. Она смотрела на него как на змею, потому что он и был змеей, опаснее медноголовки, заползшей в их дом в ту ночь. Он и был змеей, из-за которой Тамара вошла первой, без Леви. Если ее мать была здесь, пряталась, выжидала момента для удара, Тамара хотела встать между ней и Леви. Если кто-то или что-то выстрелит, то этот выстрел будет принадлежать Тамаре.

Тамара взяла письмо и подошла к раковине. Затем она принялась рыться в ящиках, пока не нашла коробок спичек. Тамара подожгла письмо и улыбалась, пока бумага сморщивалась и превращалась в черный пепел. Как только пламя достигло пальцев, Тамара включила воду и бросила пепел в раковину.

Если Тамара знала мать, а она знала, то понимала, что это письмо будет не единственной змеей в траве. Она бегала из комнаты в комнату, и, безусловно, она нашла еще пять конвертов - один в ванной, второй в ее бывшей спальне, еще один в ванной на втором этаже, в библиотеке, и еще одно в хозяйской спальне, где спал дедушка. Если она прочтет письма, ее мать выиграет. Тамара не позволит ей выиграть. Она слишком много потеряла, чтобы позволить кому-то другому выиграть в этой битве. Тамара сожгла их все в раковине и смыла остатки.

Когда она закончила, и они все исчезли, она улыбнулась.

Вот и все. Она победила.

Тамара услышала радостный звук шин на подъездной дороге и увидела, как приближается пикап Леви. Она рассмеялась, когда заметила прикрепленный позади него трейлер для лошадей. Сегодня они подписали бумаги, сделавшие их миллионерами, но все, что он придумал - это купить лошадь. Сегодня, они, скорее всего, поедут и найдут Кермита, где бы он ни был. Она скучала по своему милому мальчику.

Леви поехал напрямик к конюшне, и Тамара осторожно упаковала ружье в чемодан. В доме была милая, редко используемая гостевая комната на втором этаже в конце коридора. О ней у Тамары не было плохих воспоминаний. Сегодня они могли переночевать в ней и утром обсудить, что делать с домом. Она пошла к конюшне и обнаружила Леви, изучающего стойла.

- Насколько все плохо? - спросила Тамара, стоя на пороге.

- Видел и получше, - ответил Леви. - Тут плесень и много старой соломы, сухая гниль на дверях. Но к завтрашнему утру я смогу вычистить одно стойло. Я позвонил кузнецу, и он сказал, что знает, кто купил Кермита и остальных лошадей. Завтра можем поторговаться, чтобы вернуть их. По крайней мере, Кермита, если они не продадут остальных.

- Хорошие новости, - сказала она, прислонившись к дверному проему стойла, наблюдая за тем, как Леви убирает старую солому и исследует полы.

- Как дом? Есть приведения? Волки?

- Никаких привидений. Никаких волков. Никаких тещ.

Леви улыбнулся.

- Хорошие новости. Хочешь завтра покататься? По-настоящему прокатиться?

- А чем, по-твоему, мы с Рексом занимались весь прошлый месяц?

- Прогулочные лошади ходят. Ты загоняла Кермита, будто вы были на чертовом Дерби. Этого на острове не сделаешь. Слишком много деревьев на пути.

- Не знаю, стоит ли, - произнесла она, наблюдая за тем, как Леви сгребает старую солому к стенам. - Возможно, это небезопасно.

Леви резко посмотрел на нее.

- Безопасно? И это говорит девушка, которая стояла на седле Кермита, будто она из Цирка братьев Ринглинг? Когда ты начала заботиться о безопасности верхом на лошади?

- Когда забеременела.

Леви уронил вилы.

Он уставился на нее.

Тамара пыталась улыбнуться.

- Ответишь что-нибудь?

- Как?

- Обычно.

- Но ты... Мы ходили ко врачу и... - Он замолчал и запустил пальцы в густые темные волосы и потянул их. Она не могла прочитать выражение его лица. Это был шок и счастье? Шок и ужас? Шок и шок?

- Помнишь змею?

- Я помню змею, - ответил Леви.

- Та ночь была третьей, как я начала принимать таблетки. Недостаточно времени, чтобы они начала работать. Во всяком случае, так сказал врач. Он посчитал.

- Змея. Верно. - Леви потерял виски. - Дикая ночь.

- Леви, ты счастлив? - спросила она, слезы покатались из уголков ее глаз. - Или ты злишься на меня?

- Какого черта я должен злиться на тебя?

- Не знаю. Я знаю, ты не хочешь детей. И я...

- Боже мой. Тамара... - Он подошел к ней и обнял. Она рухнула в его объятия, словно погружалась в мягкую землю. Он крепко сжимал ее, раскачиваясь из стороны в сторону.

- Я не хотела, честно. - Она была хорошей. Она принимала таблетки. Она не хотела, чтобы это произошло. Но она не могла грустить из-за этого.

- Знаю, Ржавая.

- Я хочу, чтобы ты был счастлив.

- Я напуган, но я счастлив. - Леви потерял ее поясницу, и она, наконец, начала немного расслабляться.

- Я тоже. В смысле, напугана. Но счастлива. Все вместе.

Тамара усмехнулась, прижимаясь к его груди, что причиняло боль, поскольку она плакала, а делать два дела одновременно было непросто.

- Как давно... Как давно ты знаешь?

- Думаю, с неделю. Я собиралась сказать тебе в субботу, но появился Боуэн. Я на втором месяце.

- Я умею считать.

Прошло два месяца после змеи. Странно помнить точную ночь. Странно благодарить змею за их ребенка. В ту ночь она сказала Леви, что все еще влюблена в него. И первый раз, когда она призналась ему в любви, был здесь.

- Знаешь, мы были в этом стойле, когда впервые поцеловались, - сказала Тамара.

Леви поднял голову и осмотрелся.

- Правда?

- Поцелуй на день рождения, - уточнила она и улыбнулась. - Мой первый настоящий поцелуй.

- Ты была хороша.

- Да?

Леви медленно кивнул и многозначительно посмотрел на нее.

- Ржавая, если бы твоя мать не прервала нас, я бы покувыркался с тобой на сене, о чем ты так тогда просила. Я был готов раздеть тебя и поиметь прямо у стены, такой подарок я бы выбрал на день рождения.

- Так что останавливает тебя?

- Сегодня не твой день рождения.

- Мы можем притвориться...

- Это безопасно?

- Врач говорит, что да. Мы можем заниматься сексом до последнего месяца, если я захочу. Он сказал, что, скорее всего, нет, но не запрещал. В теории.

- Что ж, если у нас в скором времени ожидается пополнение, нам лучше насытиться вдоволь, пока можем.

Прежде чем она успела сказать еще хоть слово, он поднял ее и прижал к стене стойла, к той, где прижимал на её день рождения.

Он притянул ее голову к себе и поцеловал. Они занимались любовью пятьдесят раз или больше после их первого раза, и тысячу раз целовались. Но этот поцелуй обжигал так же, как и их первый, обжигал ее до самого лона. Она ослабла от облегчения, узнав, что Леви рад ребенку, радовалась их долгожданной победе и спокойствию, в котором она, наконец, могла начать совместную жизнь. Было правильно, что именно здесь и сейчас они завершали начатое на ее шестнадцатилетие.

Леви запустил руки под ее платье и обхватил ее попку, сжимая ее своими большими ладонями. Он скользил вверх и вниз по спине, пока целовал ее шею, затем опустился к трусикам и стянул их по бедрам, и встал на колени. Он поднял платье, и Тамара думала, что знает, что он сделает, но он удивил ее. Он не поцеловал ее между ног. Он поцеловал ее живот, оставляя нежные поцелуи на бедрах. Мягкий всхлип сорвался с ее губ. Они будут счастливы вместе. Будут.

Затем Леви опустил голову ниже, раздвинул ее ноги и языком нашел клитор. Он аккуратно массировал его, пока она не начала задыхаться, пока ее голова не откинулась назад, а бедра подались вперед, молча умоляя о большем. Он поднял ее ногу и расположил на плече, затем углубился. Наконец, когда он встал, то снова поцеловал ее в губы и ввел в нее средний палец, слегка изогнул, найдя нежную чувствительную точку внутри, заставляющую ее содрогаться и стонать. Он проглотил ее стон, поглаживая лono, и вскоре она стала такой влажной, как никогда. Влажной и горячей для него. Последний раз, когда они были здесь, она была девушкой, девственницей и слишком боялась сделать желаемое. Но сейчас она была старше, женой, его женой, и она опустила руку и расстегнула его джинсы, освобождая его и крепко обхватывая своей ладонью.

- Хочешь его? - прошептал Леви на ухо, его горячее дыхание щекотало ее обнаженную шею.

- Хочу.

- Тогда возьми, - ответил он, прижимаясь к ней бедрами.

Тамара направила его, и он проник в нее одним толчком, полностью заполняя ее, настолько полно, что она закричала и едва не кончила от одного проникновения. Он поднял и закинул ее бедра на свои, прижимая к стене позади нее. Он сдернул бретельки сарафана и опустил до самой талии. Он обхватил ее обнаженные груди ладонями, как она любила, потянул за соски, покручивая их, затем опустил голову, чтобы сосать и облизывать их. Тамара извивалась на нем, она едва могла двигаться, но двигалась, как могла. Ее лono сжалось вокруг него, и Леви застонал. Он толкался в нее быстрыми грубыми толчками, и она бурно кончила, заглушив крик удовольствия, уткнувшись в его плечо. Он излил свой оргазм в нее так резко, что спина впилась в стену, но ей было все равно.

Скоро он будет обращаться с ней как с фарфоровой куклой, так что она должна наслаждаться его страстью, пока могла, до следующего раза. Леви замедлился, вытащил член до головки и снова погрузился. Он сделал это снова, вытаскивая и погружаясь внутрь трепещущего тела Тамары. Она была готова кончить еще раз, если он не перестанет так делать, трахать ее так медленно, грубо и глубоко. Он не остановился. Тамара впилась в его плечи и изогнула спину, давая себе пространство для движения. Она глубоко опустила на него, постанывая от наполненности.

- Показушник, - прошептала она. Она знала Леви. Она знала, что он показывал, что она могла иметь на день рождения, если бы ее мать не выбрала тот момент, чтобы испортить ее жизнь.

Древесина за ее спиной была гладкой, окрашенной и скользкой, и она скользила вверх и вниз, пока Леви вколачивался в нее, ее груди прижались к его груди, ее соски, твердые как камушки, а тело было готово взорваться от безумного экстаза, быть так использованной. Она не могла насытиться, не могла насытиться Леви. Они вечность будут любовниками, и этот ребенок внутри нее был первым из множества последующих. Леви был красивым, умным, и мир нуждается, по крайней мере, в дюжине таких, как он. И их дети будут Шелби, а не Мэддоксы, и потому что Леви был хорошим, они тоже будут хорошими. Их сыновья будут щедрыми и добрыми, а дочери - мудрыми и сильными. И они никогда не встретятся с бабушкой. И там, на пороге совершенного счастья, Тамара снова кончила, раскачиваясь и содрогаясь в руках Леви, пока он изливал в нее собственных оргазм, наполняя и наполняя ее, пока она больше не смогла принять.

Осторожно Леви опустил ее ноги на пол и покинул ее тело.

- Ржавая, ты как? - Он обхватил ее лицо и поцеловал пылающие щеки.

- Хорошо, как никогда. - Она улыбнулась ему, опьяненная счастьем. - Я чувствую...

- Что?

- Влагу. - Тамара сжала ноги. - Много влаги.

Леви застенчиво усмехнулся.

- Мы продержались целых двадцать четыре часа без него.

- Мне нужна салфетка. Или даже пляжное полотенце.

- В моем старом кабинете должно быть полотенце. Стой здесь.

Тамара поправила сарафан, и Леви отправился в крошечный «кабинет», который он оборудовал для себя в противоположном конце конюшни. В его офисе были только стол, телефон, медицинские записи лошадей и аптечка. Может, аптечка все еще была здесь. Она может ей понадобиться. Конюшня была окрашена, а дерево отшлифовано, но у нее было ощущение, будто в спину попала заноза.

Тамара отправилась к выходу из конюшни, но заметила что-то на полу. Отпихнув солому, она увидела золото. Браслет на лодыжку с медальоном в форме лошади, который Леви подарил ей на ее день рождения. Тамара потеряла его, когда мать тащила ее из конюшни. Она думала, что больше никогда его не увидит.

- Леви? - позвала Тамара. Леви не ответил. Она побежала в его кабинет.

- Леви, ты не поверишь. Я нашла браслет, который ты подарил мне для моего большого толстого запястья. Он был здесь все...

Она зашла в кабинет и застыла как вкопанная, напуганная и похолодевшая.

В руках Леви было письмо. Открытое. На конверте на его столе было написано «Тамаре и Леви» почерком мамы.

- Леви? - Тамара услышала страх в голосе. - Помнишь, ты сказал, что она попытается навредить нам. Ты сказал, что не позволишь ей.

Медленно Леви оторвал взгляд от письма и посмотрел на нее. Затем он согнулся пополам, будто его вот-вот стошнит. Письмо выпало из его рук. Тамара подняла его с земли.

- Леви, что...

- Прочти.

Тамара и Леви

Я оставила копии этого письма там, где вы их наверняка найдете. Неделями я тщетно пыталась связаться с вами через офис Дэниела Хедли. В отчаянии я отказалась от судебного иска в надежде, что вы двое, наконец, вернетесь домой. Нет простого способа сказать это, но я должна. Тамара, я получила твою записку о браке, где ты сообщаем мне, что знаешь правду о Нэше, и что он не был твоим отцом. Ты утверждала, что знаешь, что Дэниел Хедли был твоим отцом. Это неправда. Правда в том, что Джордж Мэддокс твой настоящий отец. И он настоящий отец Леви. В этой истории есть кое-что еще, но это все, что вам нужно знать. Если вы не верите мне, у меня есть письмо от Нэша, его предсмертная записка, которую он отправил мне по почте, она расскажет тебе все, что я должна тебе рассказать. Пожалуйста, Леви, отпусти мою дочь, пока не стало слишком поздно.

Письмо было подписано. «Вирджиния Мэддокс».

И уже было слишком поздно.

Глава 30

Тамара запустила руку под подол платья и прижала ее к развилке ног, к влажности, будто пыталась зажать рану. Она убрала руку и увидела семя Леви на пальцах. Ее мужа.

Ее брата.

Она вытерла ее о платье.

- Скажи мне, что это ложь, - попросил Леви, обхватывая руками голову.

- Я... - Тамара прижалась к дверному проему. - Я не знаю.

- Должно быть, это ложь. Это должно быть ложью.

- Я...

- Ты знала? - Леви схватил ее за предплечье и посмотрел в глаза. - Ты знала?

- Нет. Богом клянусь, я не знала.

Судья Хедли в ту ночь даже пальто не снял на вечеринке, где он и ее мать предположительно зачали ее.

Я устал притворяться, что Тамара моя дочь. Даже Вирджиния устала. Ты знал, что она призналась, что Тамара была от Дэниела Хедли, зачатая на прощальной вечеринке Эрика? Я рассмеялся, когда она рассказала. Вирджиния больше Мэддокс, чем я. Ты хорошо ее обучил.

Папа смеялся.

Папа смеялся над мамой, когда она сказала, что Дэниел Хедли был отцом Тамары.

Папа смеялся, потому что это было неправдой, а не правдой.

- Твоя мать пыталась отправить нам письмо. Ты разорвала его... - Леви запрокинул голову назад, и на ужасающую секунду в его глазах не было ничего, кроме белков.

- Клянусь, я не знала, что там. Я не знала.

- Ты сказала, она избивала тебя за поцелуй со мной. Она не рассказала, почему так сильно ненавидела меня?

- Она не била меня, - ответила Тамара. - Произошло не это. Она...

- О Боже. – Крик прозвучал так, словно кто-то вырвал слова из его груди. Он снова согнулся пополам, хрипя. Тамара не могла на это смотреть. Она была под водой и тонула. Она не могла всплыть.

Кость ее кости.

Плоть ее плоти.

Кровь ее крови.

Тамара потянулась к Леви, но он вытянул руки перед собой.

- Не надо, - сказал он, не глядя на нее. Она стала медузой Горгоной, и он превратится в камень, если посмотрит на нее. Она стала Содомом, и от одного взгляда он превратится в соляной столб.

Она опустила руку и прижала ее к животу, к животу, который он несколько минут назад целовал с любовью и трепетом, но сейчас он был отравленным сосудом.

Словно кто-то опустил над ней купол колокола, заглушающий все звуки и вызывающий звон в ушах. За прозрачной стеклянной стеной она слышала едва различимый шепот, и она понимала, если стекло поднимется, она услышит крик. Она четко видела через стекло и наблюдала сквозь него за Леви, ее руки поднялись, будто прижимались к гладкой изогнутой поверхности. Она наблюдала, как Леви прижался к стене, нуждаясь в опоре. Она наблюдала, как он прошел мимо нее. Она позвала его, но он больше не слышал ее сквозь купол, как она его. Его шаркающая походка превратилась в бег.

Стекло внезапно разбилось, и Тамара снова все слышала, хотя звон в ушах остался. Она услышала звук металла и двигателей. Звуки ухода. Он уходил от нее. Она его отпускала.

Тамара выбежала из конюшни в лучи заходящего солнца, моргая и щурясь. Свет причинял боль, и она уклонялась от него. Споткнувшись, она добралась до лесополосы и блуждала в пролеску, где играла и каталась верхом, еще будучи ребенком. Тут росло дерево, на котором она сидела, когда упала с лошади и не могла оседлать ее. Тут был камень, на котором она полудремала полумечтала тем летом, когда умер ее отец, тем летом, когда у нее начались месячные, и она задумалась о своем будущем. На этом камне она мечтала о любви и сексе, браке и молила Бога дать ей мужа, который заберет боль от утраты отца, обменяв ее на удовольствие.

- Я убила собственного отца, - прошептала Тамара камню. Ее руки прижимались к грубой шершавой поверхности. Она ждала стыда или вины, но ничего не ощутила. Бог убил собственного сына. Почему Он может осуждать ее за убийство отца? Сын Божий был безгрешным. Ее отец таким не был. Как и она.

- Я не знала, - снова прошептала она, пытаясь убедить себя в том, что кто-то может подслушать ее исповедь. - Я не знала, кем он был. Леви, я не знала...

Они согрешили в своем неведении. Но их неведение было умышленным. Мать пыталась предупредить ее, и Тамара не слушала. Она разорвала письмо и выбросила его в океан. Тогда она еще не была беременна. Тогда еще не было слишком поздно.

Тамара услышала звук, который хорошо знала и пошла на него. Звук воды, реки, перетекающей и огибающей известняк и корни деревьев. Она шла по тропе к пирсу, где сидела с папой и забрасывала удочку в коричневые воды. Ее отец? Какой отец? И папа, и дедушка были здесь. На раздвоенном конце пирса Тамара легла на бок, чтобы смотреть на воду и успокаиваться. «Поднимись», - молила она. «Поднимись и смой, и унеси меня». Она не могла сделать этого сама, не с ребенком внутри. Но если река хотела ее, и, если ей было место в реке, она снова придет за ней как раньше. Безусловно, Бог пощадил ее той ночью, чтобы уничтожить сегодня. Тогда было не ее время. Но теперь оно настало.

Тамара ждала. Ей требовалась храбрость, чтобы сделать необходимое. Она ждала и нуждалась в храбрости, чтобы броситься в реку. Храбрость не пришла. Прошел час. Солнце село. Наступила ночь, но Тамара до сих пор не могла сделать необходимое. Пока она ждала, она заснула, и даже во сне молилась, чтобы больше не проснуться.

Вместо этого ей приснился сон.

В ее сне она не Тамара.

Она не знала, кем являлась, пока не посмотрела на живот. Большие не двухмесячный, теперь она была на последнем месяце и готова лопнуть. Она могла родить в любой момент. Может, сегодня.

Ей приказали сесть за стол в кухне и ждать хозяйку. Она села. Она ждала. Ее живот болел. Ее живот, ее ноги, ее спина. Все болело. Она не была создана носить такой большой вес. Ощущение, будто она ела камни и построила из них внутри себя чертову плотину.

Филлис, другая домработница, вошла и посмотрела на нее, но молчала. Она суежилась, собирая вещи по шкафам.

- Филлис?

- Я не могу с тобой разговаривать, - прошептала Филлис. - Она меня выпорет.

- Что она сделает со мной?

- Я не могу говорить с тобой.

- Она меня продаст?

Филлис взяла бутылку, которую нашла, и прижала ее к груди.

- Я не могу...

Она с жалостью посмотрела на Веритас. Для нее не осталось надежды. Веритас положила ладонь на живот. Прикосновения причиняли боль, и она выругалась на шутку внутри нее. Как только Хозяин сделал это в первый раз, он не мог насытиться ею. Он пользовался каждым шансом, утром и по ночам. Он даже заставлял Филлис ждать снаружи в темноте, сырости и с москитами, пока он брал ее в их доме рабынь, в постели, которую ей и Филлис приходилось делить. После первых нескольких раз она поняла, как сделать это безболезненным и избежать крови. Но каждый раз она ненавидела, особенно после того, как он мило обходился с ней, говорил, какая она хорошая, какая красивая. Он целовал ее в лоб, словно она была маленькой девочкой и распускал красную ленту в ее волосах. Однажды она попыталась уйти, не надев ее, и он приказал завязать ее обратно.

Веритас опустила голову. Обычно в это время она бы убиралась, меняла простыни, выбивала ковры. Она хотела убираться и работать, а не сидеть здесь и ждать. Ожидание пугало ее.

Прошло несколько минут, и она услышала движение снаружи. Телега или карета. Перезвон колоколов, грохот снаряжения и копыт.

Вдалеке послышался голос Хозяйки, дошедший до кухни. Возможно, это ее последний шанс убежать. Но она не могла бегать. Не с таким большим животом и такими слабыми и опухшими ногами. Что бы ни было внутри нее, оно пыталось ее убить. Не удивительно. Все окружающие тоже хотели ее смерти.

Хозяйка зашла через заднюю дверь, и Веритас быстро подняла голову. За Хозяйкой стоял мужчина, уродливый пожилой мужчина со следами оспы. Для Веритас он не выглядел чистым, и она хотела бы убежать, будто у нее был такой шанс.

- Вставай, девка, - приказала Хозяйка, и Веритас поднялась на ноги. Стоять не так-то и просто.

Мужчина подошел ближе, достаточно близко, чтобы Веритас смогла учуять его запах. От него пахло так, будто он гниет, как старое мясо на солнце. Он осмотрел ее, потрогал волосы, поднял юбку, чтобы посмотреть на ноги. Она вздрогнула, когда он прикоснулся к животу.

- Два по цене одного, - сказал мужчина. - Если он выживет.

- Уверена, что выживет, - ответила Хозяйка. - К несчастью.

Мужчина посмотрел на Хозяйку и изогнул бровь. Она, Хозяйка, не была уродиной, но и красавицей тоже не была. Хозяин красивый, но, говорят, у него кончились деньги, когда они поженились. Хозяйка знала, почему он женился на ней, но легче от этого не становилось.

- Сколько? - спросила Хозяйка.

- Девятьсот.

- Не за нее. За такую красавицу? Два по цене одного?

- Тысяча. Бери или оставляй себе, потому что это все, что у меня есть.

- Тогда ладно. Оставляй деньги. Бери девочку.

- Куда вы забираете меня? - спросила Веритас.

- На корабль, - ответил мужчина.

- Но я...

- Цыц, девка, - прервала Хозяйка. - Ты сама это сделала с собой.

Мужчина надел на ее запястья железные кандалы. В кольца была продета тяжелая веревка, и он потянул ее, как собаку на поводке из кухни.

- Он сделал это со мной. - Веритас посмотрела на свой живот. - Он сделал. Не я. Я не хотела его.

- Закрой свой рот, или я отрежу тебе язык. - Мужчина швырнул деньги на стол по пути на улицу. Веритас уперлась ногами и потянула за веревку.

- Не делайте этого, - обратилась она к Хозяйке, ее лицо было мокрым от слез. - Пожалуйста, Хозяйка, не делайте этого. Я не хотела его. Он брал меня, я не хотела его. Я никогда не хотела этого. Не заставляйте уходить. Не заставляйте...

Хозяйка грубо ударила ее по лицу. Еще раз. И в третий раз. Затем мужчина ее остановил.

- Эй, теперь она моя. Я заплатил за нее, - заметил он.

Она проигнорировала мужчину и схватила Веритас за волосы.

- Ты умрешь в цепях, - произнесла Хозяйка. - Ты родилась в цепях и умрешь в них.

Веритас закричала, когда Хозяйка сорвала красную ленту с ее головы и вместе с ней выдрала клоч волос. Это единственное, что осталось от ее матери, и теперь это было в руках Хозяйки.

Веритас услышала звук, похожий на поднимающуюся реку, прорывающуюся сквозь горы и смывающую весь мир. Но Веритас была на вершине горы и улыбалась, наблюдая, как она все уничтожает. Река говорила и говорила через Веритас.

- У тебя будет сын, и он умрет от лихорадки. А ты умрешь при родах следующего ребенка. Твой муж будет рад видеть тебя мертвой и похороненной, - сказала Веритас. - Он будет танцевать на твоей могиле, ты, старая уродливая мегера.

- Что ты сказала? - зашипела Хозяйка.

- Я сказала, что ты умрешь, а твой муж будет улыбаться твоей могиле. А однажды я буду улыбаться на его. Я вернусь и вырежу вашу семью под корень. Затем вырву корни и все, что у вас было, все, кем вы были, я сожгу, и даже все реки мира не потушат огонь, который я разведу в вашем доме. Мой ребенок будет девочкой, и я

назову ее в честь мамы - Пэрис, и когда Пэрис постучит в вашу дверь, вы впустите ее, и она принесет мою месть в своей крови и вашу смерть на руках. Из-за меня больше не останется Мэддоксов. Я проклинаю всех вас, от ветвей до самых корней. Веритас будет править вашим домом.

Веритас закончила предложение, плюнув в лицо Хозяйке. Хозяйка снова подняла руку на Веритас, в этот раз кулак, и как только она прикоснулась к ней, Тамара проснулась.

Тамара испытала ужас, будто ощутила прикосновение к своему телу.

- Нет...

- Пойдем. Давай вернемся в дом.

Руки подняли Тамару с досок, и она застонала в протесте. Она не хотела покидать реку до тех пор, пока была жива. Но у нее не было сил оттолкнуться и прыгнуть в воду. Она едва могла идти. Сколько она проспала? Сколько времени прошло с тех пор, как она ела? Сколько прошло после ухода Леви?

- Я не хочу уходить... - это все, что она смогла выдавить между вдохами.

В доме ее положили на тахту. Тахта была новой, купленной после наводнения. Сейчас был не сентябрь, но кто-то разжег камин, и он сиял, как улыбающийся демон за решеткой. Глаза Тамары медленно полубессознательно открылись и закрылись.

- Я не могу быть здесь, - сказала она себе, но кто-то услышал.

- Ты больна. Тебе нужен отдых.

- Я не больна.

- Малышка, ты всегда так говорила.

- Не называй меня малышкой, - ответила Тамара.

- Но ты моя малышка.

Тамара открыла глаза.

- Мама?

Глава 31

Мама омыла ее влажной мочалкой и помогла переодеться в чистую одежду. Тамара молчала, пока мать подняла ее руки, чтобы надеть футболку, и постучала по ногам, чтобы помочь натянуть ее любимые старые джинсы. Она снова была ребенком, окруженным заботой мамы. Тамара хотела ненавидеть это, но она скучала по ней. Мама наполовину тащила, наполовину несла ее в гостиную, прежде чем усадить на диван.

- Мама, что ты здесь делаешь? - спросила Тамара и легла на спину. У нее больше не было сил сидеть ровно.

Мать протянула ей чашку с водой, но Тамара только посмотрела на нее.

- Это просто вода, - заверила мама, сделав глоток, чтобы доказать, что это безопасно. - Пей.

Рука Тамары тряслась, принимая кружку из рук мамы. Мама помогла ей напиться. Как только жидкость коснулась губ, она выпила все до последней капли в несколько быстрых глотков.

- Я думала, это был кое-кто другой, а не ты, - ответила Тамара, обхватывая кружку. - Я хотела, чтобы это был кое-кто другой.

- Леви.

Тамара снова легла, но не закрыла глаза. Если она закроет их, то увидит Леви.

- Почему ты здесь? - поинтересовалась снова девушка. Комната была темной, кроме пылающего камина. Должно быть, мама развела его, чтобы согреть ее холодную кожу. Тамара посмотрела вниз на руки и увидела бугорки – комариные укусы. Она всю ночь пролежала на пирсе? Но до сих пор была ночь.

- Я твоя мама. Почему мне не быть здесь?

- Почему ты здесь? - снова задала вопрос Тамара, ее голос был словно лезвие ножа, зазубренное и блестящее.

- Я подумала, ты должна узнать правду.

- Немного поздно, мама.

Тамара повернула голову. Мама выглядела уставшей, но почти такой же красивой. На ней был неброский макияж, и крашенные светлые волосы уложены в низкий пучок на затылке. Она была в черном свитере с короткими рукавами и слаксах. Образ ей шел. Почти классический.

- Мне жаль насчет письма, - наконец произнесла мама. - Ты и Леви исчезли, и я не знала, как и где найти вас. Пришлось ждать вашего возвращения.

- А мы думали, почему ты отказалась от иска.

- Мне показалось, что это единственный оставшийся способ вернуть вас оттуда, куда вы убежали. Я оставила дюжины сообщений секретарю Дэниела. Ни одно не дошло?

- Леви принес мне письмо. Я выбросила его в океан. Он сказал секретарю судьи ничего нам не отправлять. Ты не можешь его осуждать. Ты отправила копов его убить.

Мать подняла руку в протесте.

- Я не делала ничего такого. Я сказала им привести тебя домой. И все.

- Они бы убили его, если бы я их не остановила.

- Прости. - Голос матери казался тонким, как тростинка, но Тамара поверила ей. Такой была Тамара. - Я не говорила им этого. Я получила твою записку и не знала, что еще делать. Твой дедушка...

- Ты имеешь в виду моего отца?

- Джордж, - уверенно произнесла мать. - Джордж должен был рассказать тебе в ночь наводнения. Он должен был рассказать тебе, кем он был, и кем был Леви, чтобы ты знала, почему вы не можете быть вместе. Думаю, он не успел рассказать тебе, верно? - Мать, наконец, посмотрела на нее.

- Нет, - ответила Тамара. - Не успел. - Она выдохнула и уставилась в потолок в ожидании, ее рука покоилась на животе, желая быть ближе к той частичке Леви, которая была внутри нее.

- Я была влюблена в Эрика, - снова начала мать. - Так влюблена. Но он обращался со мной, как с младшей сестрой. Я вешалась на него, а он отталкивал. Мне было всего семнадцать, и я думала, что смогу влюбить его в себя. Тогда я начала смотреть на Нэша, надеясь, что Эрик приревнует. Мы с Нэшем хорошо ладили, но и он обращался со мной, как с сестрой, хотя и по другим причинам. Когда я пыталась быть с ним, он оттолкнул меня, как и Эрик. Эрику нравились зрелые женщины, дикие женщины. А не глупые юные девушки. Я больше не хотела быть глупой. Однажды я оказалась дома, выискивая Эрика и Нэша. Никого из них не оказалось дома. Но был Джордж. Я излила ему душу, и он излил мне свою. Он хотел развестись с женой. Врачи говорили, она больше не сможет родить после Нэша, но Джордж хотел еще двух сыновей. Особенно после того, как узнал, что Нэша не интересовала женитьба, не интересовали женщины. Но твоя бабушка была старомодна. Она бы ни за что не дала ему развод. Ни за любовь, ни за деньги. Позже я узнала, что моя милая свекровь не

была такой уж и старомодной. И что она была очень и очень зла на Джорджа. Вот почему она не хотела разводиться с ним. Она наказывала его.

- Из-за Леви?

Мама кивнула.

- Тогда я не знала. Только знала, что была одинока. Джордж сказал, будь он моложе и холост, то женился бы на мне. Я сказала, будь он холост, я бы вышла за него, и мне не важен его возраст. В тот день он уложил меня в постель и еще сотню раз после. Когда я узнала, что беременна, надеялась, он разведется и женится на мне. Но нет. У него была другая идея. Он пытался заставить Эрика жениться на мне, но Эрик не захотел. Эрик с большим удовольствием ушел бы в армию или убил себя, чем подчинился отцу и женился на какой-то глупой девчонке. И Нэш... теперь ты знаешь все о нем. Но Джордж уговорил его. Я солгала Нэшу и сказала, что ребенок от Дэниела Хедли. Я подумала, если он узнает, что ребенок от отца, то не захочет иметь со мной и ребенком ничего общего. Но он знал. Он все это время знал.

- Папа любил меня, - прошептала Тамара.

- Конечно, любил, - ответила мама. - Ты была его сводной сестрой.

Слезы полились из глаз Тамары. Ей хотелось, чтобы её стошнило. Вырвало. Но она сдержала все внутри и проглотила этот ком.

- Продолжай, - охрипнув от боли произнесла Тамара.

- Мы с Нэшем поженились. Я не знаю почему, он, наконец, уступил отцу. Может, он знал, что всё равно должен жениться, или люди начнут судачить о нем еще больше. Шесть месяцев спустя родилась ты. Девочка. Джордж был разочарован, но это был не конец света. Эрик все еще был жив во Вьетнаме. Нэш был жив. Затем Эрика убили. И Джордж потребовал от Нэша исполнить свой супружеский долг и подарить ему внука. Нэш только рассмеялся. И Джордж решил выполнить всю работу за него.

- Папа застукал вас вместе, верно? Так слышал Леви. Вот почему папа покончил с собой. Если бы ты не спала с дедушкой, папа мог бы быть еще жив.

Папа был бы жив, и Тамара жила бы с ним на Острове Невесты. Она бы спала в розовой комнате на клубничных простынях и была бы счастлива. Она бы никогда не встретила Леви. Если бы мама не убила папу.

- Спала с ним? - повторила мама, затем издала ужасающий смешок. - Это звучит почти романтично. Я была почти ребенком. Я больше не хотела иметь с ним ничего общего. Особенно после того, как он солгал мне, обрюхатил и отдал в брак с одним из его сыновей, продал как корову. Но Джордж уже знал о Леви. И знаешь, что он мне сказал? Он постоянно говорил: «Веди себя хорошо, Вирджиния, или я оставлю все Леви, а у тебя ничего не будет. Ты окажешься на улице, а Леви будет купаться в золоте».

- Что ты сделала?

Мама замолчала, и Тамара поняла, что произошло. То же, что произошло и с ней той ночью, когда река спасла ее. Но река не спасла маму.

- Я вела себя хорошо.

Эти слова были самыми мерзкими, которые Тамара когда-либо слышала.

- Джордж нанял Леви работать здесь, в этом доме. Нанял, чтобы утереть мне нос, чтобы я молчала, чтобы вела себя послушно. Нэш был мертв. Как и Эрик. Я не знала, почему он по-прежнему держал меня рядом. У него были другие женщины. Не только я. Я не знала, для чего он меня держал. Твоя бабушка пыталась покончить с собой после смерти Нэша и добила лишь того, что превратила себе в овощ.

- Бабушка пыталась покончить с собой? Вы говорили, у нее был инсульт.

- Детка, она выпила все таблетки в доме. Это привело к повреждению мозга. Думаю, она прожила столько из-за ненависти к Джорджу. И я не виню ее за это.

- Почему ты никогда мне не рассказывала?

- Когда твой папа... - мама остановилась и поправила себя. - Нэш написал мне письмо перед смертью, где просил не говорить, что он не был тебе отцом. Он любил тебя, как собственную дочь, и не хотел, чтобы кто-то отнимал у него тебя. И, правда в том, что мне было стыдно, стыдно рассказать правду. Но, когда я застала тебя с Леви за поцелуем в конюшне, то поняла, что время пришло. Джордж собирался рассказать тебе. Если бы ты не убила его, возможно, он бы и рассказал.

- Значит, ты знаешь, что я его убила? - спросила Тамара. - Знала все это время? Но... - Мать обвинила ее в смерти Джорджа Мэддокса, но никогда не обвиняла в убийстве. Если она знала, почему не рассказала полиции?

- Он левша. Когда брал красную ленту в руки, он делал это правой рукой, потому что только так мог ее снять. Когда его нашли, она была на левой руке. Конечно, я знала, что ты убила его. Кто еще мог это сделать?

- Ты знала и не спросила меня, почему?

- Я пыталась защитить тебя. Тамара, ты могла сесть в тюрьму за убийство.

- Как думаешь, почему я его убила? Давай, расскажи мне.

- Не знаю. Думала, ты поссорилась с ним из-за Леви. Это не важно. Я просто знала, что ты сделала, и не жалела об этом.

- Хочешь знать, что произошло? Хочешь знать, почему мне не жаль? Ты сказала, что я должна выбрать между своим конем и работой Леви. Ты или убьешь моего коня, или уволишь Леви. Я пошла жаловаться дедушке, и он был так добр со мной. Он отправил меня принять ванну. Затем он пришел в мою спальню с бутылкой «Красной Нити». Он налил мне немного. И пока я пила, рассказал мне свою слезливую историю о том, как сильно хотел сына, и как мир забрал всех его детей. Затем он сказал, что у него есть идея, как мы могли бы друг другу помочь все уладить. Мама, хочешь знать, какой была идея?

- Нет. Тамара, нет...

- Он поцеловал меня, мама. Он поцеловал меня и грубо потащил в постель...

- Нет. - Мама мотала головой.

- И расстегнул штаны.

- Нет!

- А затем в спальню ворвалась вода, словно Бог услышал мои крики. Дедушка увидел ее, и когда на секунду отвлекся, я ударила его по голове лампой. Когда он не отключился, я ударила его подсвечником. А когда и тот не убил его, я опустила его голову под воду и утопила. Потому что понимала, если он выживет, то закончит начатое и заставит родить ему сына. Вот почему я его убила. А не потому, что он собирался уволить Леви. Не ради спасения коня от живодерни. Не потому, что я хотела унаследовать все его грязные деньги. Не потому, что он рассказал мне о тебе. И когда я была под ним и боролась, я знала - ты продала меня ему. Ты подставила меня, чтобы я отдалась ему и делала все, что он пожелает, чтобы мы могли оставаться в доме и при деньгах. Он сказал, что ты позволила ему сбить с меня спесь. Хочешь сказать, что не делала этого?

Мать выдохнула, тяжело и печально. Она смахнула слезы и кивнула.

- Я говорила ему это, - прошептала мама, ее голос был хриплым, а глаза закрыты.

- Я сказала ему рассказать тебе о Леви. Он угрожал оставить «Красную Нить» и все остальное Леви, потому что тот был последним мужчиной Мэддокс. Думала, если будешь бояться все потерять из-за Леви, то будешь сторониться его. Джордж должен был только припугнуть тебя, чтобы ты вела себя достойно.

- Он напугал меня. Но я плохо себя вела, - ответила Тамара.

- Ты, правда, думала, что я продам твоё тело?

- Трудно не верить женщине, угрожавшей застрелить моего коня. Ты правда думала, что он не сделает этого со мной после того, как поступил с тобой так же?

- После? - с недоверием спросила мать. - Не было никакого после, Тамара. Я не думала, что он пойдет к тебе. Он по-прежнему приходил ко мне.

- Мама... я не знала.

- Добро пожаловать в клуб. Я бы застрелила любого мужчину, женщину или животное на планете, чтобы спасти свою дочь от того, через что я прошла... Но вместо этого я предала тебя.

Тамара накрутила прядь волос на палец, свернув в рыжий завиток. Мама взяла еще одну прядь волос и потерла ее между большим и указательными пальцами.

- У нас с тобой одинаковый цвет волос, - заметила ее мать. - Под этой краской. Я так долго их крашу, что даже забыла, что тоже рыжая. Или нет, наверное, уже седая. Я даже не помню, как выгляжу, так давно не была собой.

- Ты действительно не продавала меня дедушке?

- Нет, детка. - Мама покачала головой. - Я бы сама его убила, если бы знала его планы. Я бы убила его голыми руками.

- Я сделала это за тебя, - ответила Тамара.

- Мне стоит тебя поблагодарить.

Тамара наклонилась вперед в объятия мамы. Все это время они могли быть союзниками. Еще один грех на счету Джорджа Мэддокса. Он не только забрал у нее отца, он и мать забрал.

- Ты ударила меня, - вспомнила Тамара.

- Мне не стоило, - произнесла мама, отстранившись и держа Тамару за плечи. - Я была так расстроена, увидев вас с Леви вместе. Но, Тамара, клянусь, я никогда не продавала тебя. Я сказала Джорджу, что у нас не осталось времени. Я просила поговорить с тобой. Просила рассказать правду. Сказала, чтобы он выбил из тебя дурь, если придется, но не говорила, что он может тебя взять. Если бы он не рассказал тебе правду, ты бы уже была беременна от Леви Шелби.

- Я беременна от него.

Мать согнулась пополам, закрыв лицо руками.

- Мама?

Мама резко встала.

- Завтра я отвезу тебя к врачу. Я знаю одного.

- Нет, - ответила Тамара.

- Он твой брат. Ты не можешь родить от него ребенка.

- Я оставлю его. - Тамара приняла решение, как только слова сорвались с ее губ.

- Уверена, он его не захочет.

- Он уехал, - подтвердила слова мамы Тамара. - Он оставил меня. Это не его решение.

- Он твой брат, - повторила мама. - У вас одна кровь. Для тебя неестественно носить его ребенка. Это против всего. Это против Божьей воли.

- Если Бог хочет забрать ребенка, он может его забрать. Мне плевать, что это грех. Я хочу его. - Она хотела этого ребенка. Веру заставили родить ребенка, которого она не хотела. Тамара не станет нести крест Веры, у которой не было выбора, кроме как рожать.

- Этот грех мой, - сказала мама. - Он на мне. Ты не можешь винить себя. Ни ты, ни Леви не можете винить себя. - Она схватила Тамару за предплечье и посмотрела ей в глаза. - Слышишь? Я сделала это. Ты не знала, кто ты, и он не знал, кто ты. А я знала. Я знала, кем вы оба были, но так и не рассказала вам, потому что не хотела, чтобы ты ненавидела меня. И ты так сильно любила папу. Я не могла забрать его у

тебя, рассказав правду. Он не хотел, чтобы я рассказывала. И я тоже не хотела. А теперь мы расплачиваемся за эгоизм. Мы оба расплачиваемся.

Тамара медленно поднялась на ноги. Она положила руки на голову мамы, нежно, будто благословляя.

- Ты не виновата, - ответила Тамара.

Мама посмотрела на нее, на ее лице читалось удивление, как у новоиспеченной вдовы.

- Куда ты собралась?

- Домой, - просто сказала Тамара. Она вернется на Остров Невесты, в их дом. И будет ждать, когда Леви снова сможет на нее смотреть, а если не сможет, это не имело значения. Она будет видеть его каждый день в их ребенке.

- Это и есть твой дом.

- Он никогда не был моим домом.

Тамара вышла из комнаты в мрачный коридор и направилась к парадной двери, такой большой и молчаливой. Возле двери стоял ее чемодан, где она его и оставила. Только она закрыла его, а сейчас он стоял открытым.

Опустившись на колени, Тамара покопалась в одежде, сначала спокойно, а затем в панике ища то, чего, она была уверена, больше тут не было.

- Детка?

- Он пропал, - пробормотала Тамара.

- Что пропало?

- Мой пистолет. Дедушкин пистолет.

- Его взял Леви?

Тамара медленно кивнула. Значит, дедушка был прав. Совершенство создано для Небес, и, когда ты пытаешь принести совершенство на землю, дорого за него платишь. Идеальное лицо сморщивается от возраста. Идеальная любовь умирает от пренебрежения. Бурбон был идеальным напитком, поэтому ангелы столько забирали, пока он выдерживался. Они с Леви были идеально счастливы. Неудивительно, что сборщик долгов постучал в их дверь.

Это и была цена, которую Тамара должна была заплатить. Она больше никогда не увидит Леви.

Она поднялась с пола.

- Я должна идти, - сказала Тамара, поворачиваясь к маме. Она поцеловала ее в щеку. Ее кожа была гладкой и холодной, и пахла розами.

- Не уходи. - Мама схватила ее за руки. - Не оставляй меня одну. Я больна, Тамара. Доктора дают меньше года. Ты могла бы остаться со мной до моего ухода. Я смогу увидеть ребенка. И ты, и я, мы можем наладить отношения. Мы найдем способ.

Тамара почти рассмеялась ей в лицо. Она смеялась над ней. Она смеялась так же, как смеялся Нэш, когда мама рассказала, что отцом был Дэниел Хедли? Теперь ее мать умирает? Она оценила ложь. Она расценила ее как знак того, что мама любила ее достаточно сильно, чтобы попытаться сделать все, чтобы та осталась. Но Тамара не могла остаться, не в этом доме. В этом доме она была Мэддокс, и ее ребенок будет Мэддокс. Она вернется на Остров Невесты, где она была Шелби, и ее ребенок будет Шелби.

- Ни за что. - Тамара покачала головой. - Прощай, мама. Ты можешь жить в этом доме.

- Я умру в этом доме.

- Ты будешь не первой.

Глава 32

Тамара приехала к «Красной Нити» на своем голубом «Триумфе». На пути к амбару Тамара остановилась у сарая, где хранились все инструменты. На стене висел топор, и она сняла его. Именно то, что ей нужно.

Там же она нашла коробку старых спичек. Она засунула их в карман, и это все, что ей было нужно. Больше ничего. Ничего больше. Пришло время закончить начатое.

Приехав к амбару, она была рада видеть почти пустую и заброшенную парковку. В августе они всегда закрывали «Красную Нить». Жара была слишком невыносимой для всех, кроме бурбона.

Дрожащими руками Тамара открыла складскую дверь и переступила порог. Ей в нос ударил аромат бурбона, холодной выпечки хлеба, острый, почти гнилой, но все же сладкий. От него на глазах выступили слезы, и голова прояснилась. Она закрыла за собой дверь, но не заперла ее. Изнутри не было замка.

Тамаре нужен был план атаки. Ей потребуется целая армия для уничтожения всех бочек на складе. Куда бы она не глянула, везде были ряды гигантских пятидесяти трех литровых дубовых бочек на деревянных подпорках. Задача казалась под силу только Геркулесу, как она думала. Топор казался крайне неуместным. Ей стоило взять автомат.

Тамара сделала глубокий вдох. Она сможет. Она должна быть умной. На складе было семь этажей, на каждом стоял самый лучший бурбон «Красной Нити». Сырье подешевле было на складе возле двери, деревянным переходом, соединяющим два строения. Если этот склад загорится, соседний тоже будет охвачен огнем. Огонь любит взбираться и пожирать. Если на первых этажах будет достаточно топлива, то он с легкостью поднимется к верхушке.

Тамара поднялась на четвертый этаж и направилась к бочке с бурбоном, где хранилось все наследие «Красной Нити». Тут были самые выдержанные бутылки, отобранные мужчинами Мэддокс, которые приезжали один-два раза в год на дегустацию в поисках самого лучшего из партии. Они писали свои имена на бочках. Тут был целый ряд от Джорджа Мэддокса. Под ним ряд отобранного бурбона Робертом Мэддокса. Ее прадедушка умер двадцать лет назад. Одну бочку с его подписью можно было продать по цене автомобиля. Тамара выбрала свою первую бочку. На крышке была подпись Джорджа Мэддокса. Ради удовольствия она хрустнула пальцами, подняла топор и вонзила его в дерево. Она выдолбила хороший кусок дерева, но потребовалось еще три или четыре взмаха, пока бочонок не разломался, и бурбон вылился из овальной щели, которую она проделала. На полу образовалась ржаво-красная лужа.

К каждой бочке с именем дедушки прикоснулся топор. К каждой бочке с именем прадедушки прикоснулся топор. Пары от сорокаградусного бурбона жгли глаза и ударяли в голову. Она гадала, сможет ли опьянеть, просто вдыхая его.

- Лиззи Борден топорик схватила... - распевала она, пока рубила бочки. - И им раз сорок бочку угостила. Потом увидав, что натворила, она в сорок первый раз опустила...

Она захихикала. Она посчитала рифму забавной.

Когда она закончила уничтожать бочки наследия «Красной Нити», девушка перевела дыхание, прислонившись к стене. Махать топором - тяжелая работа. У нее на руках уже образовались мозоли. Едкий запах неразбавленного бурбона наполнял воздух и вызывал рвотные позывы. Или это утренний токсикоз? Уже утро? Она выглянула в окно и поняла, что все еще была ночь без какого-либо намека на восход

на горизонте. Может, у нее ночная тошнота. Такая бывает? Она ничего не знала о беременности. Леви точно убьет ее, когда узнает, что она, будучи беременной, рубила бочки бурбона.

Только он не разозлится на нее, потому что не будет знать. Потому что он забрал ее пистолет и уехал. Поскольку его здесь не было, чтобы остановить ее, она не остановилась.

- Перерыв окончен, - сказала она себе. Она вытерла лицо подолом футболки. Пот или слезы? И то, и другое. Она спустилась на третий этаж и начала рубить бочки у лестницы. Бурбон хлынул из дыр и лился по лестнице на второй этаж.

Работа была тяжелой. Она чувствовала, как вредит своему телу, продолжая делать это, вдыхая эти пары и сражаясь с усталостью. Но она продолжала. При всей боли, дискомфорте и тошноте она испытывала невероятное удовольствие. Она представляла, как Джордж Мэддокс стоит в нескольких футах от нее, его запястья и лодыжки в кандалах Веритас, другой мужчина держит его шею в железном ошейнике. Дедушке пришлось бы смотреть на то, что делала Тамара. Ему бы пришлось стоять там и ничего не делать, пока его собственный ребенок, его кровь, вскрывала бочку за бочкой высококлассного Кентуккского бурбона и выливала его на холодную грязную землю. И он ничего не мог поделать.

- Ты сам сделал это с собой, дедушка, - заявила она. - Ты должен винить только себя. Ты изнасиловал мою мать, пытался изнасиловать меня, и ты обращался с Леви как со слугой, в то время как он был твоим сыном. Ты всех нас поимел... - Она улыбнулась, говоря ему «поимел». Ей запрещалось ругаться в доме. Никакого «поимел». Никакого «дерьма». Даже «черт», если только оно не следовало после слова «Янки».

- Пошел ты, - прокричала она и замахнулась топором. - К черту твоего отца. К черту твоего дедушку. К черту его отца. К черту тебя, Джейкоб гребаный Мэддокс. Если бы все не трахались столько, вы бы не были такими трахнутыми на голову.

Тамара подняла топор, чтобы расколоть еще одну бочку, и он выскользнул из ее рук и приземлился на пол позади нее с жутким грохотом. Она ахнула и отскочила назад. Он едва не ударил ее в спину.

Опьяненная и запыхавшаяся она посмотрела на свои руки. Руки сочились кровью. Она стерла все, что осталось от волдырей и кожи на руках. Она подставила их под одну из капающих бочек и закричала от жжения алкоголя, очищающего открытые раны.

Она заплакала в агонии. После той ночи с дедушкой она не испытывала таких сильных физических страданий. Как она могла продолжать в том же духе? Но как она могла остановиться? Она и близко не придвинулась к завершению. Она, вероятно, открыла только сотню бочек. Сотня из сорока тысяч во всем складе? Недостаточно. Совсем недостаточно. Она пошатнулась и повернулась к окну. Она прижала потный лоб к стеклу. В сотне ярдов, не больше, она увидела реку. Она прошептала молитву, прошение... *Ты унесла Веритас. Помоги мне вернуть ее.*

Река ничего не ответила. Она продолжала течь, молчаливая, прекрасная и темная.

Тамара подняла голову и обратилась к ангелам, собравшимся вокруг нее.

Пожалуйста?

Нет ответа.

Она опустила голову и прижала ее к разбитой бочке. Ее плечи поникли, и она едва могла стоять. Она прижала руку к животу для успокоения. Она чувствовала себя одинокой, но не была одна.

Тамара попыталась выпрямиться, но ее одолела еще одна волна тошноты. Она отшатнулась назад и прислонилась к стене. Она осела на пол и легла. Все, что ей было нужно, - это небольшой отдых. Вот и все.

- Тамара?

Это Бог звал ее по имени?

- Тамара?

Это папа пришел к ней, чтобы забрать на Остров Невесты?

- Тамара?

Рука коснулась ее плеча. Тамара открыла глаза.

- Леви?

Глава 33

Инстинктивно Тамара попыталась отползти от него. Она потянулась за топором, но тот был слишком далеко. Леви был мертв. Кто этот мужчина, который пришел за ней?

- Тамара, успокойся, это я. Это всего лишь я.

- Леви... - прошептала она. На ее лице появилась улыбка. Она закрыла глаза.

- Да, это я. А кто еще?

Она заставила себя открыть глаза. Перед ней, опустившись на колени, сидел Леви.

- Ты ушел. И ты... ты забрал пистолет. - Она давилась словами, пытаясь их проглотить. В панике и замешательстве она дышала в обратном направлении. - Я думала, ты мертв.

- Я уехал на остров.

- Почему?

- Боуэн. Он знал.

- Ты собирался его убить?

- Нет. Но собирался убить кое-кого другого. Но я остановился. Я не мог продолжать. Признаюсь, я не смог. Я не мог быть тем человеком, который обрюхатил тебя и оставил один на один с матерью. Я вернулся. Я должен был вернуться.

- Я боялась, что ты уже мертв.

- Не думал, что ты захочешь меня снова видеть.

- Да, - ответила она. - Я всегда хочу тебя видеть...

Впервые ей в голову пришла мысль, что ей все равно, кем они были друг другу. Она была его женой до того, как стала сестрой. Сводной сестрой, точнее. Естественно, жена перебивала сводную сестру. Должна ли одна быть важнее другой?

Все эти ночи, проведенные вместе, утра и вечера, они изучали тела друг друга. Всякий раз, когда они могли, когда у них возникало желание, Леви находил пальцами ее груди, ее пальцы находили пуговицы на его джинсах. Одного раза в день было недостаточно, как и одного приема пищи в день было недостаточно. Они даже и не пытались. Трижды в день, иногда четырежды, они соединялись друг с другом. Леви не спрашивал разрешения, и она ни в чем ему не отказывала. Это была данность. Оба они были данностью. Когда она тянулась к нему, он брал ее. Когда он тянулся к ней, она отдавалась ему. Часы разлуки были жестокими. Однажды ночью, в темноте, когда он лениво двигался в ней, не торопился закончить и снова отделиться, Леви поделился теорией Платона, вычитанной из Симпозиума, о том, как однажды у всего человечества было четыре ноги, четыре руки и два лица. Создания были достаточно могущественными с таким количеством глаз и конечностей, что даже Зевс боялся их

мощи. Он разрезал и надвое, Зевс, расколол их пополам. И с тех пор каждая половина страдает в поисках другой половины. Когда Леви был внутри нее, она верила в эту сказку. Четыре ноги. Четыре руки. Два лица. Одно тело. Половина встречается с половиной. Половина составляет целое. Ее сводный брат. Ее полу-муж. Ее половина. Они - целое. Леви цитировал ей: «Любовь — это жажда цельности и стремление к ней». Они посмеялись над шуткой, и его пальцы проникли в нее. Любовь, хотя они действительно любили друг друга, имела к этому такое же малое отношение, как и к обеду. Она должна есть, чтобы жить. Она должна быть с Леви. По той же причине.

- Я не могу без тебя, - признался Леви. - Я пытался и продержался один день.

- Что с нами будет? - спросила она. - Что мы будем делать?

Мы. С нами. Эти слова она понимала.

- Ты знала, что во времена фараонов в царской семье часто женили братьев и сестер, или отцов и дочерей? Ты знала об этом?

- Нет. В школе нас ничему такому хорошему не учили.

- Фараоны были как Боги, - продолжил Леви. - Им поклонялись. Кровь Богов не могла смешиваться с кровью простолудинов. Богами не просто стать. Им приходилось жениться на своих, чтобы оставаться Богами.

- Мы не Боги. Мы всего лишь люди.

- Как и они. Но они были Богами. И мы можем, если захочешь, - ответил Леви. - По крайней мере, для себя. Но что, если Бог это тот, кому поклоняются? Я буду поклоняться тебе, а ты будешь поклоняться мне, и мы оба будем Богами.

- Ты простишь мне мои грехи? - спросила она.

- Нет никаких грехов, - ответил Леви. - Боги не грешат. Они творят. То, что они делают - правильно, не потому что это правильно, а потому что они так делают.

- Что делают Боги? - задала вопрос она. - Я никогда не была богиней.

- Все, что захотят.

Тамара ощутила ладонь Леви на своем лице.

- Они убивают людей, - ответил он. - Они раздвигают моря и низвергают громы и молнии. Они вершат справедливость, милосердие и месть...

Тамара открыла глаза. Она увидела бурбон на полу, словно кровь, вытекающую из труп.

- Может, я и есть Бог. - Она посмотрела на Леви.

- Что ты здесь делаешь? - поинтересовался он. - Что ты хочешь этим сказать?

- Это из-за нашего отца, - ответила она. - Он тоже считал себя Богом. Но он им не был. Он был дьяволом.

Леви был умным. Она любила это в нем. Она могла сказать фразу, и он за один шаг мог перебрать дюжину выводов и добраться до самой сути.

- Что он сделал с тобой? - спросил Леви, прищурившись на нее.

- В ночь наводнения... Мама не избивала меня. Это ложь. Она ударила меня по лицу, но не избивала. Синяки, о которых я тебе рассказывала, были настоящими. Их оставил дедушка.

- Он избил тебя?

- Нет, - ответила она и покачала головой. - Он хотел сына, настоящего сына Мэддокс.

- Тамара...

- Он хотел его от меня. Он хотел сына, которого можно было считать законным.

Сын Мэддокса. Мой сын. Его сын.

- Белый сын.

- Королевская кровь, - добавила она. - Боги и смертные не смешиваются.

Леви потер лицо. Его голубые глаза обрамлял красный.

- Черт...

- Он потащил меня в кровать. В мою кровать. Мою глупую розовую кроватью. Но прежде чем он успел, в комнату ворвалась река и спасла меня. Дом затапливало. Мне выпала секунда, и я воспользовалась ею. - Леви поднял голову, и она посмотрела ему в глаза. - Я убила его.

Леви молчал. Тамара улыбнулась.

- Я покарала его, - добавила она и пьяно захихикала.

Боги могут убивать других Богов?

- Я была уверена, что мама продала меня ему, как Джейкоб Мэддокс продал Веритас, поэтому перестала разговаривать с ней. И она думала, что я убила дедушку, потому что мы поругались из-за тебя и моего наследства. Он угрожал оставить все тебе, если мы не будем делать все, чего он пожелает. Она уволила тебя, потому что знала, что ты был его сыном, и она видела наш поцелуй. Она хотела разлучить нас. Но я не виню ее за ненависть к тебе или ко мне, или к кому-либо еще. Дедушка и ее заставлял отрабатывать ее содержание.

- Ты никогда мне не рассказывала этого, - произнес Леви. - Почему?

- Потому что боялась, что ты не поверишь. И если ты не веришь мне, я не могу любить тебя, а я хотела любить тебя. Мне нужно было любить тебя.

Леви посмотрел на потолок. Она гадала, молился ли он. Боги молятся другим Богам?

- Они продали девушку, чтобы открыть «Красную Нить». Изнасиловали ее и продали, и купили винокурню. Нельзя продавать людей, - сказала Тамара.

- Нет. Нельзя.

- Для него винокурня была всем, - продолжила Тамара. - «Красная Нить» была всем. Если у него когда-то была душа, он продал ее за это место. Он знал, что я была его дочерью. Он знал это все время. Это не важно. Единственное важно... - Она указала на бочки, тысячи бочек, которые могли быть наполнены жидким золотом. - Он пытался забрать тебя у меня. Все, что у меня было. Так что я забираю все, что было у него. Сначала я забрала его жизнь. Теперь забираю его душу.

Ей потребовались все оставшиеся силы, чтобы подняться. Ее ладонь оставила кровавый отпечаток на стене позади, пока она пыталась встать на ноги. Волна головокружения ударила ее, когда она наклонилась, чтобы поднять топор.

- Тамара, сядь, - приказал Леви. Он делал так иногда, приказывал ей. И ей это нравилось. Он был ее учителем и ее хозяином. Ей нравилось подчиняться ему, но только после того, как она начнет спорить, чтобы ему пришлось дать отпор и подчинить ее.

- Я не могу. Я должна закончить начатое.

- Ржавая, сейчас же посади на пол свою задницу.

Ее тело подчинилось, хотя душа протестовала. Он осторожно забрал топор из ее рук.

Леви отошел на несколько футов, таща за собой топор. Он остановился. Он повернулся.

Затем ударил топором по ближайшей бочке так сильно, что сломалась перекладина.

Затем Леви ударил по следующей бочке, открыв ее так, словно был рожден для этой работы. И, может, так оно и было. Как и она была рождена вернуть «Красную Нить» Веритас. В конечном итоге. Наконец.

Идя вдоль линии, он разбивал бочки. Одна. Две. Двенадцать. Бурбон был везде, по всему полу. Поток сладкого и зрелого с ароматами сахара, яблок и лакрицы, острый и достаточно сильный, чтобы вызвать жжение в горле и глазах. Бурбон на тысячи

долларов. Бурбон на сотню тысяч долларов. Пятилетний бурбон. Десятилетний бурбон. Двадцатилетний бурбон. Напиток, продаваемый за сотню фунтов английским герцогам.

Это была оргия бурбона и разрушения. Алкоголь сочился из дыр в бочках и разбивался как волны о скалы. Разбитое дерево. Разрушенные бочки. И Тамара, сидящая на полу и неустанно смеющаяся.

Наконец, Леви подошел к ней и отнес вниз на первый этаж. Там он нанес наибольший урон, и ей приятно было на него смотреть. Пот пропитал его футболку, и она видела, как вздымаются и бугрятся мышцы под тканью. Боги потеют? В это она могла поверить. Так он выглядел еще могущественнее. Он был воплощением силы и красоты, и она хотела его. Ее любовник, ее брат, ее муж, ее Бог. Когда со всем будет покончено, они смогут уехать куда-нибудь и вместе принять долгую горячую ванну. Он займется с ней любовью, как только они очистят друг друга, или может до того. Он всегда занимался с ней любовью. Они поговорят о ребенке, как назвать его, если будет мальчик или девочка. Теперь они были Богами, и Боги должны делать других Богов. У них будет семья. У них будет пантеон.

Сегодня Леви был Богом разрушения. Должен быть такой Бог, верно? Разрушения, мести и справедливости. И все это было милосердие, поскольку он делал это для нее. Она не могла закончить начатое. Только он мог. Он работал со злостью. Ненависть окружила их обоих в этой тюрьме. Леви прорубит им выход из нее.

Даже когда Леви был вне поля ее зрения, она слышала, как работает топор. Металл разрубал дерево. Треск. Хрипы Леви. Он провел половину лета в кооперативе, обучаясь изготовлению этих бочек. Кто мог ломать их лучше, чем он? Леви превратил себя в машину, подтянутую и стройную, созданную для этой цели. Он высоко поднимал топор и позволял его весу вонзаться в бочки. У них не было и шанса. Море тысяч пьяных ночей, которые ей не суждено познать, окружили ее. Битвы будут не начаты. Слова злости не сказаны. Признания останутся тайнами из-за недостающей жидкой храбрости в словах. Дети не будут зачаты, что могло произойти при других условиях. Они лежали на полу, у ног Тамары - ссоры, признания, дети, все они. Они плыли мимо нее, как река, просачивались сквозь щели между половиц и исчезали.

Когда бочки были разбиты, достаточное их количество, Леви вернулся к ней. С топором в руке. Другую руку он протянул ей.

- Пойдем, - сказал он, взмахивая рукой, призывая взять ее.

- Почему ты вернулся ко мне? - спросила она.

Леви пожал плечами.

- Я не знал, кем был раньше. Я не знаю, кем буду после. - У Леви был прекрасный голос, звучный как гобой. Это был первый раз, когда она заметила это? - Но пока я с тобой, я знаю, кто я.

- Мы останемся вместе? - задала она вопрос.

- Да.

- А мы сможем?

- А мы сможем порознь?

Нет. Не смогут. Кого они смогут полюбить после любви друг к другу? К кому они смогут прикасаться, если не друг к другу? Они уничтожили друг друга для остальных. На них и в них лежало проклятье, и они должны оставаться вместе, чтобы не распространять его на других.

- Мы должны уехать и спрятаться? - поинтересовалась Тамара.

- Мы можем поехать, куда захотим.

- Я хочу домой.

- Тогда мы едем домой.

- Как ты нашел меня здесь?

- Я вернулся за тобой в Арден. Твоя мама сказала, что ты ушла, что ты считала меня мертвым. Я ехал домой, когда увидел твою машину на парковке. Твоя мать сказала... Сказала, что ей жаль. Думаю, она говорила искренне.

- Я так же считаю. Ей действительно жаль.

- Нам стоит уехать, - сказал Леви. - Вонь ужасная.

- И станет еще хуже, - подтвердила она.

- Тогда давай покончим с этим.

Она взяла его за руку и дала ему поднять себя на ноги. Он вывел ее из склада, поддерживая за талию. Теперь дверь была открыта, и бурбон просочился на тротуар.

- Сколько ты говорила в нем крепости? - спросил Леви. - Сорок?

- Приблизительно. Может, больше.

Тамара достала коробок спичек из кармана.

- Хотел бы я, чтобы он до сих пор был жив, - признался Леви. - Чтобы вырвать его сердце.

- Это и было его сердцем, - просто сказала девушка.

Ее руки дрожали так сильно, что она не могла зажечь спичку. Леви забрал у нее коробок и зажег одну. Затем он расположил спичку между ее пальцев. Она кивнула. Пора.

Тамара бросила спичку в дверь склада.

Разве Боги разжигают огонь?

Боги изобрели огонь.

Глава 34

Тамара бросила спичку в бурбон, и за меньшее время необходимое, чтобы моргнуть, «Красная» Нить загорелась.

Пламя скользнула по поверхности алкоголя, спеша по своему пути на склад. Леви захлопнул дверь и запер ее как можно быстрее. Он схватил ее за руку и побежал пятьдесят ярдов к деревьям, огораживающих территорию. Сначала, казалось ничего значительного не произошло. Но только сначала...

Затем дым выскользнул из-под и над дверью. Окна заволокло белым дымом, и они стали красными.

Они слышали треск, гул. Что-то падало. За считанные минуты пламя добралось до верхнего этажа и прожгло свой путь к крыше.

Она слышала звуки похожие на взрывы бомб. Детонировали бочки. Вокруг них ночной воздух стал теплым. Затем превратился в горячий.

Леви закашлялся, как и она. Ее глаза и легкие горели. Они отошли подальше от склада. Тамару мучили рвотные позывы, но она не могла. Внутри нее ничего не осталось.

Из глубины склада донеслись новые звуки. Грохот. Разрушение. Балки, охваченные огнем, падали. Полы сдавались. Прекрасный звук и ужасный запах. Им пришлось отойти еще дальше. Аромат бурбона был повсюду, щипал глаза, жег ноздри. Они прикрыли рты и носы рубашками.

- Пойдем, - перекричал Леви звук пожара и ветра.

- Нет еще, - прокричала она в ответ. Она должна была увидеть еще кое-что. Она ждала. Ей не придется долго ждать. Она подождет еще немного. И да, вот оно. Огонь охватил деревянный переход между первым и вторым складом. Теперь все закончится. Вся операция. Офисы. Цех розлива. Винокурня. От парковки до реки все сгорит.

Тамара захихикала при виде сделанного. Будут ли ее подозревать? Такую малышку, как она? И будет ли это иметь значение? Она владела складом, компанией. Она могла сжечь его, если захочет. Она могла делать все, что пожелает. Ее смех становился истеричным. Но теперь это был не смех. Она плакала. Ее живот болел. Она слишком долго не ела. Она была обезвожена. Она отравила себя на складе. Она вдохнула слишком много паров, и они добрались до ее головы и отравили ее. В этот раз она была уверена. Она больна. Ее мать была бы горда тем, что она призналась себе.

Судорога пронзила ее как кулак в живот, едва не повалив. Она вцепилась в Леви. На лбу выступил пот. Она была горячей, такой горячей, пылающей, обжигающей.

- Тамара? - Леви осмотрел ее.

- Можешь положить меня в реку? - Ей нужно остыть, и река была прямо тут. Вот там... Она сварится заживо, если он не опустит ее в реку. Она думала, что так и было, но не смогла выдать и слова.

- Иисусе, Тамара, у тебя кровь. - Руки Леви были повсюду, держали ее, изучали лицо.

Теперь жар был между ее ног. Красная линия струилась по ногам. Глаза Леви были черными от паники и страха. Это было нехорошо. Сколько она потеряла крови?

Боги истекают кровью?

Она была в его руках. Они убегали, пожар был далеко позади них. Она видела дым, поднимающийся к нему, создающий ночные тучи, закрывающие звезды. Она сделала это, закрыло небо. Только Боги могли это.

- *Пейте*, - она обратилась к ангелам. И ангелы пришли и пили. Но они были жадными животными и пришли за ней. Их крылья сомкнулись над ней. Они всегда говорили, что в крови Мэддоксов был бурбон.

В эту ночь ангелы утоляли свою жажду.

Глава 35

Пэрис

До сегодняшнего дня единственное что для Купера МакКуина имело большее значение, чем хороший бурбон, была красивая женщина. У него была женщина. У него был бурбон. Теперь, больше всего на свете он хотел узнать правду.

- Так что произошло? - спросил МакКуин, посмотрев в глаза Пэрис впервые за этот час.

- Газеты описали это, как «огненная река», - ответила Пэрис. Она сидела как леди, как герцогиня. Прямая спина, скрещенные лодыжки, ладони на коленях. Она повернула голову и посмотрела в пустой камин. - Пылающий виски изливался как лава. Нет ничего хуже, чем пожар из-за виски. Он не просто горит. Он поглощает все. И запах... - Она замолчала и рассмеялась. - Говорят, пожарные не могли близко подойти к складу из-за сладкого тошнотворного запаха. Все, что они могли, это стать по периметру и сдерживать пламя. Даже в шестистах футах ощущался его жар. Сто пятьдесят пожарных из пяти или четырех округов не могли справиться с ним. Говорят, даже их шлемы плавилась от жара. Склад рухнул, и раскаленный щебень воспламенил соседнее здание. И следующее. Эффект домино. Постройки были старыми. Строения, по большей части, были деревянными. Одержимость дедушки Тамары традициями обрекла его наследие. Им стоило снести эти деревянные постройки несколько десятков лет назад и заменить их на кирпичные и стальные. Этому никак нельзя было

помешать. На всей территории был только один пожарный гидрант. Никто ничего не мог поделать. Они позволили всему сгореть. К утру ничего не осталось.

МакКуин прочистил горло. Что-то внутри не давало ему говорить.

- А Тамара? - поинтересовался он. - Что с ней?

- Почему ты спрашиваешь?

- Потому что я хочу знать, что случилось с ней.

- Правда? - спросила Пэрис. Она казалась подозрительной и удивленной, словно не верила, что он заинтересован судьбой девушки, уничтожившей «Красную Нить». - Обвинений в поджоге никому не выдвинули, если интересно. Любые доказательства поджога, которые, безусловно, были, уничтожил пожар. Нельзя снять отпечатки пальцев с пепла. По сей день люди говорят о пожаре и о том, что могло его начать. Некоторые считают, что мама Тамары отомстила дочке за кражу компании. Или недовольный сотрудник. Или молния. Так бывает. Молния с небес. Гром среди ясного неба. Знаешь, как в итоге классифицировали пожар?

- Как?

- Деяние Бога.

- Ты не расскажешь мне о Тамаре?

- Я достаточно рассказала о Тамаре. Больше ты о ней ничего не услышишь.

Некая ярость нахлынула на МакКуина. Четыре часа эта женщина его дразнила и насмехалась. Она появилась в его баре и предложила золотую коробку, после чего всю ночь размахивала перед его носом ключами. Даже когда ключ был в замке. Почему она не повернет его?

Но он злился не на нее, и знал об этом. Перед ним была Пэрис. Было легко выплеснуть всю злость на нее. Он понимал ярость Леви из-за того, что Джордж Мэддокс уже был мертв и похоронен. МакКуин тоже наслаждался бы, вырывая сердце из его груди.

- Леви был ее братом, - наконец произнес МакКуин.

- Сперва он был ее мужем, как она говорила.

- Сперва он был ее братом.

- Если я скажу тебе, что меня зовут Карен или Сюзан, как ты будешь обо мне вспоминать через месяц? Через год?

- Как о Пэрис.

- В первую очередь для нее он был мужем. Значит, он был ее мужем. Как гусята запоминают то, что видели первым. Она видела его мужем. Он был ее мужем. Эти нити были сплетены задолго до их рождения. Сегодня мы не будем их расплетать.

- Моей дочке семнадцать, - ответил МакКуин после долгой паузы.

- Где она?

- С матерью. Летом мы с Эммой ездили в ЛА навестить выбранный ею колледж. В самолет она взяла с собой большую плюшевую собаку в качестве подушки. Она до сих пор маленькая девочка. Я пытаюсь представить, как она выходит замуж. Через неделю она вернется.

- Ты любишь дочку?

- Что это за вопрос? - возмутился он. - Конечно, люблю.

- Интересно, расскажет ли кто-то кому-то ее историю однажды.

- Надеюсь, она будет счастливее этой, - ответил МакКуин. В его животе сформировался тугий узел. Он пил всю ночь, но был ужасающе трезв и хотел, чтобы это было не так.

- О, эта история счастливая. Знаю, в это трудно поверить. Когда вершится правосудие - радуются люди. Когда нисходит прощение - радуются ангелы.

- Пожалуйста... я прошу тебя, - начал умолять МакКуин, наклонившись вперед и сложив ладонь в молитве. – Расскажи, что произошло с Тамарой. Она умерла?

- Мы все умрем. Побочный эффект рождения.

МакКуин раздражено произнес: «Черт» и встал. Он подошел к окну и отодвинул зеркало. Он чувствовал себя узником в этой комнате, и правда стояла на страже вокруг него. Он уставился на зеленую лужайку, аккуратную как шахматная доска. Это неправильно, верно? Если у кого-то есть достаточно денег, чтобы превратить дикий лес в шахматную доску, может, у них было слишком много денег.

- Ты специально мучаешь меня, - произнес он.

- А людей мучают случайно?

- Ты пытаешься меня разозлить?

- Ты застал меня за кражей бутылки бурбона, стоимостью почти миллион долларов на аукционе, и именно это тебя злит? Что я не стану рассказывать продолжение истории Тамары?

- Я выслушал каждое произнесенное тобой слово. Было столько шансов завершить все еще в начале. Если бы Нэш не покончил с собой... Если бы Вирджиния рассказала Тамаре правду, вместо того, чтобы поручать это Джорджу Мэддоксу... Если бы Джордж признал своего сына... Если бы Тамара рассказала маме, что ее дедушка сделал с ней, а не скрывала это... Столько раз кто-то мог сделать или сказать что-то и потом...

- И что потом? Думаешь, кто-то смог бы спасти Тамару от Леви? Или спасти Леви от Тамары? Или спасти их обоих от Джорджа Мэддокса? - Пэрис покачала головой, словно журила маленького ребенка, застигнутого с рукой в банке с печеньем.

- Я говорила уже. Судьба свела их вместе. Судьба положила конец «Красной Нити». И судьба - просто другое название для поезда, который нельзя остановить, пока он не достигнет пункта своего назначения.

МакКуин наблюдал, как зеленый лист ловит восходящий поток воздуха. Он поднимался вверх, а не падал. Когда он заснет, позже сегодня или завтра ночью, ему будет сниться Тамара, и в его сне он будет видеть ее в белом платье, бегущей к железнодорожным путям, и поезд - красно-черный из беспощадной стали, ползущий ей навстречу, и, если она будет продолжать бежать, он сойдет с нее. И в его сне, он выбежит из ниоткуда и словит ее в последнюю секунду перед столкновением. Она будет хохотать и смеяться, извиваться, как маленькие девочки, которых неожиданно поднимают. *Мы просто играем, папочка,* - ответила бы она, и он упрекнул бы ее, не желая напугать, потому что не хотел делать этого снова, но еще он не хотел, чтобы она знала, что ее чуть не сбили. Но это плохая игра. Не играй в нее. Детка, ты поранишься...

Она была ребенком, Тамара Мэддокс. Только боги и маленькие дети думают, что они центр Вселенной. Только боги и маленькие дети правы на этот счет.

- Нет никаких шансов... – МакКуин замолчал, его горло необъяснимо сжалось. - Нет никаких шансов пережить это и остаться в живых, и быть в порядке после всего. Верно?

- Почему ты спрашиваешь? – задала вопрос Пэрис, теперь ее голос был как у врача, ставящего диагноз.

- Потому что я бы не смирился, узнав такое о человеке, на котором женился. Я был не вынес. Нет.

- Но ты не Тамара Мэддокс, - просто произнесла она. - Ты не Тамара Шелби.

- Нет. Я не она.

МакКуин сел на кофейный столик перед Пэрис. Он потянулся к ее рукам, и она позволила ему. Он ласкал ее пальцы, ее ладони, скользил вдоль длинной, извилистой

линии жизни от основания указательного пальца до запястья. На безымянном пальце на левой руке осталось тонкий след от обручального кольца, снятого недавно.

- Ты любила своего мужа?

- Да, любила, - шепотом ответила Пэрис.

Он погладил пульсирующую точку, слегка трепещущие вены.

- Пэрис... так назвала своего ребенка Веритас.

- Да.

- И ты ее потомок. Вот кто ты, верно? Вот почему ты называешь себя Мэддокс?

- Я Мэддокс. Веритас была моей прапрабабушкой. А, значит, Джейкоб Мэддокс мой прапрадедушка.

- Ты пьешь бурбон. - Он улыбнулся ей, сжимая ее маленькую левую ладонь в своих руках.

- Он в моей крови. Конечно, я его пью. И давай будем откровенными, Купер МакКуин, это отличное пойло.

МакКуин рассмеялся, как и она.

Он поднял ее запястье к своим губам и поцеловал его. Прижимаясь к ее ладони, он произнес: - Предложи мне что-то.

- Я расскажу, что случилось с Тамарой.

Он изогнул бровь.

- Ты много просишь, - ответил он.

- Предложи мне что-то, - теперь произнесла она.

- Ты расскажешь, что случилось с Тамарой, и вернешься в мою постель, и останешься там до утра.

- И так уже почти утро.

- Часа будет достаточно.

- Мне нравится, что ты переживаешь о Тамаре, - призналась Пэрис. - Это делает тебе честь.

- Я пытаюсь купить твое тело за бутылку бурбона.

- Так или иначе я бы поддалась. Называй это подарочной упаковкой.

- Мы заключили сделку?

Пэрис развернула ладонь, и они пожали руки.

- Договорились, - подтвердила она.

- Тамара?

- Позже.

- Ты меня убиваешь.

- Считай это расплатой за историю.

Он был белым. Она была черной. И она была права. У него не было, что ответить, кроме как обхватить руками ее шею и притянуть к себе для поцелуя. Яблоки и лакица.

МакКуин сказал «до утра», и «до утра» он продержался. Когда все было окончено, и солнце вернулось, он наблюдал, как Пэрис встает с кровати. Она сама застегнула платье, и он задумался, каждая ли женщина, которой он помогал с этой задачей, могла сделать это сама? Одной причиной меньше для мужчины находиться в мире, если женщины сами могли застегнуть платье.

- Хочешь ленту? - Он посмотрел на красную ленту на своих пальцах.

- Можешь оставить себе, - ответила она.

- Я не собираю трофеи от женщин, с которым переспал.

Она потянулась к ленте и забрала ее.

- Ради тебя стоит сделать исключение, - добавил он. - И у меня есть предчувствие, что я больше тебя не увижу. Я прав?

- А ты бы хотел, даже если бы смог?
 - Ты собираешься украсть еще одну бутылку моего бурбона?
 - Возможно. У тебя отличная коллекция.
 - Возвращайся и выпей со мной. Ее будет приятно разделить со знатоком.
 - Возможно, я снова тебя увижу. Может, да. А, может, и нет. Пусть судьба за нас решает. А пока... - Она обула туфли на высоком каблуке и сделала реверанс. Она протянула ему свою руку, и он поцеловал тыльную сторону.
 - Ты подарила мне странную и незабываемую ночь, - признался он.
 - А ты дал мне закончить все, ради чего я пришла. И я закончила. Кончила...
 - Ты можешь прийти, чтобы закончить свои дела в любой момент.
- Он проводил ее вниз, в гостиную, и протянул бутылку.
- Весь твой, - заявил он. - Вирджиния Мэддокс не владела бутылкой. Она не могла законно ее продать. Она не могла законно ее купить.
 - Ты потратил миллион долларов.
 - Ночь с тобой - лучший миллион, который я когда-либо тратил.
 - Всего миллион за ночь со мной. Взял почти задаром. - И затем, без намека на почтение к последней существующей бутылке «Красной Нити», она вырвала ее из его рук и засунула в свою сумочку.
 - Что ты собираешься с ней делать? - поинтересовался он. - Выпить? Сохранить? Однажды передать детям?
 - Ничего из перечисленного.
 - Тогда что? - вновь любопытствовал он.
 - Ответ на этот вопрос не входил в нашу сделку.
 - Да, ты права. Не часть сделки. Но Тамара... она была частью сделки.
- Пэрис кивнула.
- Да, была.
 - Так что случилось с ней?
 - Забавно, что ты спрашиваешь о ней, а не о Леви.
 - Ты и о нем тоже можешь рассказать, если хочешь.
 - Нет, он - это другая история.
 - Тамара была просто девушкой, ровесницей моей дочки.
 - Девушкой, убившей человека, сбежавшей с братом и уничтожившей династию бурбона.
 - Я не говорю, что она не была впечатляющей.
- Пэрис улыбнулась.
- Так и есть. - Она посмотрела сквозь него. Что она увидела, он не знал, но отдал бы все, чтобы смотреть ее глазами.
 - Тамара умерла на руках мужа, - произнесла она.
- Голова МакКуина задралась вверх. Он выругался.
- Она умерла на руках мужа спустя двадцать три года после ночи, когда сгорела «Красная Нить».
- МакКуин снова опустил голову.
- Что?
 - В ту ночь Тамара не умерла. Но у нее был выкидыш. Так или иначе это бы произошло. У женщин часто случаются выкидыши. Но после всего, что она вынесла... не стоит винить ангелов за это. Можно винить шок, сотни изрубленных бочек бурбона и отравленный воздух.
- Облегчение настолько мощное, что можно было сравнить с сорокаградусным алкоголем, ударило его в живот. Ему было наплевать на беременность, его волновала только девушка.

- Но она выжила. Она все это пережила?
- Да. С трудом. Она потеряла много крови и ей пришлось отправиться в больницу. И лежать в разных больницах еще долго.
- Разным больницам? Ее перенаправляли?
- Богатые женщины не лежат в психушках. Богатые женщины отправляются на каникулы.
- Но она больше не беременела. Предполагаю, она и Леви развелись, и она вышла замуж второй раз?
- Почему ты так считаешь?
- Потому что ты сказала, что она умерла на руках мужа.
- Да, умерла. На руках Леви.
- Почему? Не было же причин. - Он прикрыл рот рукой и дышал. - Она была свободной.
- Она не хотела быть свободной. Чем она собиралась заниматься? Поместить личное объявление в газету? Найти милого парня в церкви? Она убила отца и вышла за брата, и сожгла семейное наследство дотла. Как бы ты жил? Уверена на все сто, ты бы не жил один. Они были как два моряка, слишком пьяных чтобы стоять, но, если они обопрутся друг на друга, смогут идти.
- А что насчет ее матери?
- Вирджиния Мэддокс не врала. У нее был рак яичников, и она умирала от него, именно так в твоих руках оказалась бутылка и твой безупречный экспонат. Тамара тоже умерла от него. Если тебе станет спокойнее, как и должно быть, Тамара хорошо жила с Леви, и, хотя умерла слишком рано, она была счастлива до самого конца. Так счастлива, как может быть счастлива женщина, перенесшее то, что перенесла она.
- Ты знаешь это наверняка?
- Да. А сейчас, если не возражаешь, мы пойдем каждый своим путем. - Она похлопала по сумке Биркин с «Красной Нитью» внутри. Первой бутылкой. Настоящей бутылкой с красной лентой Веритас, упавшей с ее шеи. Узнав столько о ней, МакКуин не взгрустнёт, смотря как они уходят.
- Куда теперь? Красть редкую бутылку вина?
- Она устало улыбнулась. В конце концов, они не спали всю ночь. Она нравилась ему уставшей. Она выглядела как человек, доступной, уязвимой. Он хотел, чтобы она осталась на еще одну ночь. Он хотел, чтобы у него было, что еще украсть.
- У меня есть небольшое дело. А затем я отправлюсь домой спать.
- Она остановилась у двери. МакКуин встал между нею и дверью.
- Пробовала «Боевого Петуха»?
- Ты говоришь о бурбоне или какой-то позе для секса, которую я еще не пробовала? - спросила Пэрис.
- Бурбоне, - улыбаясь, ответил он. - Я хотел его попробовать. До сих пор не набрался смелости. Но ты можешь меня подбодрить.
- Облизывал когда-нибудь свечу зажигания и запивал виски?
- Не могу припомнить.
- Похожее послевкусие, - поделилась опытом она. - Другими словами, очень рекомендую.
- Возвращайся, - вырвалось из его рта. - Возвращайся, когда захочешь. Расскажи мне еще историй. Укради весь бурбон.
- Я подумаю.
- МакКуин открыл дверь и захлопнул прежде, чем она успела уйти.
- Чего ты мне не рассказала? - задал вопрос он. - Есть еще что-то, верно? Какой-то момент в истории?

- В каждой истории есть еще что-то.
- Что же?
- А ты как думаешь?
- Ты, - ответил он. - Кто ты?
- Я уже сказала.
- Не все. Даже близко не все.
- Не все, - призналась она.
- Тогда что?
- Спроси, кем был мой муж, и я отвечу.
- Кем был твой муж?

Пэрис наклонилась вперед и прижала руку, обтянутую перчаткой, к его груди. Она поцеловала его в щеку, и он вдохнул, желая запомнить ее аромат навсегда. Дикие цветы, сорванные в поле. Не выведенные для красоты, не красивые. Вырванные из земли, дикие даже в вазе.

- Спасибо за приятную ночь, мистер МакКуин. - Затем она открыла парадную дверь.

- Ты сказала, что скажешь, кем был твой муж.

Пэрис спустилась по ступенькам, изящно как газель, даже на таких высоких каблуках.

- Я сказала, что расскажу, - ответила она. - Но не говорила, что сейчас.

И она ушла.

Глава 35

Пэрис села в свою машину, и это было некое облегчение наблюдать за тем, как открываются ворота Локвуда, позволяя ей уйти. Наступил рассвет, и она надела солнечные очки. Она хотела спать, и она заснет, как только доберется домой. Ей хотелось заснуть у Купера. Он не был плохим мужчиной, и, если он слушал ее сегодня, может быть, однажды мог бы стать хорошим мужчиной. Но мир менялся, и вскоре от Купера МакКуина не останется ничего кроме реликвий, таких как доспехи и «железных дев». Он правда ей нравился и был симпатичным. И она слишком долго была одна. Может, она снова его увидит. Тогда ей придется рассказать другую историю.

Хорошо, что у нее была еще одна.

Пэрис рассказал бы Куперу МакКуину свою историю, ту, что началась, когда ей было шестнадцать, и она получила письмо. Чернокожая девушка, которая ходила в Школу Округа Франклин во Франкфорте, штат Кентукки, и жила в желтом маленьком доме, в ста футах от реки Кентукки, не получает письма на дорогой бумаге. Тут и началась ее история, с письма.

Дорогая Пэрис,

Надеюсь, это письмо застанет тебя в добром здравии. Информацию, которую я собираюсь поведать, может стать сюрпризом, но, кажется, мы родственники...

Пэрис перечитала письмо три раза, прежде чем понять смысл новостей. Женщина в Южной Каролине, владеющая лошадиной фермой, на которой разводили и выращивали ганноверцев и Теннисийских Прогулочных, сообщала, что Пэрис Кристи, дочь матери-одиночки, вырастившей еще двоих детей от другого мужчины, что она была как-то связана с женщиной, выращивавшей лошадей и владевшей

островом? Черт, Пэрис даже не поверила бы, что была связана с женщиной, разведившей такс.

В письме отправительница говорила, что она провела расследование ее родословной (кто этим занимается?), поскольку искала потомков женщины, которую взял в рабство предок владельца конопляной фермы (кажется, у этой белой леди очень много свободного времени). Оказалось, что Пэрис была единственным живым потомком. Пэрис плохо знала своего отца, но он отправлял ей открытки, иногда немного денег. Его мать умерла, она знала это, потому что спросила маму о бабушке и бабушке со стороны отца и получила желаемый ответ.

Письмо было подписано «Тамара Шелби».

Когда мама вышла за своего давнего парня, с которым Пэрис никогда надолго не оставалась одна, Пэрис приняла решение покинуть дом как можно быстрее. Письмо пришло на следующий день после того, как она поинтересовалась в школе о том, как досрочно сдать экзамены, чтобы выпуститься побыстрее и начать собственную жизнь. Пэрис ответила женщине, миссис Тамаре Шелби, и просила больше информации. Следующее письмо содержало имя Веритас и имя Джейкоб Мэддокс, и слова «Красная Нить». Пэрис отправилась в общественную библиотеку, которая располагалась в двух шагах от реки, и это не было преувеличением. Она действительно могла дойти от парковки библиотеки до реки за два шага. Она могла прыгнуть и поплыть, если бы захотела, но вместо этого вошла внутрь, взяла книги и газеты и поняла, что отправительница письма была сумасшедшей. «Красная Нить» была настоящей компанией в городе, который сейчас назвался «Фэйр Оакс Лейн».

Бурбоновая винокурня была широко известна из-за своего отличного бурбона и красных нитей на горлышках дорогих бутылок, роскошного алкоголя. Мужчина, основавший компанию однажды владел прапрабабушкой Пэрис. Судя по словам Тамары Шелби, урожденной Тамары Мэддокс, Пэрис была ей родственницей.

Хорошо, если она так настаивает.

Когда пришло приглашение приехать, Пэрис приняла его без разрешения матери. Ее мать была хорошей женщиной, и Пэрис была хорошей девочкой, но они были хорошие каждый по-своему, и жизнь под одной крышей изводила их обоих. Она отпустила Пэрис, и впервые за всю свою жизнь Пэрис уехала из Кентукки.

Когда Пэрис посмотрела на Тамару Мэддокс Шелби тем июньским днем, когда машина остановилась перед крыльцом дома, сияющим белым фермерским недавно построенным домом, - это была любовь с первого взгляда. Тамара Шелби стояла на крыльце, женщина чуть за тридцать в разгар своей красоты. Когда Пэрис увидела потрясающего мужа Тамары, которого она приняла за итальянца из-за его оливковой кожи и густых вьющихся темных волос, с достаточным количеством седины, придающей ему изысканности, - это была любовь со второго взгляда. Но когда он заговорил, она услышала английский с таким знакомым кентуккским акцентом, что могла бы принять его за своего кузена. Тамаре, как оказалось, было тридцать три, а Леви, ее мужу, сорок пять. Пэрис была ребенком, когда та и Леви поженились. Трудно поверить, что женщине было всего тридцать три, и она уже шестнадцать лет замужем.

Из-за того, насколько они были богаты, Пэрис ожидала, что они будут претенциозными. Белыми снобами. Лошадиными снобами. Денежными снобами. Но нет. Они оба были из Кентукки, и они были искренне добры к ней. С ней обращались как с членом семьи, любили до безумия. Она была ребенком, которого у них никогда не было. Они любили ее. Пэрис любила их.

В конце лета Пэрис отказалась ехать домой. Тамара и Леви говорили, что она может остаться с ними, и мама с новым мужем не слишком печалились ее отъезду. Они научили ее всему, что знали о лошадях, об острове, о парке, в который тот

превратили. Она научилась ездить верхом. Она узнала, как управлять фермой. Она узнала, как стать незаменимой для этих людей, которых боготворила. Они вырвали ее из старой жизни в гниющем доме с матерью и отчимом, которого она не переносила, и привели в рай. Они ценили ее, Тамара и Леви. Они любили ее. И когда Тамара узнала, что умирает от недуга, убившего ее мать, она привела Пэрис к ее кровати, обняла и рассказала настоящую историю «Красной Нити», кем она была и кем был Леви. Историю, которую Пэрис сегодня рассказал Куперу.

Пэрис восприняла ее не так же хорошо, как Купер. Она убежала из дома, убежала в Кентукки, ехала всю ночь в пикапе, которые ей дали Леви и Тамара, в старом пикапе Леви, за который он платил целое состояние, чтобы тот был на колесах. Она проехала половину пути к Франкфорту, прежде чем развернулась и поехала обратно на остров. Леви ждал ее, когда она остановилась перед домом.

- Дитя, я тоже уехал, - признался он ей. - И вернулся.

- Не знаю смогу ли я вынести, - прошептала она.

- Ты или сделаешь это тут, или где-то в другом месте, но в любом случае ты должна справиться и выдержать. Если останешься, мы можем помочь тебе справиться. Я помогу, - исправился он, вспомнив, что вскоре множественное число станет единственным.

После того как Тамара ушла, ушла к богам, к которым уходят после смерти, они похоронили ее на поляне на острове, Леви, Пэрис и Боуэн, и дюжина лошадей стояли вокруг ее могилы. После этого Пэрис не могла уехать. Ее сердце было на этом острове, и уехать с фермы означало уехать от самой себя. Она осталась, и она работала. И она училась.

Она пошла учиться в Южной Каролине. Пошла в колледж, в университет и в итоге получила докторскую степень по химии. Леви ни слова не сказал по этому поводу, хотя она знала, что он знал, что она планировала. У него и свои планы тоже были. Когда Пэрис было тридцать четыре, он шокировал ее, сделав ей предложение выйти за него. Сперва она была в ужасе - этот мужчина, который был ей как второй отец, сделал ей предложение. Но он пообещал, что все не так. Он хотел быть уверен, что все его будет ее, когда он умрет, и что нет других Мэддоксов, и она понимала, он говорил, что белые члены клана Мэддоксов не отнимут у нее ничего.

И Пэрис пришлось выйти за Леви, потому что она знала, что Тамара хотела бы, чтобы она согласилась.

Из уважения к мужу, который был мужем только на словах, она ждала, когда он скончается, прежде чем превратить план в реальность. Она купила дом в Франкфорте, Кентукки, исторический георгианский дом на Ваппинг стрит, который был однажды домом генерала армии Федерации. Пэрис поселила теперь разведенную мать с собой и поняла, что их старые размолвки загадочным образом разрешились. Единственным разногласием было только решение Пэрис не заводить детей. Она все еще была молода, хотя время утекало. Лучше родить, говорила мать. Лучше поторопиться. Долгое время Пэрис игнорировал этот совет. Ей приносило мрачное удовольствие то, что она прекращала династию Мэддоксов лишь своим простым нежеланием иметь детей. Но с ней умрет не только линия Мэддоксов, но и линия Веритас, и правда была в том, что она была не против стать матерью. Ей может даже понравиться. Прежде чем она вошла в Рикхаус прошлой ночью, чтобы рискнуть с Купером МакКуином, она решила рискнуть с Богом и судьбой. Может, через девять месяцев Купер узнает, что последняя ночь была интереснее, чем он думал. Судьба была поездом, который не останавливается, пока не достигнет конечной станции. Пэрис знала, эта поездка только началась.

Вот теперь это была история.

Пэрис вернулась в город, но не поехала домой. Еще одно дело, и она хотела его завершить, потому что Тамара была где-то там и наблюдала.

За железной оградой кладбища Франкфорт она припарковала машину и ступила на мягкий газон. Должно быть, прошлой ночью во Франкфорте была гроза, земля была мокрой и мягкой, и каблуки ее туфель застревали в траве. Она едва не потеряла одну, пытаясь выбраться. Затем она шла по асфальтированной дорожке, пока не нашла искомый ряд.

На этом кладбище были похоронены знаменитые люди. Такие как Дэниел Бун, судья Джон Мильтон Эллиот, убитый другим судьей за смертный приговор, вынесенный в деле против сестры мужчины. Убийство стало общенациональной новостью, и «Нью Йорк Таймс» прокомментировал, что «такое преступление вряд ли могло произойти в другом регионе, называющем себя цивилизованным... кроме Кентукки».

Кентуки был пограничным штатом. Границей между Севером и Югом, границей между старым и новым миром, между цивилизацией и местом, где имена Хатфилд и МакКой что-то значили.

В нескольких футах от главной дороги лежало несколько поросших мхом могильных плит. Пэрис осторожно ступила на газон и прошла мимо надгробия Эрика Мэддокса, который умер во Вьетнаме, Нэша Мэддокса, который застрелился, Джорджа Мэддокса, который умер от рук дочери. Она шла вдоль линии, с каждым шагом погружаясь в прошлое.

1978.

1968.

1965.

1927.

1912.

Перед рубежом веков Пэрис остановилась. Вот она.

Плита была из темного гранита, два дюйма толщиной и два фута высотой. Вершина была арочной, и под аркой были выгравированы крылья ангела.

Десятилетия дождей, ветров и пренебрежения износили камень, так что слов было не разобрать. Но Пэрис смогла прочитать большую их часть.

Здесь покоится тело Джейкоба Джуда Мэддокса и его любимой жены, Генриетты Мэри Мэддокс. В раю они воссоединятся с их ребенком...

После этого Пэрис ничего не разобрала.

Первой умерла Генриетта, но Джейкоб Мэддокс вскоре последовал за ней. Ее родоначальник. Ее предок. Насильник ее прапрабабушки.

Она пыталась что-то почувствовать к нему. Ненависть? Горечь? Злость? Благодарность за то, что он был достаточно ужасным, чтобы сделать свое дело, приведшее к ее существованию, но и основал компанию, которая в конечном итоге сделала Пэрис очень состоятельной женщиной?

У нее были все деньги Джейкоба и Генриетты. Деньги Мэддоксов, которые она унаследовала от Леви, который унаследовал от Тамары, которые она унаследовала от отца, Джорджа, который унаследовал от своего отца и его отца. Они были ее, все ее. Джейкоб мертв, а она жива. Жива и богата. Девушка, которую изнасиловали, родила девочку, которая родила девочку, которая привела в этот мир Пэрис Шелби, которая стояла на могиле Джейкоба в туфлях от Маноло Бланик за пять тысяч долларов и держала в руках сумку за шестьдесят тысяч, и на ней не было ничего кроме костюма,

который она надела чтобы соблазнить Купера МакКуина. Он сработал, потому что в сумке с завышенной стоимостью была бутылка на миллион долларов.

На самом деле, в ее сумке были две бутылки. «Красная Нить» и другая бутылка бурбона, значащая для Пэрис гораздо больше денег.

Пэрис достала первую бутылку, «Красную Нить», и открутила древнюю ржавую крышку. Она понюхала ее. Аромат давно исчез. Теперь это была просто грязная вода. Пэрис ни капли не выпила.

Она перевернула бутылку и вылила содержимое на могилу Джейкоба и Генриетты Мэддокс, которые, как верила Пэрис, горели в этот самый момент в аду.

- Немного горячего для вашей жизни, - сказала она и, когда бутылка была пуста, бросила ее на землю. Одним удачным ударом ноги она раскрошила бутылку о надгробную плиту. Затем девушка достала вторую бутылку из сумки и поставила ее на могилу, вкручивая ее в землю как нож в грудь.

На этикетке были написано «Односолодовый бурбон Веритас», первый продукт винокурни Пэрис. «Веритас» была ее брендом, дорогой алкоголь, который она, не жалея сил, совершенствовала. Другой бренд в настоящий момент созрел на винокурне Пэрис, которая когда-то была винокурней «Красной Нити», и назывался «Сыворотка Правды», в честь старика Боуэна Берри. Боуэн до сих пор работал в кооперативе на острове Невесты и обучал своего племянника, как делать бочки для бурбона, которые он перестал делать тридцать пять лет назад.

- Бароны мертвы, - произнесла она. - Да здравствуют баронессы.

Если и когда она однажды расскажет историю Куперу МакКуину, она расскажет, как смеялась, стоя на их могилах. Лучше выдумка чем правда, она не смеялась. Она плакала. Только немного и только из-за Тамары и Леви, и Веритас, и за себя. Она плакала за себя, потому что слишком долго носила это бремя и было больно его отпускать, большее чем носить.

Пэрис ушла и по пути завязала на пальце красную ленту с горлышка бутылки «Красной Нити».

Все сделано. Все закончено.

Люби то, что они разрушили.

Разрушай, что они любили.

И на этом месть Тамары была завершена.

Но месть Пэрис только начиналась.

И она началась с бутылки бурбона за миллион долларов, просачивающегося в землю. Пэрис покачала головой и наконец рассмеялась, как того хотела. Трудно поверить, что она выманила бутылку у Купера МакКуина с помощью секса и грязной истории. Пэрис владела им ночью и, возможно, до сих пор владеет им.

Как всегда говорила Тамара: «Нельзя продавать людей».

Но их можно купить.

Конец